

Юсеф эль-Сибай

Водонос умер

Глава 1

Маленький воришка

События, описываемые в этой книге, происходили в 1921 году в каирском квартале аль-Хусейнийя, существующем и по сей день. Его внешний облик заметно изменился. Время щедро нагородило развалин и пепелищ, строители — новых зданий, проездов и дорог. И все же в квартале немало его прежних отличительных особенностей. Разрушительное время как бы прошло мимо всего этого очень старого, почти первозданного. Главным сохранившимся объектом в квартале, имеющим самое непосредственное отношение к повествованию, остается правительственная водоразборная колонка, расположенная в одном из укромных уголков улицы Самакин. У входа в небольшую деревянную будку важно восседает Сейид Донаб — всеильный повелитель длинной шумящей очереди женщин с бидонами, мужчин с бурдюками. Это — король воды. Место, где он восседает, по праву называют «водяным треном».

Мне бы хотелось, чтобы читатель сам побывал на месте действия романа, побродил там не спеша, послушал, о чем люди говорят. Но я очень сомневаюсь в том, что современное поколение читателей можно легко убедить в необходимости самому осмотреть все эти старые места, улицы и переулки, еще хранящие остатки прежних красот. И вместе с тем мне очень хочется хотя бы мысленно познакомить читателя с местами описываемых событий, совершить с ним совместную прогулку по кварталу аль-Хусейнийя, дать ему хотя бы поверхностное представление о том районе нашего города, где будут жить герои романа, заставить читателя присутствовать там хотя бы на время чтения этой книги.

Начать наше путешествие я предлагаю с улицы Фарука, находящейся примерно на равном расстоянии от площади Фарука и площади Атаба (вторая площадь много раз переименовывалась. Я предпочитаю сохранять ее старое название, боясь, что в период работы над книгой ее снова переименуют). Тут большую улицу пересекает другая, узкая и длинная, по которой ходит автобус аж до самого дома судьи. Это улица Баггалья.

Ступим на площадь Атаба, свернем в улицу Баггалья и пойдем узкой запруженной дорогой. По обеим сторонам улицы располагаются бесчисленные бакалейные лавки, столярные мастерские, лотки старьевщиков и продавцов всякой всячины. Проезжая часть улицы забита телегами, ослиами, ручными тележками. С трудом прокладывая себе дорогу, мы минуем ряд переулков, уходящих от улицы вправо и влево — аль-Базара, Агур... Пройдем мимо двух мечетей, стоящих на левой стороне. Вот мы прошли улицу аль-Банхави и вступили на большую неправильной формы площадь. Справа от нас будет Баб аль-Футтух — старые каирские ворота, массивные, величественные, но уже полуразрушенные. Вокруг валяются кучки недоеденного животными клевера, помета, на земле отдыхают путники, как чертенята, носятся мальчишки. Если пройти через эти ворота, то можно попасть к зданию посреднической конторы, занимающейся торговлей лимонами и маслинами. Дальше располагаются ряды жестянщиков, дом судьи и, наконец, мечеть святого Хусейна.

Если посмотреть прямо перед собой, то в конце площади можно увидеть кладбище Баб

ан-Наср, которое пересекает большая улица под названием аль-Нугум, переходящая затем в улицу аль-Аббасийя. Границы площади определяет мощеная улица аль-Кассасин. В дальнем углу площади стоит небольшая гробница Ибн Хишама. Все могилы вокруг гробницы были снесены, чтобы расширить проезжую часть. Теперь она стоит одиноко, как памятник глупости живущих, пытающихся сделать разницу между собой и теми, кого аллах упрятал своей волей в земные недра.

Свернем в первый переулок слева. На первом же доме увидим табличку с названием: «Улица Самакин». Это типичная для старых народных кварталов улочка, узкая и грязная, с маленькими лавчонками, тесными двориками, обветшалыми стенами, высокими дверьми, узкими, близко расположенными друг от друга окнами. Соседи могут без труда пожимать друг другу руки прямо из окон.

Улочка замощена брусчаткой из базальта. По обеим ее сторонам кучи мусора и различных отходов, по небольшим желобам течет грязная вода. Такая картина наблюдается на всех старых улицах и в переулках. Даже уважаемые чистые улицы Каира застроены примерно таким же образом. И все же улица Самакин имеет свои характерные особенности, отличительные черты.

Во-первых, как мы уже говорили раньше, это водоразборная колонка, расположенная на правой стороне, в нескольких шагах от начала улицы. Сама колонка, будка, ее хозяин удобно расположились в глубине укромного уголка, оставив небольшую площадку, где постоянно толпятся жаждущие получить воду.

Миновав колонку, мы упрямся в полуразрушенную стену, за которой располагается большой пустырь, захламленный всяким старьем: тут и там кучи мусора, остатки бидонов и кувшинов, старые прожженные котлы, в которых варят бобы. Во всех этих мусорных кучах возятся люди, такие же грязные, как и старые котлы. Это свалка квартала аль-Хусейнийя. В конце ее расположена баня, вход в которую с одноименной большой улицы. Вокруг свалки стоит несколько старых полуразрушенных домов, лавчонок, начальная школа.

Если мы пойдем дальше, то вскоре увидим слева высокое здание, окруженное толстой разрушенной кирпичной стеной, в которой сделана высокая тяжелая деревянная дверь, обитая железными полосами. Дверь ведет в темный, узкий крытый проход. На небольшой площадке в конце его нагромождение черных предметов, которые поначалу трудно определить. Привыкнув к темноте, глаза начинают различать закопченные печки, в которых пекут батат (сладкий картофель). Это живущие рядом кузнец и слесарь сложили их здесь, чтобы не загромождать подходы к своему дому.

Миновав крытую галерею, попадаем на просторный двор, заваленный горами камня, мусора и битого кирпича. Перед взором вырастает и само здание, которое время превратило в бесформенное пепелище. Рядом высокий минарет, напоминающий о том, что здесь когда-то была мечеть.

Стены здания во многих местах обвалились, оконные рамы сгнили. Из оконных провалов струится мрак запустения. Мраморная лестница, ведущая на большую нижнюю веранду, почти полностью развалилась. Она загромождена пустыми ящиками, желтыми книгами, которые не успели унести. Да, ведь еще сохранившиеся помещения этого дома были сданы под книжный склад. Это обстоятельство способствовало тому, что здание пока еще не полностью разрушено и сохраняет некоторые следы былой красоты, прежнего величия.

Хозяин книжного склада может поприветствовать нас, а может и не удостоить вниманием. Мы на это не обидимся — что нам до него! Нас больше интересует мальчик-водонос с бурдюком на спине, содержимое которого он выливает в глубокую лунку, окружающую комло большой многолистной тутовницы. Это все, что осталось от цветущего парка.

В таком неприглядном виде предстает перед нами сегодня место действия романа. Царство разгрома и запустения, почти никаких следов прошлой славы, величия, значимости и почета. Но силой своей фантазии мы можем представить все то, что было здесь тридцать лет назад. В этом нам помогут и мальчик-водонос и разросшаяся тутовница. Лившаяся из его

бурдюка вода быстро впитывалась землей, достигала корней дерева. Его листва благодарно шумела, давая добрую тень.

Давайте внимательно присмотримся к мальчику и дереву, этим двум цветущим существам, одиноким среди царства разрушения и тлена. Заставим себя сосредоточиться только на них двоих. Вернемся мысленно на тридцать лет назад, представим себя живущими в ту достаточно далекую эпоху...

И вдруг совершается чудо. Все вокруг нас преобразается. Нет запустения и разрушений, все мертвое оживило, расцвело! Нет больше книжного склада, все стало таким же величественным и красивым, как и тридцать лет назад. Мы стоим в цветущем парке Большого дворца, как его называют жители квартала, принадлежащего Ибрагиму беку Гадд аль-Керим.

Было начало сентября 1921 года... Очень раннее утро... День еще только занимался, ночные сумерки медленно рассеивались, горизонт на востоке постепенно светлел. По небу плыли пышные белые облака, напоминающие кучи хлопка. Улицу Самакин заполняла тишина. Никаких признаков жизни. Только на свалке да в мечети небольшое движение. Большой дворец молчал. Его окружали высокие кирпичные стены. Он был похож на неприступную крепость. Большая толстая деревянная дверь коричневого цвета, обитая железными полосами, была приоткрыта. Сквозь щель был виден черный сторож дворца Габалла, сидящий на молитвенном коврике. Он погрузился в благостное состояние, воздавая хвалу всевышнему, бормоча утреннюю молитву. На черном лице старика были написаны благочестие и умиротворение.

Если пройти через крытую галерею, где распластался Габалла, миновать небольшую дверь справа, то можно выйти в большой зеленый парк, который в это время года был в зените своего расцвета и плодоношения. Как чаще всего, все парки, окружавшие в ту эпоху дворцы, и этот был фруктовым садом, а не просто декоративным украшением владений. Тут не было больших газонов и цветочных клумб. Многочисленные плодовые деревья все затеняли. Лишь кое-где росли кусты роз, жасмина, акации. Осенний ветерок наполнял воздух неповторимым ароматом.

В парке были две примечательности. Большая деревянная беседка с еще недостроенной стеной и мраморный бассейн, полный воды. Вокруг бассейна теснились фруктовые деревья: апельсиновые, мандариновые, персиковые, абрикосовые, сливовые, манговые, гаввафы¹. Было много пальм. У входа росла раскидистая смоковница.

За ночь воды в бассейне значительно убавлялось. Она вытекала в многочисленные арыки, пересекавшие парк во всех направлениях. Обильная роса орошала листву деревьев, лепестки роз, усыпавших землю, и широкую мраморную лестницу.

Ночная дрема еще окутывала весь дворец — ни голосов, ни движения. Все двери и окна плотно закрыты. Лишь на одном окне ставни были полуоткрыты. Видно, кто-то очень торопился спать и забыл их хорошо закрыть. Бодрствовали лишь двое — сторож Габалла, совершавший утренний намаз, да мальчишка-водонос.

Мальчика звали Сейид Донаб. Он выполнял свою каждодневную работу, порученную ему отцом несколько недель назад. Отец решил забрать мальчика из школы и приучать к делу. Каждое утро Сейид брал небольшой бурдюк, самостоятельно, как настоящий водонос, шел во дворец и поливал туговицу, посаженную на возвышении, куда не достигала вода из арыка.

Мальчик всем своим видом, движениями и повадками напоминал классический тип водоноса. На нем был падет кожаный жилет, на спине висел бурдюк, закрепленный ремнями. Жилет ему сделал отец из своего старого. Маленький водонос ловко держал бурдюк в наклонном положении, быстро выливая воду в лунку, сделанную вокруг комла дерева. Несмотря на свой малый рост, худобу, тонкие ручонки, он без труда выполнял свою обязанность. В это раннее утро нельзя было без удовольствия и симпатии смотреть на маленького смуглого труженика. На его лице не было и следа неудовольствия или усталости.

¹ Вид фруктов в форме груши с многочисленными косточками.

Он с готовностью выполнял поручение отца.

Опустошив бурдюк, Сейид внимательно осмотрелся. На мокром его лице с правильными нежными чертами озорно блестели глаза. Изучающим взглядом он обследовал окна и двери дома, вход в парк, где Габалла не спешил завершить молитву. Удостоверившись, что его никто не может увидеть, мальчишка быстро побежал к гаввафе, усыпанной желтыми, спелыми плодами. Правда, на земле вокруг дерева было полно опавших плодов, которых больше, чем хватило бы, чтобы насытиться. Но маленький труженик не признавал легкой добычи. Он скинул со спины бурдюк, снял жилет, ухватился за нижнюю ветку и стал взбираться на дерево. Словно обезьянка, Сейид добрался по веткам до плодов, устроился поудобнее и приготовился сорвать самую большую гаввафу. Но тут ветка не выдержала тяжести тела, треснула, обломилась, и мальчишка рухнул. Но земли Сейид не коснулся. Между ним и землей оказалось препятствие — спина сторожа Габалла, который, услышав шум листвы и треск веток, отрешился от молитвы и поспешил узнать, в чем дело. Ему не впервой было гонять ребятишек, часто совершавших налеты на парк. Не успел он подойти к дереву, как на голову ему свалился парнишка. Старик разразился проклятьями. Пока он руганью выражал свое возмущение, мальчишка с быстротой молнии схватил монатки и пустился наутек. Сейид Донаб мчался к воротам, за ним Габалла в своей белой галлябее² и большой чалме. Дорогу к воротам преградил отец мальчика — муаллим³ Шуша Донаб. Он воскликнул:

— Что с тобой?

Оглянувшись, Сейид увидел, что Габалла сильно отстал.

— А ничего... Просто полил дерево, — отвечал он.

— Чего же ты летишь сломя голову, да еще раздетый? Уважающий себя водонос никогда не снимает жилета и бурдюка, не носит их в руках. Без этого он похож на солдата, повесившего мундир на плечо. Ты когда-нибудь видел такого солдата?

Сейид продолжал с опаской осматриваться по сторонам, взывая к аллаху, чтобы тот задержал сторожа. Как можно спокойнее он сказал:

— Такого не видел.

— Тогда зачем снял одежду водоноса?

Не успел Сейид ответить, как увидел подбегающего Габаллу. Он размахивал длинными, тощими руками и, хоть и запыхался, ругаться не переставал. Муаллим Шуша сразу догадался, кому адресовались проклятья. Черный старик громко жаловался:

— И так каждый божий день... Лазают по деревьям, ломают ветки, безобразят весь сад.

— Не гневайся, дядюшка Габалла, я научу его, как себя вести в чужом доме. Мал он еще... А не наберется ума, снова отправлю в школу. Я сам виноват, думал, уже мужчиной становится, решил теперь же приучать к делу. Надел жилет, взвалил на спину бурдюк, помогал вести тележку... У-у, дурачок несмышленный! — сердито отчитывал отец.

Сейид снова облачился в свой жилет и вместе с отцом повез тележку внутрь парка, к бассейну. Вода из бурдюков была быстро вылита. Шуша развернул тележку и пошел к воротам. Попрощался с Габалла:

— Ты прости, пожалуйста, парень больше этого не сделает. Поеду еще раз за водой.

Отец и сын двинулись по направлению к колонке. Время от времени Сейид внимательно всматривался в лицо отца, стараясь определить его настроение и намерения. Про себя он рассуждал: неужели и вправду рассердился? Всего из-за какой-то гаввафы или нескольких? Ну, нет... Это не так, по привычке изобразил гнев... Не может он прогнать его снова в школу. Школа! Чтоб ее черти побрали вместе со всеми обитателями. Ни за что туда не вернусь. Корпеть над книжками после всех прелестей свободы и независимости?! Никогда! Отец научил его стоящему делу, возвел в ранг мужчины. Лишиться всего этого? Нет уж, никогда!

² Длинная полотняная рубаха, национальная одежда египтян.

³ Учитель, мастер своего дела, уважительное величание почитаемых людей.

Поначалу бурдюк тяжело давил спину, а сейчас Сейид привык, не чувствует тяжести. Правда, каждый день приходится вставать очень рано, но и занятия в школе начинались примерно в это же время. Однако есть большая разница в ранних вставаниях. Раньше ранним утром он шел как на каторгу, а теперь прямой путь вел к свободе. Он надевает жилет, берет бурдюк, идет к колонке вместе с отцом, набирает воды и один идет во дворец. Как давно он об этом мечтал! Если в прошлом он только с вожделием смотрел на финиковые пальмы и виноградник, то теперь все это богатство находилось в его полном распоряжении. Раньше, когда Сейид приходил вместе с отцом во дворец, Габалла иногда давал ему опавшие плоды, но он не переносил таких милостей. Ему самому хотелось рвать виноград и гаввафы, абрикосы и финики. Это было его страстной заветной мечтой.

Наконец, когда отец забрал его из школы, начал понемногу обучать своей профессии, беря в ежедневные обходы клиентуры, мечта стала явью. Ему доверяли самостоятельно ходить во дворец поливать туговицу. Он не мог наверняка сказать, почему именно туговицу, но и на этом спасибо... Не пытался Сейид любопытствовать и сейчас, терпеливо ждал, когда отец сам раскроет свои намерения. Ох, уж этот Габалла. Угораздило его оказаться под деревом!

Во всяком случае ничего хорошего ему ждать не приходится. В школу скорее всего отец не прогонит, а вот одному во дворец ходить запретит. Вот досада! Бог прогнал Адама из рая за одно сорванное яблоко, а его прогоняют из дворцового парка за гаввафу!

Тем временем мужчины добрались до колонки. Шуша крикнул муаллиму Али Донгалю, сидевшему в будке:

— Эй, гони вторую партию воды!

— Потерпи немного, надо наполнить эти бидоны!

Перед ними стояло несколько женщин. На их головах без всякой поддержки покоились бидоны и кувшины. Шуша наблюдал, как Али наливал воду. Его обуревали неприятные воспоминания, но он все равно поблагодарил аллаха. А за что благодарить? Место начальника колонки по праву должно было принадлежать ему, а не этому Али Донгалю, который в жизни не перенес ни одного бурдюка с водой. В профессии водоноса он был так же силен, как и в грамоте... Но людям везет... Всю жизнь он был скоморохом, потешал народ на свадьбах и других торжествах, хлопал в ладоши, горланил песни, крутил усы, надувался от важности, плясал соло, когда требовалось, — вот и вся его работа. А вот поди ж ты, не успело освободиться место после смерти муаллима Бараи, как компания назначила вместо него Донгалья. А он бурдюк от жилета отличить не может! Однако всеильный блат преодолевает все преграды, скомороха сажает на трон водоносов, а законного наследника заставляет таскать бурдюки по улицам и переулкам, дворцам и лачугам.

Али Донгаль поправил чалму, покрутил усы и льстивым голосом заговорил:

— Утро доброе! Подходи, любезная!

Шуша посмотрел в сторону той, которой адресовались столь любезные приветствия. «Так и есть, Азиза Нофал! — пробормотал водонос. — Этот скоморох растерял все уважение к почетной профессии. Стоит ему увидеть смазливую бабенку, как он тает и забывает обо всем на свете. Вот-вот, наливает ей воду, а сам сверлит ее взглядом, раздевает! Таким разве должен быть старшина водоносов? Твердым и уравновешенным! Ведь всей очереди известно, и женщинам, и мужчинам, кто такая Азиза, что у нее за репутация. Какое позорище для водоносов!.. А Донгаль-то при чем? Он же сроду не был водоносом. Так, сбоку припека. Не всякий сидящий у колонки водонос, и не всяк сидящий на лошади наездник!»

Подошла очередь Шуши. С мрачным видом он стал наливать свои бурдюки, не произнося ни слова. Сейид заполнил свой бурдючок, и оба пошли обратно, толкая тележку.

— Восемь больших и один маленький. Вторая партия! — попробовал было заговорить Сейид.

Отец оставался мрачным, неразговорчивым. На сердце у мальчишки стало совсем тяжело. Сейид любил отца, уважал, восхищался им. Он очень добрый, отзывчивый и относится к нему не так, как родители его приятелей, — не ругается, не дерется. Если мальчишка ошибается, бедокурит, то отец внушает ему: так нельзя, это плохо. Учит его послушанию и

дисциплине. Но Сейид часто ошибался, проказничал, потому что это гораздо легче и приятнее, чем следовать отцовским наставлениям. Когда же мальчишка повторял проступки, а это с ним случалось постоянно, отец делал очень строгие внушения, лишал его некоторых удовольствий, относился к нему не как к мужчине, а как к малому ребенку. А это уж было совсем обидно.

Остановились перед домом, стоявшим в самом начале улицы. Находился он в одном из многочисленных тупичков и принадлежал матери Абдаллы. Железным кольцом Шуша стукнул несколько раз в деревянную дверь. Из-за ставень небольшого окошка послышался распевный женский голос:

— Кто там?

— Водонос.

— Эй, Абдалла! Открой дядюшке Шуше!

Дверь открыл хрупкий мальчик, примерно одного возраста с Сейидом. Увидев его, закричал:

— Привет, Сейид! Поиграем в беле?⁴

— Беле? Кому говоришь такое? Дай пройти!

Сейид пересек маленький темный дворик, поднялся по небольшой лестнице, вошел в дом и увидел мать Абдаллы, сидевшую на невысокой скамеечке перед спиртовкой, на которой варила кофе. Он приветствовал ее нарочито грубым голосом, подделываясь под мужчину:

— Доброе утро, тетушка!

— Утро доброе, братец мой!

Послышался голос отца:

— Доброе утро, Умм Абдалла!

— Всех тебе благ, муаллим Шуша! Удружи мне сегодня лишний бурдюк. Налей воды в таз и в кувшин.

Молча, на ощупь Шуша прошел через кухню, узкий темный коридорчик, добрался до комнатухи, где стоял умывальник. Он заливал водой бидоны, кувшины, тазы и прочие емкости. Сейид опорожнил свой бурдючок в первый попавшийся таз и вернулся во двор, столкнувшись с Абдаллой, который снова спросил:

— Так сыграем в беле?

— Ладно.

— Когда?

— После работы.

— Значит, после обеда?

— Выходит, так.

— Пойдет, к тому времени я вернусь из школы.

— Где встретимся?

— А у трубы.

К этому времени Шуша опорожнил все бурдюки. Уже налегке оба двинулись в обратный путь, но не к колонке за третьей партией воды, а в конец улочки. Повернув направо, Шуша остановился, прислонил тележку к тротуару и вошел в лавчонку, над дверью которой была вывеска с громким названием «Царские бобы».

Вход в лавку перегораживал длинный прилавок. На нем стоял ярко начищенный котел красной меди. Под котлом, из которого валил пар, в специально сделанном углублении шумел примус. За прилавком стоял дядюшка Саляма с длинной деревянной ложкой, которой беспрерывно помешивал в котле. Недалеко стояли два блюда с салатами и различными приправами, большой медный поднос с пряной травкой бидонис, поверх которой были насыпаны горячие лепешки из бобов. Перед прилавком и внутри лавки громоздились

⁴ Детская игра в стеклянные шарики, участники которой, бросая их по очереди, должны попасть в шарик противника, тем самым его выигрывая. *Примеч. переводчика.*

плетеные корзины с хлебными лепешками. Сзади Салямы трудился его сын Заки. В большом подносе, полном масла, он жарил лепешки из бобов. Тут же был и Хариша, который резал лук и зелень, мешал все это с бобами и размоченными хлебными крошками.

Такова была харчевня для «эмиров», весь ее обслуживающий персонал, ее фирменные блюда. Внутри лавки стояло несколько деревянных табуреток, на которых сидели «эмиры». Их было меньшинство. Остальные предпочитали располагаться прямо на тротуаре, на воздухе.

Хозяин харчевни Саляма изобрел систему самообслуживания, а потому не держал официантов. Посетители сами шли к большому подносу, на котором стояли миски, лежали ложки и вилки, забирали все необходимое, шли к Саляме, брали еду, платили и выбирали место для трапезы там, где кому заблагорассудится — внутри харчевни или за ее пределами. Поев, каждый направлялся к тазу с водой, мыл грязную посуду и ставил ее на прежнее место.

Шуша обменивался приветствиями с завсегдатаями харчевни. Все они были ему знакомы, многие — приятели. Около двери устроился мастерской Махмуд Мастерейн, который никогда не садился за стол внутри харчевни, считая, что Саляма берет за это налог, уменьшая порцию бобов. Рядом с ним, на тротуаре, сидел бродячий артист Хусейн со своей обезьяной Саляма. Им обоим вход в харчевню был категорически запрещен, так как они доставляли много хлопот хозяину. Посетители часто подшучивали над хозяином, ибо и он, и обезьянка носили одно имя. Саляма безуспешно пытался убедить Хусейна сменить кличку обезьяны, но тот категорически отказывался. Всегда он с деланным удивлением возражал: «Не могу себе представить, чтобы моя кормилица называлась иначе, чем Саляма. Пусть уж лучше сам хозяин поменяет имя, если ему не нравится обезьянья кличка».

Внутри харчевни сидели маляр Али аль-Хама, мясник Махмуд аль-Хишт, зеленщик Заки Зейн и много других соседей.

Отец с сыном взяли по миске и подошли к Саляме, который, не говоря ни слова, наполнил миску Шуши бобами, полил их оливковым маслом из бутылки, стоявшей рядом, добавил приправ, пол-лимона, сверху положил лепешку. Отец пошел на свое привычное место и молча принялся за еду.

Подошла очередь Сейида, который не торопился протянуть Саляме свою миску. Он спросил:

— А бобы хорошие?

— Как свежая роза.

— А на вкус?

— Масло.

— Тогда дай таамии⁵.

Саляма пошел было исполнять заказ, но Сейид вдруг передумал:

— Сказал же я тебе... дай бобов!

Тот без всяких возражений вывалил таамию из миски в поднос, зачерпнул бобов и уже собрался полить их маслом. Но мальчишка запротестовал:

— Только без масла, горячее очень!

— Будь по-твоему, муаллим Сейид.

Мальчишка загордился, ему было очень приятно слышать, как уважаемый человек называет его «муаллим». Он поправил жилет, подтянул ремни, державшие бурдюк.

Тут Саляма подошел к приправам и намерился добавить их к бобам. Но мальчик опять возразил:

— Добавь лучше кислого молока.

— Изволь.

Саляма рассмеялся, дал Сейиду несколько бобовых лепешек, которые тот быстро затолкал в рот, — он хорошо знал, что отец никогда не одобрял подобных комбинаций. А что делать? Он любит и таамию, и бобы. Отец же выбирал только одно блюдо, считая, что

⁵ Бобовые лепешки.

довольствоваться нужно малым.

Оба поели, вымыли руки и миски, расплатились, поблагодарили хозяина и направились к выходу. На прощанье Сейид крикнул солидным голосом Харише и сыну Салямы Заки:

— Здоровья вам, мужики!

— Будь здоров, отец Сейид! — дружно ответили оба.

— Сегодня после обеда у трубы, — тихо произнес Сейид.

— Зачем? — непонимающе переспросил Хариша.

— Беле, — пробормотал Сейид.

— У меня ни шарика, — с сожалением сказал Заки.

— Ссужу.

Сейид заторопился, догоняя отца. На ходу бросил:

— Эй, Саляма! Мать еще жива?

Хозяин харчевни побагровел от злости. Шуша с явным осуждением посмотрел на сына. Тот пожал плечами.

— Так я обезьянку спрашиваю.

Хусейн захохотал, радостно загремел в бубен, посмотрел на Сейида единственным оком, озорно сверкавшим на его изъеденном оспой лице, стукнул обезьяну палкой и крикнул:

— Ответь же своему братцу, Саляма!

Держась за живот, Хусейн продолжал:

— Скажу тебе: твой отец водонос умер!

Сейид собрался отпарировать, но отец схватил его за руку и потащил за собой. Мальчишка уперся, ибо не собирался признавать себя побежденным. Волочась за отцом, он заорал:

— Твоя мать по стене бродит, как лунатик, а отца черти на сковороде жарят!

— Старо! — бросил Хусейн.

— А про смерть отца водоноса ново? Старьевщик.

Сидевшие в харчевне смеялись от души, одобряя находчивость Сейида.

Считая себя победителем, мальчишка бодро шагал с отцом к колонке за третьей партией воды. Он вознамерился наполнить и свой бурдюк, но отец запретил: «Хватит с тебя».

Обучая сына своему ремеслу, Шуша придерживался четко разработанного плана. Сначала он возил его на тележке, через несколько дней разрешил ходить рядом, а еще через некоторое время велел помогать толкать тележку. На следующем этапе обучения Сейиду было позволено носить на спине маленький пустой бурдюк. Наконец бурдюк стал наполняться водой, которую мальчишка выливал в первом же доме. Теперь же в обязанность Сейида входило не только самостоятельно поливать туловицу в Большом дворце, но и во вторую очередь приносить воду в дом матери Абдаллы.

Третья партия воды полностью предназначалась для дворца. Подойдя к его воротам, Шуша велел сыну остаться на улице. Это очень расстроило Сейида. Почему? Из-за какой-то гаввафы? Не может быть, отец добрый.

Опорожнив все бурдюки, Шуша вывел свою тележку из ворот. Сейид вопросительно поднял голову:

— Чего ты не взял меня с собой?

— Нечего тебе там делать.

— Что так?

— Сам не знаешь?

— Не догадываюсь.

— Ты стащил гаввафу с дерева. А главный капитал водоноса — честность.

— Но то, что я сделал, не называется воровством!

— Тогда что же ты называешь воровством?

— Это когда ты берешь какую-либо вещь у человека, которому она нужна, а тебе самому — нет.

— Ну и ну! Кто это тебе сказал?

— Само собой разумеется.
— Воровство — это когда ты берешь то, что тебе не принадлежит по праву.
— А тебе кто это сказал?
— Бог.
— Не думаю, чтобы аллах так говорил.
— Проси прощенья у бога!
— Прости меня, великий аллах! И все же я настаиваю на том, что он так не говорил.
— Тогда что он мог говорить?
— Я считаю, что если мы берем у кого-то что-нибудь нам необходимое больше, чем владельцу этой вещи, то такое деяние нельзя считать воровством. Наоборот, тем самым мы помогаем аллаху правильно распределять его блага, утверждать его справедливость. И в самом деле, мы не берем того, что нам не принадлежит. Мы берем у других лишь то, чем их в избытке наградила аллах. Право же мы делаем богоугодное дело, не больше не меньше. И бог не должен на нас обижаться за это.

— Аллах не нуждается в чьей-либо помощи. Ему самому виднее, как распределять милости среди своих рабов. Мы же можем управлять лишь собственными поступками. Самолюбие и зависть к богатству других нас снедает. Можно ли сказать, что у человека чего-то не хватает, а у другого этого товара сверх нужды? Такого никогда не бывает. Все зависть...

— Во всяком случае обитатели дворца не слишком обеднели бы от того, что я съел бы одну гаввафу.

— И тебе она не очень была нужна. Вопрос заключается в том, что аллах наделил гаввафой их, а не тебя. Каждому свое — так велит аллах. А нам надлежит честно исполнять свой трудовой долг и терпеливо ждать его результатов.

— Именно это я и хотел сделать. Успешно взобрался на дерево — а надо тебе сказать, что это было нелегким делом, — и собрался воспользоваться плодом своего собственного труда, съесть гаввафу, притом неторопливо, но не удалось.

Хотя отец был мрачен и зол, но не смог удержаться от смеха, Он проговорил, обращаясь к сыну:

— Плод твоего собственного труда... Им должен был быть хороший подзатыльник. Это совсем не твой жизненный долг, а зло, тобой содеянное.

— Ладно, убедил. Но ведь это случилось в первый раз. Дай мне возможность исправиться.

— Согласен. Ты опять будешь поливать туловицу.

Сейид ликовал. Он проникся самыми нежными чувствами к туловице. Вообще-то что для него это дерево? Какая от него польза ему лично? Ни тебе плодов, ни даже хорошего запаха. Но отец отдает много внимания этой туловице, поливает ее каждый день. И для него, Сейида, это дерево было первым экзаменом на трудовом поприще. Значит, и для него оно очень важно, и от него требует неусыпного внимания.

Шуша почти добился своей цели, заставив сына относиться к туловице так же, как и к плодовым деревьям.

Глава 2

В лапах у паломницы Замзам

Время перевалило за полдень. Шуша развез воду всем своим клиентам на улице Самакин. Сейид почувствовал урчание в кишках — первый признак того, что он проголодался. Отвечая на зов пустого живота, парнишка вопросительно посмотрел на отца, спеша успокоиться насчет намерений того.

— Никак обедать идем?

Шуша кивнул в ответ и что-то пробурчал невнятно. О чем говорит? А Сейиду не

терпелось начать разглагольствования о еде, всякой снеди. Надо же успокоить голодной желудок. Маленький водонос не терпел молчания. Его язык аж дергался от нетерпения и избытка энергии. Казалось, что вся жизнедеятельность отца языка перешла к сыну.

— На обед что возьмем?

— Чего бы тебе хотелось?

Вопрос обнадеживающий. Он дает возможность начать болтовню о всякой снеди. И Сейид пустился в рассуждения:

— Есть три места, где можно хорошо пообедать: «Харчевня эмиров», где угощают отварной или жареной рыбой с томатным соусом, луком и чесноком. В харчевне тетушки Замзам подают отличную хлебную тюрю. Можно взять супу из бараньей ножки, а то и просто ножку, если можно, или головизны, а может, и жареной требухи.

При этих словах Сейид искоса посмотрел на отца, пытаясь узнать, какое впечатление они на него произвели, согласен ли он с его наметками насчет еды. Однако лицо Шуши оставалось сумрачным и непроницаемым. У мальчика поубавилось энтузиазма. Он продолжал разглагольствовать уже по инерции.

— Что скажешь, отец?

— Пообедаем дома с бабушкой. Обойдемся брынзой и арбузом. Умм Амина давно просила об этом.

Вот так вкусил он яств! Брынза и арбуз! Такого он не ждал. Они с отцом находились на разных полюсах в своих мечтаниях. Бабушка хочет брынзы и арбуза! А он-то при чем тут? Пусть она кушает брынзу хоть с дыней или виноградом! Сейид ожесточенно шмыгнул носом.

Они подходили к улице Агур. На одном из домов висела рекламная доска с надписью: «Харчевня паломницы Замзам». Чуть ниже слова приветия: «Входите с миром, почувствуйте себя в полной безопасности». Под вывеской, у самой двери харчевни, на деревянной скамейке восседала сама Замзам, на лице которой не было и следа миролюбия, а тем более гарантии безопасности. Эта женщина на вид была исчадием ада, само зло в полном смысле этого слова.

Замзам сидела по-турецки, со всех сторон ее тела свисали рыхлые груды жира. Она походила на пирамиду, основанием которой были необозримые бедра и ляжки. Над этим властвовали огромный живот и не меньших размеров чресла. Следующую часть живой пирамиды составляла необъятная грудь, по размерам своим больше похожая на верблюжьи горбы. Венчала это сооружение из многих пудов жира толстая шея и большая голова, повязанная красной косынкой, — красный флаг, предупреждавший, что под ним находится богатейший источник самых неожиданных опасностей. Вся туша Замзам была закутана в черное платье, с трудом скрывавшее бесформенные нагромождения жира.

Лицо женщины было неожиданно свежим, оно еще хранило следы если не былой красоты, то миловидности и привлекательности. Словом, она не утратила еще некоторых признаков принадлежности к слабому полу. Как глядя иногда на кучи камней и разбитых кирпичей, можно представить себе, что когда-то на этом месте стояло красивое здание или дворец, так и глядя на нынешнюю Замзам, можно предположить, что и она была когда-то девушкой.

Управление по охране памятников старины стремится их реставрировать, содержать в относительном порядке. Замзам тоже пытается подновлять свое лицо. Выпавшие зубы заменены вставными. На месте исчезнувших бровей и ресниц — наведенные сурьмой жирные полосы. Щеки натерты бодягой. Из-под красной косынки свешиваются две жидкие сальные черные косицы. Замзам пускалась на любые ухищрения, чтобы заставить мужчин обращать на себя внимание, восхищаться ее мнимой красотой. Она гордилась своим искусством косметички. Но зачем эти тщетные потуги? У Замзам было предостаточно других достоинств, которыми она вправе искренне гордиться. Владелица популярной харчевни, роскошных по величине бедер и ляжек, владелица дома. У нее были власть и влияние над соседями и посетителями. Над обитателями улицы Агур она возвышалась как скала, гордая и неприступная. К тому же у Замзам был длинный и злой язык, с помощью которого она могла одержать верх над целой толпой противников.

При всех этих неоспоримых достоинствах какая необходимость претендовать на красоту, на звание «красавицы квартала»! И однако все свои силы она употребляла на достижение именно этой цели. Именно поэтому она обливала грязью любую красивую женщину. Ни одной еще не удалось спастись от ее злого языка, от обвинений в самых непристойных проступках. Замзам весила не менее ста пятидесяти килограммов, из них на добрых две трети тянул жестокий эгоизм — главный источник всех ее движений, побуждений, всех действий. Создавалось впечатление, что эта жирная туша начинена взрывчаткой. В любую минуту она могла взорваться ненавистью, злобными ругательствами и проклятьями.

Такова паломница Замзам, «тетушка» муаллима Шуши, бывшая жена птичника Ибрагима, который не выдержал тягот жизни с этим исчадием ада в образе человека и сбежал, женившись на простой и скромной девушке, торговавшей зелеными бобами. Замзам чуть с ума не сошла от злости. Не потому, что уж очень любила мужа, а из-за чрезмерной любви к самой себе. Она полагала, что выгодно отличается от всех женщин на свете, находила в себе столько неоспоримых достоинств, что и представить не могла возможности бегства мужа к какой-то другой жительнице квартала. Это ужасное для нее событие прибавило злости и жестокости «самой красивой женщине округа». Весь мир стал для нее врагом. Остаться совершенно одной на целом свете! Это непереносимо! Но Замзам сумела выстоять и даже расширить харчевню, хорошо заработать и приобрести неоспоримую власть над жителями квартала.

Сейид видел, что отец боялся этой злодейки, хотя и называл ее паломницей, а себя ее сыном. Говорилось это лишь для красного словца, ради показного уважения к ней. Сейид осуждал боязнь отца перед этой бабой, хотя ему самому перепадали от нее некоторые блага. Иногда она давала ему лакомый кусочек, порой несколько миллимов⁶. Шуша терпеть не мог этих подачек, ибо хорошо знал, что Замзам чужда благотворительность. Если она что-то дает, то старается получить обратно гораздо больше. Так оно и было на самом деле. Называя водоноса своим сыном, она стремилась крепче привязать его к себе, заставить носить ей воду бесплатно. Ее затраты на это дело ограничивались лишь редкими трапезами, устраиваемыми для Шуши и Сейида. Не будет же сын требовать денег от матери!

Поравнявшись с харчевней, Шуша на минуту замешкался, но затем решительно двинулся вперед. Видно, его осенила какая-то мысль. Сейид молил бога: «Пошли, аллах, пошли головизны и бараньего супу! Отдали от меня брынзу с арбузом!»

И тут из пирамиды жира раздался приторно-сладкий голос:

— Заходи, заходи! Не робей! Добро пожаловать, Шуша!

Сейид терялся в догадках: что заставило отца изменить свои намерения? Его молитвы к аллаху или приглашение Замзам? Ни то и ни другое. Просто Шуша вспомнил, что Замзам тянет с уплатой долга за воду и решил получить этот долг натурой — всякими мясными блюдами. И злодейке не даст нажиться на его труде, и сыну доставит удовольствие.

Замзам продолжала зазывать обоих. Сейиду захотелось ей досадить. Он ответил на приветствия хозяйки низким голосом: «Привет старейшине старейшин, красавице квартала!» Та немедленно схватила из лежавшей рядом с ней кучи камень и с силой метнула его в сторону обидчика. Камень просвистел над головой мальчишки, но попал в собаку, которая собиралась приблизиться к харчевне. Сейид поблагодарил бога за такой исход дела. Не ему, оказывается, предназначался камень. А он было подумал, что Замзам обиделась на него за то, что назвал ее старейшиной. Разумеется, он имел в виду не возраст хозяйки, а ее положение.

Жалобно скуля и прихрамывая, собака побежала прочь, предупреждая других собак и кошек об опасности, если и они вознамерятся явиться в запретную зону. Камни для Замзам были привычным оружием. Им она воевала с настырными четвероногими да с теми мальчишками, которые пытались доставить себе удовольствие, выкидывая разные номера. Совершив правосудие над бедной нарушительницей ее спокойствия и благополучия, толстуха

⁶ Одна тысячная доля египетского фунта.

оставила камни в покое и взяла большую дубину, предназначавшуюся для тех посетителей, которые не очень охотно расставались с деньгами или вовсе оказывались без них. Время от времени Замзам постукивала дубиной по краю скамейки, на которой сидела, давая тем самым понять, что с ней шутки плохи.

Шуша с сыном едва протиснулись в дверь, минуя горы жира и костей, и поздоровались с Гаддом, исполнявшим обязанности приказчика в харчевне. Кривоногий, с тяжелой нижней челюстью, он был не менее злой и жестокий, чем хозяйка-учительница. Это был единственный человек, который терпеливо выносил тяжесть совместной с ней работы. Двенадцатилетним мальчишкой пришел он сюда и вот уже целых пятнадцать лет гнет здесь спину. Никто, кроме него, не задерживался. С хозяйкой его связывали тесные и крепкие узы взаимной ненависти. Они жить не могли друг без друга.

В каждой голове, которую Гадд разделявал тяжелым тесаком, он видел голову хозяйки, в каждом коровьем языке — ее язык. Он испытывал истинное наслаждение, дробя кости и разрезая мясо. Он всегда молил аллаха о том, чтобы тот положил однажды на плаху не коровью или баранью голову, а хозяйкину. С каким удовольствием он размозил бы ее тяжелым тесаком!

В свою очередь Замзам в каждой собаке или кошке, в которых она запускала камнями, в каждом клиенте, которого она награждала ударами дубинки, видела Гада — этого ненавистного ей скелета с гнусной рожей. И все-таки их связывала не только нужда друг в друге, но и неистребимая ненависть к людям. Каждый из них подозревал другого в таких настроениях, а потому всегда был настроже. Как люди искусства испытывают постоянное стремление к любви, нуждаются в ее оживлении, так Замзам и Гадд испытывают постоянную злость и ненависть, непрерывно распалют свой гнев.

Гадд стоял у большого казана, из которого валил пар, и держал в руке тяжелый тесак. Всей своей внешностью — тяжелый подбородок, густые насупленные брови, крючковатый нос, длинные, тощие руки — он сильно смахивал на дьявола из преисподней. Гадд довольно проворно исполнял заказы клиентов, крошил снедь и приправы, накладывал в миски, передавал их мальчишке, стоящему рядом в ожидании. Тот был точной копией описанного нами человека — сыном Гада по имени Ханафи. Он помогал обслуживать посетителей харчевни.

Народу в харчевне было немного. Рассевшись по углам, все молча ели. Шуша и Сейид сразу обратили внимание на незнакомого им человека, нарушавшего тишину. Был он средних лет, одет в галлябею из дешевой полосатой ткани и пиджак с засаленным воротником и бахромой на рукавах. Из многочисленных прорех торчала грязная подкладка, на ногах — стоптанные драные ботинки неопределенного цвета. Вместо подметок к ним были привязаны куски автомобильной шины. Из-под обтрепанных брюк виднелись длинные шерстяные носки цвета хаки. Один носок спустился на ботинок, обнажая тощую ногу. Лицо морщинистое, но добродушное. Верхнюю губу закрывали седые усы. Шея и подбородок заросли щетиной. Обветшалый внешний вид незнакомца освежала лихо заломленная на ухо феска с потрепанными краями. Феска доказывала, что ее хозяин еще не растерял достоинства и некоторого шика. Он ничуть не смущался своего жалкого вида, а наоборот — сидел развалившись, зажав в углу рта потухший чинарик сигары.

Таким предстал перед Шушей и Сейидом Шеххата эфенди. Он лениво косился по сторонам. И вдруг взгляд его остановился на живой пирамиде, сидевшей на скамейке. Как только Шеххата увидел толстое потное морщинистое лицо Замзам, он начал бойко ей подмигивать. Это, очевидно, должно было означать, что он мечет любовные стрелы в сторону груди жира. Любовная атака все нарастала. Атакующий причмокивал губами, восхищенно тряс головой, тихонько напевал: «Горе тому, кто любит безответно».

Очень скоро стало ясно, что атака была успешной. Да будь стреляющий и слепым, он бы не промахнулся — уж очень объемна была цель и чрезмерно чувствительна к подобным атакам.

Пирамида зашевелилась, издала подобие нежного смеха, закивала вершиной,

украшенной красным сигналом опасности, и тихонько замурлыкала: «О свет очей моих ясный». Услышав тихую мелодию, Шеххата эфенди принял ее как ответ на любовные заигрывания, как признак капитуляции перед его неотразимыми чарами. Чтобы закрепить успех, он усиленно закивал головой и пустил новый снаряд: «Истосковался по тебе я, душа моя...»

Обмен любовными признаниями в форме песенных мотивов продолжался до тех пор, пока Ханафи не поставил на стол перед Шеххатой миску с головизной, тарелку салата и лепешку. Шеххата эфенди тут же забыл о любовной интриге. Он с жадностью набросился на еду, которой не держал во рту целую неделю.

Ханафи собрался уходить, но его остановил голос, привыкший приказывать:

— Эй, как там тебя?

— Твой слуга Ханафи.

— Послушай-ка, Ханафи, принеси мне еще жареной печенки, по порции мозгов и языка... Но чтоб все было хорошо прожарено и проварено, на твою ответственность. Не помешает и немного супу.

Мальчик аж остолбенел от такого заказа, ибо его стоимость никак не соответствовала нищенскому виду клиента. Шеххата немедленно уловил причину замешательства парнишки и поспешил его успокоить:

— Давай неси, да побыстрее! Разве могут быть счеты между мной и хозяйкой, да и вообще между добрыми людьми!

Ханафи пожал плечами, что означало: «Ты ешь, ты и платишь. Мне какое дело».

Услышав слова незнакомца, Шуша понял, что тот вовсе не знает Замзам, что его обманула ее податливость. Нашел доброго человека!

Но когда Ханафи принес заказанную еду, водонос с сыном полностью отключились от внешнего мира. И голодны они были, и еда уж очень вкусная. Тем более, Сейид несколько месяцев не лакомился бараньими ножками.

Утолив немного голод, он стал наблюдать за работой Гадда. Тот рубил кости, кромсал хлеб, резал мясо, закладывал все в котел, размешивал и разливал по мискам, добавляя рису с соусом. У Сейида аж слюнки потекли. А ведь не дал проклятый рису! И Ханафи такой же, чтоб его! Не выдержал Сейид:

— Эй, дядюшка Гадд! Дай-ка соуса немножко! Одним запахом сыт не будешь.

Гадд зло посмотрел на мальчишку, однако плеснул в миску немного соуса.

Шуша, его сын и Шеххата полностью отдались еде, забыв друг о друге и обо всем на свете. И вдруг они услышали удивленный голос Замзам:

— Что это он там говорит? Записать на счет? Чей счет? Скажи-ка ему, пусть платит наличными, так лучше будет.

Слова адресовались Ханафи, но голос гремел на всю харчевню — и мертвый услышит. Посетители начали искать глазами смельчака, решившегося поиграть с хозяйкой.

Ханафи пошел передать слова хозяйки посетителю, хотя тот, разумеется, и сам все отлично слышал. Посетители смотрели вслед мальчишке, который остановился перед незнакомцем по имени Шеххата эфенди и спокойно заговорил:

— Паломница велит получить наличными.

Феска — главный признак благородства Шеххаты — съехала на затылок. Он уже полностью расправился со всеми блюдами и, насытившись до отвала, в свободной позе развалился на стуле. Но не долго суждено ему было кефовать. Приказ хозяйки вернул его на грешную землю. А он собирался продолжить любовные ухаживания. Шеххата занервничал. Закинул ногу на ногу, пошевелил бровями, наморщил лоб, стараясь придать себе важный вид, и небрежно сказал Ханафи:

— Ступай, парень, сам с ней договорюсь.

Ему это наверняка удастся, надеялся Шеххата. Она же таяла, когда он пел ей: «Госкую по тебе я, душа моя». И обиделась на него толстуха вовсе не за то, что не собирался платить, а за то, что слишком увлекся едой и совсем забыл о ней. Вот болван! Надо было держать себя

в руках, не набрасываться так на еду. Но ничего, авось обойдется. Он знает, как морочить голову женщинам, задабривать их. За такое угощение он сумеет и язык хозяйки притупить. К тому же Шеххата не собирался столоваться здесь в последний раз, тща себя надеждой и на будущие дни. Нельзя ему упускать такой хорошей возможности.

В голове у него зрел план наступления на эту жирную пирамиду. Но его размышления прервал грубый голос Замзам, которая опять звала мальчика.

— Скажи этому, пусть сразу платит, а то изобью и выкину. Каков фрукт! Ест, пьет и не хочет платить по счету! Тут не богадельня! Клянусь пророком, глаза выцарапаю!

Шеххата эфенди засуетился. Проблема оказалась гораздо сложнее, чем он предполагал, считая эту бабу легкой добычей. Он не стал ждать, когда Ханафи передаст слова хозяйки, встал и пошел к ней, собираясь успокоить Замзам и договориться с ней. Лицо паломницы было злым, между нарисованных бровей легла грозная складка. Только Шеххата подошел к Замзам, она заорала:

— С кем это ты хочешь договориться, проходимец? А ну, вытаскивай деньги и плати сполна за все съеденное!

— Успокойся, хозяйка. Свет не перевернется. Все люди братья...

— Гони деньги, а то...

С этими словами она схватила Шеххату за глотку и притянула к себе. Фортуна повернулась спиной. Много дней в кармане у эфенди не ночевало ни гроша. Надо срочно начинать наступление. Шеххата пустил в ход все амурные стрелы, которые оказались в его колчане. Он начал шевелить бровями, подмигивать, прочувственным голосом петь: «Мой милый сидит в лодке, а душа его повержена в тоску». Тут же Шеххата с сожалением пропел традиционное «Истосковался по тебе я, душа моя, горе тому, кто любит безответно».

Сейид рассмеялся и в тон Шеххате пропел: «Горе тому, кто поел, а денег не заплатил». И горе это свалилось с быстротой молнии. Руки той, «душа которой была повержена в тоску», схватили Шеххату за пиджак и резко дернули к себе. На шею пала крепкая затрещина. Пиджак затрещал по всем швам. Другой рукой Замзам схватилась за дубинку и грозно подняла ее над головой бедняги.

— Гони деньги!

Шеххата настолько испугался, что тут же крикнул:

— Слушаюсь!

— Давай! Быстро!

— Сейчас, потерпи немного.

— Деньги показывай!

— Да вот бумажник... дома забыл. Ни копейки с собой.

— Бумажник забыл?! Со мной этот номер не пройдет. Заберу все, что на тебе есть, и голым вышвырну на улицу! Гадд! — крикнула она приказчику.

Тот стоял у казана и с удовольствием наблюдал за развитием событий. Гадд не заставил себя ждать и с готовностью побежал к хозяйке.

— Что прикажешь, паломница?

— Сними-ка с него наиболее ценное барахло!

Не успела она договорить, как Гадд бросился к Шеххате, стоявшему на коленях перед Замзам, цепко державшей сердягу за глотку. Феска валялась на тротуаре. Глаза эфенди налились кровью, он дрожал от страха.

Гадд сорвал с Шеххаты пиджак, вернее те клочья, в которые его превратила жестокая хозяйка, схватил за подол галлябею, собираясь и ее снять. Тут Шуша не вытерпел, вскочил со стула и бросился к Гадду, который и вправду исполнял приговор Замзам. Он гневно закричал:

— Что ж ты делаешь с человеком, разбойник?!

Тот не ответил, а посмотрел на хозяйку, спрашивая взглядом, что делать.

Замзам стоило больших усилий сдерживать гнев. Она собиралась поговорить с Шушей спокойно. Больше месяца она не платила ему за воду, стремясь присвоить эти деньги. Замзам притворно заулыбалась, обнажив вставные зубы, и как можно спокойнее ответила на вопрос

Шуши.

— Видишь ли, этот нечестивец, сожравший мозгов, языка, супу и всякой всячины, толкует мне: — запиши долг на счет. Ты можешь поверить, что у этого голодранца может быть какой-то счет? Да если его самого продать со всеми потрохами, то все равно не выручишь стоимости съеденного им добра. Но я научу его, как обращаться с уважаемыми людьми!

Не дожидаясь ответа Шуши, Замзам повернулась к Гадду:

— Сними с него галлябею и гони взашей голым!

Палач продолжал исполнять волю повелительницы, считая, что дискуссия закончилась. Но Шуша сделал шаг вперед, схватил Гадда за кисть и, завернув ему руку за спину, толкнул его так, что тот полетел на улицу, рыча от боли.

Шуша не отличался крупной фигурой или явной силой, но был из породы тех, кого называют жилистыми. При небольшом росте и худобе он был очень крепкий мужчина. Гадд, побитый и посрамленный, покинул поле боя, оставив Шушу наедине с Замзам.

Сейид сидел на своем месте и тщательно обсасывал косточки, пока не увидел, что отец подошел к Гадду. Здесь он понял — драки не миновать, и с радостью вскочил со стула. Ему давно хотелось увидеть отца дерущимся, особенно с этой грязной скотиной Гаддом. У Сейида зачесались кулаки. Он быстро соображал: Гадд с Замзам будут заняты отцом, Этих двоих достаточно как следует обругать, а вот Ханафи надо поймать и надавать ему за все — и за то, что он сын Гадда, и за свои личные обиды на подлую компанию.

Однако этим воинственным планам Сейида не суждено было сбыться. Гадд позорно сбежал, а Замзам не собиралась лезть в драку с Шушей. Толстуха помолчала немного, продолжая крепко держать Шеххату за глотку, — тот с большой надеждой смотрел на своего неожиданного спасителя, — потом повела бровью, покачала головой и с напускным спокойствием спросила водоноса:

— Что с тобой, Шуша? Или на любимую мозоль наступили?

— Раньше отпусти этого человека, потом поговорим.

— А ты его знаешь? Может быть, он твой друг или родственник, а?

— Да. Говорят тебе — отпусти!

— Отпустить этого проходимца?!

В груди этой бабы снова закипал гнев, но она постаралась его потушить, заговорила убеждающим тоном:

— Я лучше тебя знаю таких вот шаромыжников...

— Послушай, паломница, знаем мы его или нет — все равно отпусти. Я заплачу за него.

Баба была ошеломлена таким оборотом дела, не нашлась, что ответить, растерялась. Она лишилась удовольствия сотворить очередное зло, но ей заплатят, — а это самое главное. Лапы Замзам разжались. Шеххата поднялся, пощупал шею и не поверил, что спасся. Схватил свой разодранный пиджак, повесил его на плечо, поднял феску, водрузил ее на затылок и остановился, бросая недоуменные взгляды то на своего судью, скорого на расправу, то на творца великого чуда. Последний спокойно, но решительно спросил судью:

— Сколько он должен?

— Сколько с него? — спросила в свою очередь Замзам мальчишку Ханафи.

— Мозги, язык, похlebка, лепешки, салат и приправы — всего на четыре пиастра⁷.

Шуша, не веря своим ушам, вопросительно посмотрел на Гадда.

— Четыре пиастра?!

— Никак не меньше.

Шуша ждал, что Шеххата эфенди опровергнет Гадда. Но бедалага утвердительно кивнул головой. Тогда водонос спросил его:

— И весь этот харч ты один съел?

— Ага.

⁷ Сотая часть египетского фунта.

— И у тебя в кармане ни гроша?

Увидев, что Шуша заколебался, Замзам обрадовалась возможности продолжать расправу над Шеххатой. Она с восторгом заорала:

— Прощельга и голодранец! Ворюга и сын вора! Не я ли тебе говорила: дай его мне. Я-то из него выбила бы свое!

— Будет болтать! Сказано отпусти — и баста! Получишь свое и так, заплачу сполна, — проговорил Шуша.

Ну и сумма! Целых четыре пиастра сразу! У самого денег не густо... А этот сумасшедший нахал... По всему видно — сроду не получишь с него долга, хоть сто лет минует... Даже если продать всю его одежку, как собиралась сделать Замзам, то у самого щедрого старьевщика не выручишь больше двух с половиной пиастров. Но иного выхода нет. К тому же наш водонос не привык бросаться своими словами. Отступление невозможно! Проявить столько мужества и благородства перед этой бандой грабителей, перед всеми сидящими и не заплатить, хотя бы сумма была для него огромной? Нет, он не даст повода злословить на свой счет ни Гадду, ни Замзам!

Все молча и напряженно ждали, что сделает Шуша. Шеххата вытянул запотевшую шею, увенчанную седой головой, закрытой истрепанной феской, и терпеливо ждал окончательного приговора. Замзам держала в руке дубинку, в любой момент готовая схватить пресловутого эфенди и содрать с него жалкое барахло. Сейид все еще кипел от драчливого возбуждения, не спускал глаз с Ханафи, своего заклятого врага, чтобы немедленно броситься на него, если потасовка все-таки возобновится. Но Шуша, наконец, вынес свой приговор:

— Уплачу тебе все, что требуешь... Четыре пиастра... Десять... Хоть целый фунт... Сказал слово — и сдержу. Пусть человек идет куда хочет.

Хозяйка харчевни тяжело вздохнула от разочарования и удивления и зло бросила:

— Подавись ты им! На, бери! Деньги на бочку!

— Давай посчитаем вместе наши расходы. За воду ты должна мне тридцать пиастров. В прошлую пятницу я пообедал у тебя за три пиастра. Сегодня — тоже три. Итого — шесть. Добавь к ним четыре пиастра за этого приятеля. Всего будет десять. Значит, ты остаешься мне должна двадцать.

Замзам вся скривилась от злости. Проблема так быстро и легко разрешилась. А она надеялась, что долг за воду — мертвое дело, Шуша никогда его не получит. А водонос не стал ждать ответа, взял сына за руку и пошел к тележке, позвав с собой Шеххату. Все трое двинулись в путь, провожаемые восхищенными взглядами посетителей харчевни, угрозами Гадда и проклятьями Замзам. Харчевня уже скрылась из виду, а Шеххата все помалкивал. Ему потребовалось немало усилий и времени, чтобы оправиться от потрясения и как-то отблагодарить человека, бескорыстно вырвавшего его из лап кровопийцы.

Но вот аллах сподобил беднягу и развязал ему язык.

— Прости меня, бога ради, муаллим. Стыдоба какая! Не знаю, как и благодарить тебя.

— Чего там, пустое...

— При первой же возможности верну тебе долг. Ведь из петли вытащил. Вовек не забуду...

— Не затрудняй себя, перебежусь. Но пусть тебе сегодняшний случай послужит хорошим уроком. Не ешь в харчевне Замзам больше того, что можешь оплатить. Сам себя под удар поставил. Твоя нынешняя выходка — настоящее безумие. Столько съесть, не имея гроша в кармане?! Ты и вправду забыл дома бумажник?

— Конечно, нет! Нет ни бумажника, ни, тем более, денег.

— Тогда что же тебя толкнуло на такое безумие?

— Попался на удочку.

— Кому?

— Замзам, чтоб ей!

— Каким образом?

— Она, она во всем виновата! Клянусь аллахом, она сама меня толкнула. Сижу это я,

значит, в кофейне и спокойно размышляю: где бы поесть немного хоть в долг, а тут она проходит мимо.

— Кто — она?

— Да эта злодейка! Идет по тротуару, переваливается, покачивает жирными бедрами, вся такая пышная, мясистая. А я так люблю толстых! Тут же все на свете забыл и начал ей подмигивать, делать всякие намеки.

— Это Замзам? Ты слепой, что ли?

— В том-то и беда моя, что слепой. Как только увижу широкие бедра, слепну от восхищения. Не поверишь, но однажды я начал заигрывать с толстозадым шейхом Мансуром аль-Фикки. После этого, думается, мне можно простить заигрывание с Замзам. Во всяком случае, она женщина.

— Ей-богу нет! Шейх Мансур и тот лучше. У него женственности больше.

— Твоя правда, но где мне было знать об этом тогда, когда я увидел нарисованные брови, жирные складки на спине. Не смог удержаться от выражений восторга и тут же запел: «Горе тому, кто любит безответно». Эта система любовного заигрывания отработана давно и еще ни разу не давала осечки. Не успел это я пропеть, как Замзам игриво хохотнула, прищурилась и сказала: «Почему безответно?» В таком случае я в карман за словом не лезу и, если нет наготове подходящего песенного ответа, пою первое, что на ум придет, лишь бы складно было: «О уходящая красавица, как узнать твое обиталище?» Та опять улыбнулась и с гордостью сказала: «Харчевня Замзам, на улице Агур!» Чувствуешь — сразу адрес дала. Радости моей не было границ. И мясо тебе, и любовная интрижка. Ей-богу, цель оправдывала средства! Чего еще нужно человеку? Поешь досыта, и каких яств — мозги, язык! Ну, и позабавиться немного. Тут же я устремился за ней вслед, продолжая напевать. Пришли в харчевню. Она уселась на скамейку, а я на стул и почувствовал себя как дома. Она так была податлива, игрива! Я не сомневался — тут уж поем досыта. Скажи — не так?

— Это уж точно, ты как на троне сидел!

— Короче, поначалу слопал я добрую порцию арбуза. Потом... потом заказал... Поел... А когда принесли счет...

— ...заплатил я, а не ты, но что вспоминать, живи и радуйся жизни.

— Мне что — я ничего не потерял, отделался испугом. А ты вот в накладке остался, и это меня больше всего убивает. И горе в том, что я не знаю, когда я расплачусь с тобой.

— Сказал же тебе, не думай об этом. Какие могут быть счета между добрыми людьми. Но в следующий раз будь осторожней, не давай жирным бабам завлечь себя в подобную западню. На сей раз все обошлось благополучно, а в другой — один аллах знает, чем завершится такая авантюра.

— По гроб не забуду твоей доброты, поверь. Жизнь ты мне спас. Уж эта мне скотина, чудовище!

Тут все трое подошли почти к дому Шуши. Он протянул руку Шеххате и пригласил к себе:

— Сделай милость, пойдём с нами, выпьем кофе.

— Хватит обеда. Бог даст, расплачусь. Пока.

— Мир тебе и благословение аллаха!

Только наши два приятеля хотели пойти домой, как Шуша вспомнил:

— Забыли купить, что Умм Амина просила!

— Брынзу и арбуз?

— Всю память отшиб этот Шеххата эфенди!

— Ты все еще считаешь его эфенди?

— Почему нет? Чем не эфенди — в пиджаке, ботинках, на голове феска.

— Всего половина эфенди, брюк не носит!

— Не беда, зато сколько следов прежнего благородства.

— Убей меня гром, нынешний вид его — верх шика, раньше было гораздо хуже.

— Вот дался он нам! Пойдем-ка за покупками.

Пройдя несколько шагов, они остановились около тележки с арбузами, стоявшей на углу переулка. Шуша приветствовал ее владельца:

— Здоров будь, муаллим Ахмед! Дай-ка арбузик по своему вкусу, чтоб спелым был!

Муаллим Ахмед был в состоянии вечного возбуждения, непрерывно ходил вокруг тележки, перекатывал арбузы и кричал во все горло:

— А вот самые красные арбузы на свете! Подходите, не робейте, слаще не бывает! Пожалуйста! Прикажете надрезать?

Не успел Шуша договорить, как наш новый приятель схватил арбуз, вонзил в него нож по самую рукоятку, сделал длинный надрез. Вытащив нож, он сжал арбуз. Раздался треск. Ахмед издал восторженный клич, как будто сделал открытие.

— Плюнь в рожу тому, кто не молится аллаху и говорит, что арбуз не красный и не сладкий!

Из-за суеты Ахмеда Шуша так и не видел самого арбуза, не мог сказать, белый он или красный. Но, судя по энтузиазму продавца, расхвалившего свой товар, можно было не сомневаться — арбуз и вправду хорош. Шуша решил купить его, но Сейид крикнул:

— А ну-ка, вырежь дольку!

Продавец некоторое время колебался, как бы боясь, что эта операция опровергнет его похвальбу, но все-таки взял нож и сделал еще три надреза в арбузе. Получился квадрат. Нож полетел в сторону, Ахмед перевернул арбуз, вырезанный квадратик лег ему на ладонь. Подняв его над головой, Ахмед снова закричал:

— Мы продаем только сладкий товар, красный!..

Тут же он засунул выскочивший кусок обратно и протянул покупателям, не переставая расхваливать товар:

— Аллах свидетель, слаще не бывает! Тебе повезло!

Шуша взял арбуз и спросил:

— Сколько?

— Пятачок.

— И половины хватит.

— Ей-богу, сам покупал за четыре! Наживаю всего одну монетку. Плати пятак.

Шуша протянул Ахмеду два с половиной пиастра, тот взял и без всякого сожаления заявил:

— Так и быть, на следующем наживусь.

Он всегда так приговаривал, однако никогда не наживался, жил одними надеждами на будущее.

Положив арбуз на тележку, отец с сыном направились в другой конец переулка, где была бакалейная лавка Шеха. Там можно было купить все, что угодно: бакалейные товары, фрукты, сладости, овощи и даже постричься — к лавке примыкала парикмахерская.

Когда-то в прошлом фасад лавки был выкрашен в темно-красный цвет, но время запорошило его гарью, пылью. Посредине лавки стоял большой прилавок, крышка которого была обита жестью. На нем — большой медный котел с бобами, рядом куча лепешек, стояли банки сардин и тунца, лежало разноцветное мыло. Внутри лавки стояли полки со сладостями, брынзой, маслинами. На полу — бидоны с маринадами, маслом и уксусом. В углу мешки с рисом, чечевицей, солью, корзины с зеленью, луком, редиской, лимонами, финиками. К стене были прислонены палки сахарного тростника. В другом углу стоял железный ящик, заполненный бутылками с лимонадом, поверх — бруски льда. Рядом с лавкой расположился салон парикмахера Ида, служивший главным украшением и гордостью улицы Агур. Парикмахер Ид сидел прямо на земле.

Шуша поприветствовал всех стоявших около бакалеи:

— Саям алейкум, мужики!

— Алейкум саям, благословение аллаха тебе!

Приветствия неслись со всех сторон:

— Заходи, милости просим!

— Как дела, муаллим Шуша? Как здоровье?
— Что давно не видно?
Ответив на все традиционные любезности, Шуша обратился к бакалейщику Шеха:
— Будь добр, отведи мне хорошей брынзы на пиастр.
— Самой лучшей! Это для Умм Амины, — добавил Сейид.
— Благодетельница она наша!
Забрав покупки, оба направились домой.

Глава 3

Сражение в Кошачьем переулке

Последуем и мы за отцом и сыном, идущими домой. Только сначала давайте задержимся на некоторое время и познакомимся с улицей. Дом, где живут наши знакомцы, стоит в Кошачьем переулке, ответвляющемся от улицы Агур. Переулок настолько узкий, что если разбросить в обе стороны руки, то они коснутся домов. Мостовой нет, лишь кое-где можно заметить подобие тротуаров, сделанных из утрамбованной глины с песком. Да и зачем мостить переулок, если по нему никто не ездит! Лишь изредка появляются здесь торговцы со своими тележками. Если никто не откликается на их призывы, то торговцы поворачивают обратно.

В переулке есть небольшая площадка, где ребята, живущие в квартале, устраивают свои игры. Площадка очень удобная — по ней не проезжают повозки, она расположена вдали от шумных и многолюдных улиц. К тому же здесь достаточно соблазнов, которые делают площадку объектом самого большого внимания со стороны мальчишек.

Прежде всего это колонка, представляющая из себя небольшой каменный бассейн, из одной стены которого выходит металлическая труба. Захочется попить воды — прикладывайся к трубе и пей на здоровье.

На площадке растет огромное тутовое дерево, раскинувшее далеко вокруг себя пышные ветви, которые дают тень не только колонке, но и всему переулку.

В Кошачьем переулке всего несколько небольших домов, стоящих по обеим его сторонам, да напротив колонки и тутового дерева еще один домишко. Жителями переулка являются хозяева лавок и лавчонок, расположенных неподалеку. Это уже знакомые нам мясник аль-Хишт, зеленщик Зейн, бакалейщик Шеха, хозяин фруктового ларька Ахмед. Жили здесь и ремесленники: плотник Махмуд Матарейн, штукатур Али аль-Хама, обезьянщик Хусейн. Все они настолько друг друга знали, что жили как одна семья. Объединяло их и то, что они жили рядом, и то, что столовались или в харчевне «эмиров», или в харчевне Замзам, и то, что свой досуг они проводили в кофейне, расположенной на соседней улице аль-Баггала.

Дома в переулке были старыми, с облупившимися стенами. Просто удивительно — как они еще не развалились. Разумеется, переулок был грязным, как все переулки и улицы в народных кварталах. Кошачий переулок отличался от них лишь тем, что в конце его была водоразборная колонка и тутовое дерево, придававшее ему определенную красоту, сглаживавшую неприятное впечатление от кучи мусора и объедков, сваленных недалеко от одного из домов.

Для Сейида и его приятелей Кошачий переулок был очень красивым. Дом, где жил Сейид, ничем не отличался от остальных: двухэтажный, нижний — каменный, второй — деревянный, с обсыпавшейся штукатуркой. В дом ведет толстая деревянная дверь с железной щеколдой. В двери — небольшое окошко с давно выбитым стеклом. Петли у двери почти оторваны, поэтому закрыть ее невозможно.

Дверь и стены дома исписаны ребятишками. Пишут они все, что им приходит в голову. Тут и ругательства, и выдержки из корана, и различные имена. Из всех надписей выделялась одна: «Молодец, Сейид!» Понятно, что ее автором был сам Сейид. В правом верхнем углу двери едва различался номер дома.

Если войти в дверь, то можно увидеть довольно большой двор. Перед очень старой полуразрушенной лестницей сидит старушка, рядом с которой гуляют два гуся и коза.

Вдруг старушка услышала стук колес тележки и шаги людей. Она подняла голову и повернулась к двери, но ничего не увидела. Она была слепой. Однако старушка не ошиблась. По звуку она определила, что пришли Шуша и Сейид: муж ее дочери и внук.

Шуша завел тележку в угол двора, подошел к старушке и, прогнав гусей, ласковым голосом сказал:

— Прости, мамаша, за беспокойство. Я принес тебе брынзу и арбуз.

— Храни тебя бог, сынок. Накрыть стол? Жена паломника Махмуда приготовила сегодня луковый суп. Обещала дать нам тарелку. Сейид, поднимись и возьми тарелку.

— Спасибо, мы уже пообедали у паломницы Замзам.

— Зачем же было утруждать себя и покупать брынзу и арбуз? Я бы уж как-нибудь обошлась.

— Пустяки, мамаша Амина... Ты поешь дома?

— Оставь меня здесь, на воздухе.

— Принеси-ка столик, Сейид!

— Да зачем он? Дай мне немного брынзы и дольку арбуза!

Сейид вошел в дом и через минуту вернулся с маленьким низким столиком, который он поставил перед своей бабушкой. Тут же раздался грохот деревянных башмаков на лестнице. Сверху сбежала Закия, дочь муаллима Хишта. Она несла тарелку лукового супа.

— А вот и суп, тетушка!

Матушка Амина сказала:

— Ну зачем все эти заботы? Оставь суп на ужин.

— Почему, тетушка?

— Дядюшка Шуша и Сейид съедят.

— Тогда поедим вместе. Отец обедает в лавке, а братишка в школе. Остаемся мы с матерью. Позову-ка я ее, пусть немного подышит воздухом.

Закия закричала:

— Мама, мама!

Сверху раздался голос матери Али:

— В чем дело, Закия?

— Тетушка Амина обедает одна. Бери еду и спускайся. Пообедаем вместе с ней.

— Хорошо, дочка. Сейчас спускаюсь. Оставь тарелку внизу и приходи забрать остальное.

Через несколько минут во дворе воцарилось молчание. За столом сидели матушка Амина, матушка Али и Закия. Все трое были воплощением доброты и непритворного благородства, доброты бедняков, которые делятся друг с другом даже самым малым, что у них есть.

Матушка Али, жена муаллима Хишта, ее дочь Закия считали своим долгом заботиться о матушке Амине так, как бы они заботились о своей матери. Да и то правда, старушка была очень доброй. Она по-матерински относилась не только к обитателям своего дома, но и к жителям всего переулка. Еще никто ни разу не слышал от нее худого слова. Бывало, что ее обижали, но старушка никогда не отвечала на обиды. Ее сердце всегда прощало обидчика.

Старушка любит душевно поговорить с людьми. Благодаря своей доброте она имеет большой дар убеждения. Она всегда стремится добрым словом смягчить жизненные невзгоды людей, постоянно хочет делать людям приятное.

Сейид больше всех на свете любил свою бабушку. Со своей стороны она проявляла к нему крайнюю степень заботливости. Мальчик часто сравнивал свою бабушку с паломницей Замзам. Он спрашивал себя: как мог быть творцом этих двух удивительно противоположных женщин один бог? Как он мог одновременно произвести на свет эту грудку подлости и зла, эгоизма и ненависти и этот поток, полный доброты, благожелательности и самопожертвования? Что толку в том, что Замзам ходит в мечеть молиться? Кто более угоден

аллаху: Замзам со своим богатством или матушка Амина, у которой ничего нет?

Женщины закончили трапезу. Муаллим Шуша молился в одном из тенистых уголков двора.

Закия убрала столик, собрала остатки еды и отдала их козе и гусям. Из дома раздался голос Сейида:

— Бабушка, ты не убирала из-под подушки мешок с беле?

Матушка Амина ответила:

— Посмотри под матрацем, может, я их положила туда, когда выбивала подушки.

Сейид со смехом ответил:

— Вот он, нашел. Ну, и напугала ты меня, бабка! Я уж думал, что беле пропали. Вот была бы история! Сегодня я хочу их все взять с собой.

— Я нашла у старьевщика большой никелевый шар. Он должен тебе понравиться.

— А где он?

— Вот... Ну, как?

— Ого, вот это шарик! Должно быть, в свое время ты сама играла в беле?!

Женщины уселись в тени и завели свои разговоры. Шуша пришел к себе в комнату и растянулся на кровати, отдавшись блаженству отдыха после тяжелого трудового дня. Отдыхая, он начал считать в уме количество бурдюков, которые развез за сегодняшний день. Сорок пять во дворец... Двенадцать — Умм Абдалла... Пятнадцать — доктору... Тридцать — в харчевню... Потом... Еще... И глаза его закрылись. Шуша погрузился в сон.

В это время Сейид вытащил свои беле из-под матраца и начал их пересчитывать. На прошлой неделе он выиграл около двухсот. Начал он всего с десятка, а теперь стал владельцем более трех сотен беле. Сегодня, даст бог, он доведет их число до четырех сотен. Тем более, что бабушка купила для него у старьевщика отличную битую... Быть сегодня большому сражению. Единственно, что пугало Сейида, — ребята запретят ему играть новой битой. Но у него же есть старая, поменьше. Кстати, где она? Должна быть в мешке. Сейид громко крикнул:

— Бабушка!

Она тихо ему сказала:

— Не так громко, Сейид. Ведь твой отец спит.

Сейид нетерпеливо, но потише спросил:

— А где старая бита?

— Зачем она тебе?

— А вдруг ребята не разрешат мне играть новой?

— Почему?

— Так она очень большая.

— Ту я отдала старьевщику.

— О, черный день! Что же мне делать?

— Ничего страшного. Подожди до завтра, и я возьму твою старую битую обратно. Старьевщик бывает у нас каждый день.

— Подожди до завтра?! Ты что, рехнулась? Ведь сегодня в четыре часа я должен играть. Ты понимаешь?

— Откуда я знала, что ты сегодня играешь... А ты уверен, что они не согласятся на эту битую? Сам же ты говорил, что давно хочешь иметь большую битую?

— Так-то оно так, но сдастся мне — не разрешат ребята играть большой.

— А вдруг согласятся? Впрочем, посмотри в старье, в чулане, может быть, найдешь битую поменьше.

Сейид пошел в чулан, где Шуша складывал старые бурдюки и прочее ненужное старье. Через некоторое время он радостно крикнул:

— Нашел! Отличная бита! Ты помнишь, бабушка, примерно два месяца назад я говорил тебе, что потерял битую. Так вот она!

— Ну, и слава аллаху! Теперь ты спокоен?

— Так я пошел.

- Посиди со мной, внучек, отдохни. Твои чертенята подождут.
- А я тоже чертенок?
- Пожалуй, похитрей... Посиди... А то ведь жарко. Подожди, пока солнце сядет.
- Как же, посиди с тобой. А там, может, уже играют.

Не позволив бабке уговорить себя, Сейид побежал к колонке и тутовому дереву. Первое, что он сделал, прибежав на место, это напился из трубы. Утолив жажду, Сейид осмотрелся и не увидел ни одного из своих приятелей. Тогда он решил взобраться на дерево. Усевшись на ветке, он заметил сынишку штукатура Али аль-Хама Дукдука, несшего тарелку с медом и тарелку с тахиной⁸. Сейид заложил два пальца в рот и громко свистнул. Малышу Дукдуку этот свист был хорошо знаком. Он остановился, повертел головой, но никого не увидел. Что-то пробормотав, Дукдук двинулся дальше. Тогда Сейид со смехом крикнул:

- Эй, слепой! Здесь я, на дереве! Далеко топаешь?
- Да вот несую домой мед и тахину.
- Неси и скорей возвращайся. Да не забудь захватить с собой беле!
- Птицей!

Дукдук говорил правду. Никто, кроме птицы, не мог так быстро сбегать домой и вернуться к Сейиду.

Сейид поспешил похвастаться своей новой битой. Он подбросил ее высоко вверх, затем ловко поймал, чем вызвал восхищение мальчишки.

- Ну как, видел?
- Вот это да! Ты будешь ею играть?
- Ага.
- Это почему же? Таким шаром?
- Ну и что? Почему я не могу играть такой битой?
- Тогда играй один... Это же никель... Ядро чугунное... Я пошел, отнесу беле домой.

Не так уж я ими богат.

- Постой, не будь бабой!
- Нет уж, приятель, ищи дураков со своим никелем. Пусть я баба, даже бабий сын...

Пусти-ка меня, пойду я.

— Да ладно уж, сядь, потолкуем. Свет не перевернется... Бог с ним, никелем, который тебя напугал, посмотри-ка на эту битую. Такая подойдет или нет?

- Другой разговор... Конечно.
- Послушай, а если мы будем играть с тобой вместе, на паях, никель пойдет или нет?
- Еще как пойдет!
- Так вот, когда я покажу никель Заки, Харише, Абдалле и другим ребятам, ты помалкивай, понял? Мы будем компаньонами. Только послушай, что я тебе скажу...

Их разговор прервал залихватский свист, раздавшийся из переулка. Затем они услышали голос, кричавший нараспев:

- Эй, Сейид! Ты где?

Сейид тоже протяжно свистнул и как можно громче крикнул:

- Эй, Хариша! Давай сюда!

Хариша выскочил из-за угла дома, подбежал к дереву и уселся на камень, на котором сидел его приятель. Сейид тут же спросил:

- Заки где?
- В лавке.
- Почему?
- Муаллим Саяма не отпустил.
- А как же ты смылся?
- А он послал меня купить на пиастр луку. Я взял деньги и немедля пошел сюда.

⁸ Восточное блюдо, приготовленное из гороховой муки с оливковым маслом, чесноком и луком.

- А как же лук?
 - Поиграем, а там что бог даст! Остальные где? Абдалла, Али аль-Хишт?
 - Сейчас придут... Их еще из школы не отпустили. Ты видал этот никель? Сейид подбросил никель, а Хариша осуждающе воскликнул:
 - Это никель, да? Если бы муаллим Саяма увидел его, он бы толк им таамию.
 - Значит, не пойдет?
 - Пойдет не пойдет — мне-то что, у меня же ни одного беле нет.
 - Чего ж ты пришел тогда?
 - Так я ж тебе утром об этом сказал! Ты обещал мне дать взаймы.
 - А когда вернешь?
 - Когда мне бог пошлет.
 - А когда он тебе пошлет?
 - Спроси его.
 - Сам спрашивай.
 - Мне ни к чему. Не он же возьмет беле, а я. Тот, кто дает, получит их обратно.
 - Ладно, хватит шума. Бери: пять... Десять... Пятнадцать... Двадцать... Хватит столько?
 - Дай еще десяток.
 - Бери... Теперь ты разрешишь мне играть никелем?
 - Да ты с ума сошел?! Ты хочешь, чтоб я тебе подарил беле. Поищи другой никель, а то я уйду.
 - Вот волынщик! Разве мы не договорились — я даю тебе беле и играю этим никелем?
 - И не собирался.
 - А эта пробка пойдет?
 - Пойдет... начнем?
 - Подождем, пока придут остальные. А то что за игра будет. Выиграю я те тридцать беле, которые дал тебе, да еще тридцать, которые у Дукдука. И всего-то? Подождем аль-Хишта и аль-Муарги. Они народ богатый.
- Не успел Хариша ответить, как показались Махмуд Зейн и Мухаммед Мастарейн. На них были надеты галлябеи, сандалии, фески. Каждый тащил с собой по куску железа. Не успели они появиться, как Сейид закричал им:
- Давайте быстрее! Жди вас. Нам что, больше делать нечего?
- Ребятишки быстро скинули галлябеи, сандалии и фески. В карманах их штанов гремели беле.
- Итак, обычная команда собралась: Сейид, Дукдук, Хариша, Махмуд и Мухаммед. Не хватало лишь Али аль-Хишта, который застрял дома, да Абдалла аль-Муарги, который вообще еще не появлялся в переулке. Сейид решил пойти поторопить Хишта, жившего в одном с ним доме, на втором этаже. Но не успел он войти во двор, как услышал голос Али, кричавшего со злостью:
- Все равно я возьму их...
 - Попробуй только!
 - Клянусь пророком, возьму!
 - Да брось ты, ведь у отца нет других. А вдруг ему нужно будет куда-нибудь пойти?!
 - Так они же все порванные! Их только на помойку выбросить.
 - Сказано тебе — брось ты эту затею... Слышишь? Хватит. Сроду ты ничего не можешь сделать тихо, спокойно.
 - Тебе-то какое дело? У тебя вечно одно: нет да нет. Клянусь аллахом, я возьму их! А ты делай как знаешь!
 - Пророк свидетель: если ты их возьмешь, так я тебе задам! Что ни день, то у тебя причуды. Постыдись соседей! Во всей округе нет детей хуже тебя!
 - А я все равно возьму.
 - Ты опять за свое?

— А то чем же я буду играть?
— Так ты ж только вчера забрал пару?!
— Я сделал из них мяч и потерял его.
— Так, значит, тебе нужно каждый день пару?!
Сейиду надоело слушать перебранку Али с матерью.

Он взял парня за руку и крикнул:

— Ну, хватит тебе, не будем попусту терять время.
— Помолчи ты, я должен их взять.
— Что это ты должен взять?
— Я ж ей сказал, что возьму отцовы носки и сделаю мяч.
— Не время, приятель, мы ж сегодня не в мяч играем, а в беле.
— А я буду в мяч играть.
— Ну ладно, не будь упрямым. Мы же все играем в беле.
— А я в мяч.
— Один?
— Один.
— Оставь мяч на завтра. Тебе что сегодня, загорелось?

Хишт не ответил. Он снова крикнул матери:

— Брось носки!
— Ты мне уже голову продолбил с этими носками. Отстань от меня. А то вот я спущусь да так тебя отделаю, что неделю с постели не встанешь!

— Брось носки!

И тут послышались быстрые шаги матери Али... Умм Амина сидела еще во дворе. Она поняла — не миновать парню беды. Решив вмешаться, она крикнула Али:

— Пойди сюда, сынок, я тебе дам.

Сняв со своей ноги шерстяной чулок, который Умм Амина надевала, чтобы умирить ревматические боли, она сказала матери Али:

— Не сердись ты так, чего уж там... Все дети одинаковы.

Али схватил чулок и пустился из дому наутек. Вместе с Сейидом он подошел к колонке, где их ждали остальные ребята. Али все хлопотал:

— Нужно достать тряпья.

Окончательно выйдя из себя, Сейид закричал:

— Али, ну кому сегодня нужен твой мяч?

— Тебе-то что? Хочешь играть в беле — играй... А я займусь мячом... Эй, ребята, кто со мной сыграет?

Ребятишки тут же разделились на две группы. Дукдук и Хариша остались с Сейидом, остальные отошли к Хишту. Тут Сейид вконец разозлился. Ведь владельцы наибольшего количества беле перешли на сторону Али. Стоило ли в таком случае настаивать? Ну выиграет он у бедняги Дукдука его тридцать беле — и всего-то. Нужно искать выход. И Сейид явно примирительным тоном сказал Али:

— Не обижайся, приятель. Стоит ли дробить нашу компанию? Давай сделаем и по-твоему и по-моему. Сначала поиграем все вместе в мяч, потом в беле.

— Другой разговор. Я согласен. Пойдем мяч делать.

— Подожди, сейчас я тряпье принесу.

Сейид побежал домой и столкнулся в дверях с отцом, одетым в чистую галлябею. Он собрался сделать кое-какие дела, а потом посидеть в кофейне у Каддура. Схватив сына за руку, в которой он нес тряпье, Шуша спросил:

— Куда это ты? Тряпье зачем?

— Будем делать набивной мяч, — и Сейид побежал к колонке.

Нужно сказать, что Сейид был большим мастером по изготовлению набивных мячей. Вооружившись иголкой с ниткой, тряпьем и чулком бабушки, Сейид быстро изготовил отличный круглый твердый мяч.

— Во что сыграем — в футбол или гандбол?

Мнения разделились. Одни кричали «футбол», другие — «гандбол». Однако Сейид решил подождать, что скажет Али, внесший всю эту смуту. Его мнение должно быть решающим. Пойдя Али навстречу, Сейид намеревался выиграть у него как можно больше беле. Али с достоинством сказал:

— В гандбол.

— Тогда поделимся.

— Сейид и Али будут матками, — крикнул Дукдук.

Но Сейиду совсем не хотелось до игры в беле выступать против Али. Вообще-то ему всегда доставляло Удовольствие играть против Али, но не сегодня. Али же принял предложение:

— Кто против меня?

Со скрытой издевкой Сейид сказал:

— Поищи равного себе в противники.

Али понял это как признание его спортивной силы. Поэтому он с явной насмешкой крикнул:

— Эй, вы, есть ли среди вас достойный мне противник?

— Что задаешься? Я буду против тебя, — крикнул Дукдук.

Ребятишки встали друг против друга. Приставляя одну ступню к другой, они медленно двинулись навстречу один другому. Дукдук последним закрыл своей ступней пространство, отделявшее его от Али. Он радостно крикнул:

— Выбирать буду я!

— Выбирай.

— Я выбираю Сейида!

Сказал он это с восторгом. Сейид понял, что ему придется быть противником Али. Словом, от чего ушли, к тому и пришли.

— Поищи другого, а то несерьезно получается, — сказал он Дукдуку с усмешкой.

Дукдук никак не ожидал от Сейида отказа. И он зло крикнул:

— Ну и не надо, обойдемся без тебя. Я выбираю Зейна.

Али крикнул:

— А я выбираю Сейида.

Сейид улыбнулся, довольный. А Дукдук крикнул:

— Выбираю Харишу!

— Выбираю Мастарейна.

Не успели приятели разделиться, как услышали залихватский свист. Через минуту появился Абдалла, орущий нараспев:

— Эй, Сейид! Эй, Хариша!

Добежав до ребят, он погремел беле в кармане и сказал:

— Ну, кто со мной сыграет?

— Сначала поиграем немного в мяч, а потом уже в беле, — сказал ему Сейид.

— Тогда я с вами.

— Но тебе нет места. Мы разделились по трое.

— А я хочу сыграть.

— Найди себе пару.

— А где я возьму себе пару?

Сейид схватил его за грудки и крикнул:

— Или найди себе пару, или уйди и дожидайся, когда мы кончим.

— Сам уходи.

Будь другая ситуация, Сейид не задумываясь ударил бы Абдаллу. Но ему очень хотелось поскорее сыграть в мяч и начать игру в беле. Он вынужден был стерпеть. Примирительным тоном он сказал:

— Уж бог с тобой, играй вместо меня, а я посижу...

Ответ Сейида смутил Абдаллу:

— Не обижайся. Играй сам. Я подожду вас.

— Чего уж там, ты должен играть.

— Э, нет, я лучше посижу и посмотрю на вашу игру.

С краев поляны были положены два камня, которые обозначили середину поля. Команды Сейида и Али начали игру. С криком «Первый удар!» Али схватил мяч и высоко подкинул его, направил в сторону противника. Хариша на лету поймал мяч и повел свою команду в атаку. Сейид со злостью посмотрел на противника и крикнул Али:

— Зачем так высоко бросал мяч?

Команда Сейида сосредоточилась у середины площадки, чтобы достойно встретить наступающих. Хариша ударил мяч, и наступление началось. Али много раз перехватывал мяч, но затем ошибался и терял его. Команда Хариши быстро повела в счете. Сейиду изменило терпение. Он крикнул Али:

— Дай-ка мне мяч, на сей раз я буду бить.

Его удар был метким, мяч попал в цель. После этого фортуна стала изменять команде Хариши. Противники быстро сравняли счет, а затем вышли вперед. Победа команды Сейида была полной.

— А теперь пошли сыграем в беле. Хариша, начерти треугольник, — крикнул Сейид.

Хариша взял камень и быстро нарисовал на земле ровный треугольник. На расстоянии нескольких шагов он провел черту, от которой начинается игра.

— По сколько будем играть? — спросил Сейид.

— По пять, — ответил Али аль-Хишт.

— Будь по-твоему.

Сейид вытащил из мешочка пять шариков и положил их в треугольник. Остальные ребята последовали за ним. Треугольник наполнился беле. Затем все встали около треугольника и начали по очереди бросать свои биты в сторону линии. Правило было таким: чья бита опустится как можно ближе к линии, тот и начинает игру.

Сейид взял свою большую никелевую битку и легко ее бросил. Довольный броском, он обернулся, чтобы посмотреть, какое впечатление произвело это на его приятелей. Но в этом не было нужды. Али уже кричал с возмущением:

— Чем ты играешь? Ты что, смеешься над нами? А ну, убери свой никель!

— Ладно, не расстраивайся, — спокойно ответил Сейид. — Ты прав, никелем я играть не буду. А вот эта пробка пойдет? Доволен?

Убрав свой никель, Сейид метнул пробку. Но Хариша был более удачлив. Он выиграл право начать игру. Но пущенная им битка прошла мимо треугольника, не задев ни одного шарика. Остальные ребята тоже промазали. Сейид взял свою пробку, подул на нее, что-то пошептал и затем бросил. Бросок был настолько удачным, что пробка точно опустилась на битку Али аль-Хишта. Ребята восхищенно загудели. Сейид довольно улыбался.

Кусая губы от злости, Али забрал свою битку, сказав:

— Это еще ничего не значит.

— А вот посмотрим, — ответил Сейид.

Он получил право играть до тех пор, пока не промажет. Взяв свою пробку, Сейид метнул ее в треугольник и выбил пять шариков. В следующий раз — шесть. Так он полностью опустошил казенку.

— Ну, а теперь по сколько будем играть, — спросил он.

— По десять.

— Согласен.

Все ребята положили по десять шариков внутрь треугольника. Али снова начинал игру первым. На сей раз его битка опустилась внутри треугольника. Сейид захлопал в ладоши и крикнул:

— Забери свой никель. Сила у тебя есть, а ума не очень!

— Я выиграл!

— А вот и нет!

— Это почему же?

— Если твоя бита оказалась внутри треугольника, то, значит, ты выиграл? Убери свой никель и не шуми.

— И не подумаю. Сам заткнись.

— Будет лучше, если ты его уберешь.

— А что ты мне сделаешь, если не уберу?

— Что сделаю? На, получай!

Сейид схватил никель Али и забросил его как можно дальше.

— Иди-ка, поищи теперь!

В свою очередь Али схватил все стоящие на кону беле и бросился бежать. Но Сейид побежал за ним и сделал Али подножку. Али упал, раскинув руки, все беле покатались по земле. Али вскочил и приготовился дать отпор Сейиду. Под громкие крики ребят оба изготовились к драке. Сейид ждал, что предпримет Али в ответ на его подножку. Изрыгая проклятья, Али ударил Сейида в лицо и разбил ему нос. Сейид даже глаза закрыл от боли. Раздался дружный смех ребят. Зейн крикнул:

— Дай ему еще!

Али замахнулся, чтобы дать еще, но не успел. Сейид подставил ногу и сильным ударом в грудь опрокинул навзничь своего противника. Оседлав Али, он начал его бить куда попало. Али успел схватиться за карман галлябеи Сейида и сильным рывком разорвал пополам. Сейид вконец разозлился, особенно от сознания того, что ему достанется от отца за разорванную галлябею. Печальные мысли настолько его увлекли, что он забыл о противнике. Тот не стал ждать, быстро встал на ноги и ринулся на Сейида. Сейид в мгновение ока схватил Али за шею, наклонил его голову немного вперед и сильно ударил лбом в лицо. «Русский» удар удался на славу, вызвал восхищение наблюдавших за дракой ребят. Но противникам это не доставило никакого удовольствия. В голове Али зашумело. Ему было не до восторгов. Сейид же мог одним ударом закончить сражение в свою пользу, но он увидел, как из носа Али льется кровь. Почувствовав это, Али заорал:

— Ах ты, собачий сын! Что ж ты со мной сделал?

Ребята поняли, что положение осложняется и им нужно что-то предпринять решительное. Хариша схватил Али за руку.

— Пойдем к трубе, я вымою тебе лицо.

— Да ты не бойся, Али. Это пустяки. Я позавчера тоже разбил себе нос. И, как видишь, ничего не случилось, — сказал Зейн.

Всю злость с Сейида как рукой сняло. Наоборот, ему стало жаль противника и он испугался того, что, может быть, сильно поранил Али. Сейид сразу забыл все — и разорванную галлябею, и беле. Он взял своего противника за руку и повел к трубе с водой. Приложив губы к трубе, Сейид подсосал воду и начал пригоршнями лить ее на лицо Али. Считая себя специалистом в подобных ситуациях, Зейн посоветовал:

— Али, сядь на камень и запрокинь голову.

Печальное положение Али не оставляло ему ничего другого, как следовать советам приятелей, которые окружили его, поливая лицо водой. Скоро кровь перестала течь. Тогда Хариша сказал со смехом:

— Все в порядке, ребята. Все обошлось как нельзя лучше! Слава аллаху, что так сошло. Хоть «русский» удар и оказался отменным, все же никто не умер!

— Ну, и хватит, — сказал Зейн. — Поцелуйте друг друга и оставайтесь приятелями.

Так как Сейид чувствовал себя виноватым, он взял Али за голову, поцеловал и примирительно сказал:

— Прости уж, Али, я это нечаянно.

— Чего там, — сказал Али со слезами на глазах, — давай я тебя поцелую.

Приятели помирились, но разорванная галлябея тяжелым камнем легла на сердце Сейида. Как он покажется дома в таком виде? Тогда Мастарейн сообразил:

— Так ведь иголка, которой мы зашивали мяч, с нами. Я сейчас принесу нитку, и все будет в порядке.

Через несколько минут Сейид снял свою галлябею. Мастерейн уселся на камень и стал быстро ее зашивать. Ребята внимательно следили за починкой.

Солнце уже садилось за горизонт, темнота заволакивала улицу. Абдалла сказал:

— Уже ночь на дворе, айда по домам! — И все пошли. Остались лишь Хариша и Абдалла, который вдруг вспомнил, что его послали за покупкой. Он быстро побежал в лавку.

Глава 4 Изгнанный из рая

Сейид и Али вошли в дом. Первый спросил:

— Ты на меня не обижаешься?

— Да что ты? Считаю, что ничего не было.

Спустя немного, Али опять спрашивает:

— А что ты скажешь о своей галлябее?

— Что скажу? Зацепился за гвоздь или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, она хорошо зашита. А ночью вряд ли кто увидит. Я не буду ждать отца и лягу спать. Ну, а завтра что аллах подскажет!

Двор дома, слабо освещавшийся фонарем, висящим над лестницей, был пуст. Его дневные обитатели — два гуся и коза — отсутствовали. Умм Амина с помощью Закии, дочери аль-Хишта, которая во всем ей помогает, завела их в дом.

Наши приятели мирно расстались во дворе. Али поднялся к себе наверх, насвистывая песенку. Сейид толкнул ногой полуоткрытую дверь, ведущую домой, и вошел в небольшую прихожую, пол которой был покрыт тряпьем, обозначающим ковры. Вся обстановка прихожей состояла из полуразвалившейся грязной тахты да деревянной скамейки, на которой стоял керосиновый: фонарь, слабо освещавший соседние комнатухи. На стенах были развешаны бумажные плакаты с изречениями из корана.

Сейид осмотрел прихожую, разыскивая свою бабушку Умм Амину. Не увидев ее, он засунул два пальца в рот и свистнул. Этому ему показалось мало, и он громко крикнул:

— Бабушка Умм Амина, где ты?

И тут он увидел ее, расprostертую на молитвенном коврике. Она читала вечернюю молитву, непрерывно повторяя: «Салям алейкум, салям алейкум!»

Сейид решил, что приветствие обращено к нему, и ответил:

— Ваалейкум салям, благословение и молитва аллаха! Ты еще замаливаешь свои прегрешения? И что же это были за грехи? Неужели ты была грешницей?

Старушка тяжело поднялась, свернула коврик. Ее лицо озарила добрая улыбка. Она сказала в ответ:

— Что ты так шумишь, озорник? И не стыдно тебе? Ведь люди спят, им нужно хорошо отдохнуть от дневных забот.

С деланным раскаянием Сейид отвечал:

— Ты обиделась на меня, госпожа моя? Правда, есть за что. Дай я поцелую тебе руку.

Он взял руку бабушки, но она притянула внука к себе, нежно обняла его и со смехом сказала:

— Разве на тебя можно обижаться?! Что будешь ужинать?

— А что у тебя есть?

— Чечевичная похлебка, которую дала нам твоя тетка Умм Али, немного сыру и арбуз.

— А похлебка с жареным луком?

— Ну, конечно.

— А я не люблю жареного лука.
— Так выбери его!
— И похлебку я терпеть не могу!
— Тогда поешь сыру и арбуза.
— А ничего другого нет?
— Чего тебе еще? Может быть, чего-нибудь поджарить?
— Не надо.
— Послушай, внучек, сходи к Закие, попроси у нее немного муки и примус, а я сделаю тебе олады.

— Маслин хочется.
— Вечно ты споришь со мной. Я говорю тебе правый, а ты мне — левый, я тебе — черный, а ты — белый. На-ка вот тебе полпиастра и ступай купи себе что хочешь.

Старушка засунула руку за пазуху, вытащила оттуда платок, в который было завязано несколько монет, и одну из них дала внуку. Парнишка схватил монету, стремглав выбежал на улицу и устремился к бакалейной лавке Шеха.

— Дядя Шеха, дай мне на три миллима⁹ маслин, на миллим — карамели и на миллим — арбузных семечек.

Шеха не успел протянуть руку за маслинами, как услышал:

— Послушай, что я тебе скажу. Маслин хватит и на миллим. На другой миллим дай лучше земляных орехов.

И только Шеха попытался выполнить требование своего клиента, Сейид снова крикнул ему:

— А почему у тебя палка сахарного тростника? — и он показал на связку, стоящую недалеко от прилавка.

— Два миллима, — ответил с раздражением бакалейщик.

— А по миллиму есть?

— Как не быть.

— Тогда сделаем так: ты мне дашь на миллим маслин, а на остальные четыре — сахарного тростника, арбузных семечек, земляных орехов и карамели.

— У меня нет маслин ценой в миллим.

— Это как же так нет?

— Если я говорю нет, значит, нет таких маслин.

— А почему ты не продаешь маслин по миллиму ценой? Раз есть за два миллима, то должны быть и за один. Раздели двухмиллимовую монету пополам и получишь два отдельных миллима. Разве это так сложно?

— Не морочь мне голову. Раз я сказал нет — значит, нет. Ты меня, надеюсь, понимаешь?

— Не шуми. Обойдусь без маслин. Дай тогда леденец.

Собрав покупки, Сейид быстро побежал домой; войдя во двор, он кликнул бабушку:

— Послушай, Умм Амина!

А та сидела на тряпичном пуфе в прихожей, прислонившись к разваливающейся тахте. По обыкновению она была погружена в море печальных мыслей. Из этого состояния ее мог вывести только внук. Никто, кроме Сейида, не мог заставить ожить ее душу, светиться лицо.

— Ты что, внучек?

— Посмотри, что я принес!

— Что бы это могло быть?

— Целую кучу всякой всячины. Ты сможешь и поесть, и пососать, и полущить. И все это за каких-то полпиастра!

— Что ты сказал, что?

— На, потрогай. Можешь поесть земляных орехов, пососать леденец и сахарный

⁹ Миллим — десятая часть пиастра.

тростник, полущить арбузных семечек. И все это богатство я купил за полпиастра.

— Пустые все слова говоришь, внук. Ты принес маслин, которыми хотел поужинать, или нет?

— Конечно, нет.

— Так чем же ты будешь ужинать?

— А что у тебя есть?

— Опять двадцать пять! Я же тебе уже сказала, что есть похлебка, сыр и арбуз. Ты сказал, что тебе все это не нравится. Поэтому ты пошел за маслинами.

— Э, да ладно. Поем что есть. Похлебку, арбуз — мне все равно.

— Бог тебе судья! Вместо того, чтобы покупать бесполезные вещи, ты мог бы сэкономить монетку. Всяк так и скажет тебе. Да что говорить — сама виновата, что дала тебе денег.

— Велики деньги!

— Ну, да ладно, что пропало — того не вернешь.

— Не будем больше об этом говорить. Может быть, возьмешь леденец или арбузных семечек?

— Ешь уж сам, надо же чем-то наполнить живот.

— Бабушка, мы же договорились — хватит об этом, не расстраивайся. Дай я тебя поцелую.

Сейид схватил седую, покрытую черным платком голову бабушки и поцеловал ее. Старушка рассмеялась. Парнишка и не ожидал другого. Так бывало всегда, когда бабушка ему за что-нибудь выговаривала. Старушка снова заговорила:

— Подожди набивать желудок безделицей. Поешь сначала.

— Очень мне нужен ужин.

— То есть как не нужен? Ты что же, собираешься спать с пустым животом? Нечего, нечего. Пойди на кухню и принеси похлебку, сыр и арбуз. Да захвати и для меня миску. Поужинаем вместе.

Не успел Сейид двинуться с места, как услышал тяжелые шаги во дворе. Он застыл от неожиданности. Это был, конечно, отец. В чем дело? Так рано он никогда не возвращался из кофейни. Наверное, он хорошо заработал и несет что-то вкусное.

Одетый в полосатую галлябею, в серой войлочной шапочке, обутый в сандалии без задников, которые обычно носят североафриканские арабы, муаллим Шуша вошел в дом. В руках он держал промасленный сверток.

— Добрый вечер, мать, — сказал он скороговоркой.

— Всего тебе доброго, сын мой, — ответила она ласково. — Тебе приготовить поужинать?

— Я поужинал.

Сейид не стал ждать конца разговора. Он взял у отца сверток, сверля его пронзительным взглядом. На толстой оберточной бумаге проступали жирные пятна. Может, куфта? Нет. Что-то не слышно запаха. Если бы была куфта, то ее запах был бы слышен еще в начале переулка. Басбуса. Тоже нет, ибо бумага уж слишком пропитана жиром. Наверняка фатыр!

Сейид оказался прав. Как только он взял у отца сверток, тот сказал:

— Там две порции фатыра. Одна для тебя, другая для бабушки. Одна приготовлена на масле, другая на жире. Сахар завернут отдельно. Осторожней, а то уронишь!

Сев рядом с бабушкой, Сейид начал разворачивать сверток. Его лицо светилось от удовольствия — он обожал фатыр. Да благословит аллах отца! Он всегда приносит вкусные вещи в самое подходящее время! У парнишки даже слюни потекли от предвкушения удовольствия. Он сказал бабушке:

— Я возьму тот фатыр, который на масле.

— Бери какой нравится.

— Отец, который на масле?

— Тот, что сверху.

Сейид взял свой кусок. Под ним оказался еще более аппетитный, приготовленный на жире. Он начал сравнивать. Пытаясь выиграть время для наилучшего выбора, Сейид спросил бабушку:

— Тебе нравится на жире?

— И тот, и другой хороши. Бери любой.

Парнишка заколебался. Но времени было слишком мало для раздумья. Тянуть больше он не мог. Решившись отдать верхний кусок бабушке, он сказал:

— Вот тебе, который на масле. А я возьму другой. Тебе посыпать сахаром?

— Посыпь.

Сейид насыпал немного сахара на фатыр и протянул его бабушке. Но на полпути его рука остановилась.

— Пожалуй, я возьму на масле?

Старушка рассмеялась:

— Да не смутит бог уверенного!

Сейид устыдился своих колебаний и решительно сказал:

— Возьми этот, а я — на жире.

Старушка взяла свой кусок, откусила от него немного и стала медленно жевать. Сейид же, не мешкая, отхватил сразу добрую половину. Когда же осталось совсем немного, он сказал старушке:

— Может быть, ты попробуешь фатыр на жире? Я тебе дам кусочек, а ты мне от своего в обмен?

Бабушка съела совсем немного. Разумеется, ее неспешность в еде была нарочитой. Она заранее знала, что предпримет внук. Протянув свой кусочек бабушке, Сейид забрал у нее почти полную долю фатыра и немедленно начал его уничтожать. Его отец, который собирался лечь спать, с упреком сказал:

— Я ведь ясно объяснил: каждому по одному куску фатыра.

— А я-то при чем? Она сама предложила обменяться.

— Оставь его, сын мой, — сказала со смехом старушка. — Я чувствую большую сытость от того, что он съел.

Старушка была искренна. Самое большое удовольствие было ей видеть, как ест ее внук. Если бы случилось так, что оба ее мужчины страдали от голода, то она готова была бы разрезать себя на части, чтобы только их накормить.

Больше всего на свете она любила внука и сына. Для любви к сыну у нее были все основания. Человек добрый, трудолюбивый, честный, заботливый. Она не находила в нем никаких недостатков. А внука она любила, не задумываясь над тем, за что. Любила его такого, каким он был: шаловливого, веселого. Ей даже нравилось, когда внук злился или капризничал.

Сейид и бабушка покончили со своими сладостями. Шуша пошел к себе творить вечернюю молитву. Сейид начал зевать. Обращаясь к бабушке, он спросил:

— А что, спать мы будем?

— Может быть, ты поешь чего-нибудь из купленного тобой?

— Не, оставлю на завтра.

— Может быть, немножко похлебки, или арбуза, или сыру?

— Не, я сыт.

— Тогда вставай и иди мыть руки.

— Они чистые.

— А масло от фатыра?

— Я вытер его об галлябею.

— Ага, чтоб тебя клопы искушали. Грязным спать не пойдешь. Иди помойся, а я приготовлю тебе чистую галлябею.

— И что ты ко мне пристала? Что, разве каждый день нужно мыться? Эдак и утомиться можно без большой нужды. Уже сколько лет я мою руки и лицо. А польза от этого какая?

— Быстро вставай и иди. Каждый раз с тобой одно и то же. Без разговоров ты умыться

не можешь?

Сейиду ничего не оставалось, как встать. Тем более, что слепая бабушка поднялась и без его помощи направилась к уборной. В пределах своего двора она всегда передвигалась словно зрячая. Последовав за ней, Сейид крикнул:

- Подожди, я принесу лампу.
- Не надо, оставь лампу у себя.
- Но я ничего не вижу.
- Зато я все вижу. Иди сюда.

Старушка подобрала полы платья, села на низкую деревянную скамеечку перед тазом с водой. Туалет, несмотря на свои малые размеры, был поделен на две части: в одной помещалась уборная, а в другой — умывальник. Рядом же находилась кухня. В этом помещении был постоянный полумрак, ибо освещалось оно лишь через маленькое окошко, которое находилось под самым потолком, как в тюрьме. Бабушка позвала внука, готовясь к ежедневной процедуре.

- А ну-ка, раздевайся!
- Да ты никак собираешься меня мыть?
- Нет, лишь умою.
- А голову будешь мыть с мылом?
- Как же иначе.

— А зачем? Ведь ты же сама мыла ее позавчера. Голова и теперь еще чистая... Каждый день одно и то же — мыться, мыться... Если бы у меня была и каменная голова, то и она давно бы стерлась.

- Хватит болтать, иди сюда.
- Ладно, но только без мыла.
- А что, мыло тебя щиплет?
- Не, в глаза лезет.
- А ты закрой их, и оно не полезет.
- Я закрываю, а оно все равно лезет.
- Закрывай как следует.
- И то закрываю со всей силой.
- Значит, все в порядке.
- Все равно лезет.
- Да иди ж ты сюда, ради всевышнего. Терпенье лопается.

Притворно заплакав, Сейид продолжал:

— И что я тебе дался? Каждый день с мылом да с мылом. Теперь я знаю, зачем бог создал мыло. Чтобы оно лезло мне в глаза. Так и ослепнуть недолго.

— Без разговоров, дай сюда руки!

Сейид протянул руку. Бабушка с силой притянула его к себе и с досадой сказала:

— Садись здесь и нагни голову над тазом.

Нагибая голову, Сейид пошарил рукой вокруг себя и нащупал мыло, которое лежало рядом со скамейкой. Он быстро схватил его и спрятал за спину.

Набрав воды из таза в кувшин, старушка начала поливать на голову внука. Потом протянула руку, ища мыло, которое она клала всегда в определенное место, но не нашла его. Она стала шарить вокруг себя, но вскоре все поняла. Взяв парнишку за ухо, она с угрозой сказала:

- Сейчас же отдай мыло!
 - Какое мыло?
 - Отдай, а то хуже будет.
 - Да не видел я никакого мыла, — сказал мальчик со злостью.
- Бабушка с силой дернула его за ухо.

- А-а-а, — закричал он.
- Отдай, а то позову отца. Он тебе задаст. Ты же знаешь, что он из тебя душу вытрясет.

— На, подавись своим мылом.

Сейид снова начал притворно плакать, не давая ей намыливать голову.

— Да замолчи ты, хватит дурака валять!

Мальчишка сильно зажмурил глаза. Намылив ему голову, старушка стала лить на нее воду, смывая пену.

— Ну что — все? Можно открывать глаза?

— погоди, еще раз помою. Столько грязи, что не понимаю, как ты ходишь — ногами или на голове.

— Еще раз? И что же это за насилие такое! Твоя мать тоже дважды мыла тебе голову, а?

— Разве я мазалась, как ты?

Затем наступила очередь рук и ног, что было для старушки гораздо легче сделать, ибо мальчишка теперь уж ничего не мог выкинуть. Закончив мытье, Сейид надел чистую галлябею, что здорово облегчило его судьбу — хотя бы временно он избавился от рваной галлябеи. Вслед за бабушкой Сейид пошел спать.

Их жилище состояло из трех маленьких темных каморок, устланных, как и прихожая, всяким тряпьем. В каждой каморке было по окну, закрытому железной решеткой. В одной из каморок спал Шуша на низком деревянном лежаке, покрытом тонким одеялом. В углу каморки стояла вешалка, на которой болталась одежда отца, в другом — небольшой шкаф, где находилось остальное имущество главы семьи.

Старушка и мальчик спали в соседней каморке на матрасе, брошенном прямо на пол. Вешалку им заменяла тонкая веревка, протянутая между стенами. На веревке висела немудреная одежонка обоих обитателей каморки. В одном из углов стояли тазик и кувшин, которыми бабушка пользовалась для совершения омовения и для стирки.

В третьей каморке стоял сундук с тряпьем, который открывался лишь в том случае, когда Сейиду нужно было поискать там что-либо подходящее для его игр.

Сейид заглянул к отцу и увидел его в привычной позе: тот сидел на своей постели, облокотившись на подоконник и наклонив набок голову. Отец смотрел через окно на небо, вернее на небольшую полоску неба, которая просвечивала в узкую щель, отделявшую их дом от противоположного балкона, почти полностью закрывающего собой сверху переулок. В руке он держал сигарету, дымом которой затягивался время от времени.

Каждый вечер, прежде чем лечь спать, его отец сидел в такой позе и лицо его было как и у бабушки: задумчивое и немного печальное. Их вообще многое объединяло: страстные молитвы, печаль, созерцание неба. Но Сейид не задумывался над тем, что за всем этим скрывается, никогда не спрашивал ни отца, ни бабуку о причинах их печали. У парнишки не было на это времени.

Сейид перевел взгляд с отца, рассматривающего небо через окно, на бабушку, которая направлялась к постели. Он позвал ее.

— Чего тебе, внучек?

— Ты мне ничего на расскажешь?

— Расскажу, но при условии.

— Каком условии?

— Ты перестанешь балагурить, когда я мою тебе голову с мылом.

— А что, ты разве еще раз будешь мне мыть голову с мылом?

— Я имею в виду следующий раз.

— Бог даст, этого скоро не случится. И чего ты торопишься? Во всяком случае, я больше не собираюсь так пачкать свою голову. Пусть твое сердце отдохнет от подобных забот.

— Значит, опять собираешься балагурить?

— Не буду, не буду. Так ты мне расскажешь что-нибудь?

— Если будешь хорошим мальчиком, послушным, будешь мыться без разговоров, не будешь ссориться с соседскими ребятами, пачкать одежду и рвать галлябею, то я буду тебя любить и рассказывать все, что только ты захочешь.

«Не рвать галлябею! Вот те на! Как быстро это выяснилось! Интересно, что она сделает?»

Назовет его озорником и нарвет уши? Это самое большее, на что она способна. Она же добрая, всепрощающая. И уж, конечно, бабушка ничего не скажет отцу».

Все эти мысли мгновенно пронеслись в голове Сейида. Но он быстро успокоился и ответил бабушке:

- Ладно, так что же ты мне все-таки расскажешь?
- А что хочешь.
- Придумай сама.
- Рассказать тебе «Если слепой не видит, то он не знает»?
- Ты мне это позавчера рассказывала.
- Тогда, может быть, «Райский кусок хлеба...»?
- Это мне надоело.
- Ну, сказку о Кисбаре.
- Давай, давно уже я ее не слышал.
- Хорошо, слушай.

Старушка легла на постель, обняла внука, прижала его голову к груди и ласково поцеловала. А он сгорал от нетерпения.

- Ну, рассказывай же!
- В некотором царстве, в некотором государстве жил-был... Ни одно сказание нельзя начинать без упоминания имени пророка, мир ему и благоденствие.
- Мир ему и благоденствие.
- И было в этом государстве, господин мой...

И началось сказание. Мальчик внимательно слушал, дыхание его было мерным и спокойным. Старушка не долго сказывала сказку. Скоро она поняла, что внук заснул глубоким сном.

Старушка снова прижала мальчика к груди, погладила его так, как скряга гладит свое сокровище. Она снова погрузилась в раздумья. Но и ее, наконец, одолел сон. Весь дом превратился в сонное царство. Лишь изредка раздавался чей-то храп.

Первым проснулся отец. Лучи утреннего солнца едва пробивались через маленькие оконца, постепенно разгоняя ночную темень. Сумерки рассеивались все быстрее, солнечные лучи уже заливали двор. Отец умылся, сотворил утреннюю молитву, одел рабочую галлябею, фартук, войлочную шапку. Войдя в комнату матери, он тихо позвал:

— Сейид, а Сейид!

Старушка сразу же проснулась. Сейид остался неподвижным. Умм Амина негромко сказала:

— Еще очень рано, сынок, пусть мальчишка еще поспит.

Она всегда противилась желанию сына побыстрее приучить мальчишку к работе, придать ему мужественности. Старушка считала, что для этого внук слишком мал, его неокрепшее тело не выдержит большого трудового напряжения. Но Шуша не обращал внимания на причитания матери. Оба они любили Сейида, но каждый по-своему. Бабушка не хотела, чтобы внука раньше времени лишали детства. Она старалась избавить его от всех тягот жизни. Что же касается отца, то он всячески старался опередить время в стремлении сделать сына взрослым. Закрывая глаза, Шуша видел сына уже мужчиной. Так же, как старушка всегда хотела прижать внука к себе, отец хотел видеть мальчишку в рабочей одежде, с бурдюком на спине.

Несмотря на протесты матери, хотевшей, чтобы парень еще поспал, Шуша позвал сына еще громче.

— Сейид, проснись же наконец!

Парнишка открыл глаза и, как только увидел отца, тут же вскочил и громко крикнул:

— Я уже встал, папа, сейчас иду.

Сейид всегда с удовольствием вставал на работу, как бы она тяжела ни была. Но если бы он знал, что сегодня его отправят в школу, то он бы тянул до последнего. Тогда бы пришлось звать его очень много раз. Он же рассчитывал надеть фартук, взвалить на плечо бурдюк и идти

во дворец поливать деревья... Он надеялся выполнить кучу интересной работы, ради которой стоило вскочить с постели и пожертвовать самыми сладкими сновидениями. Сейид поспешно умылся, вернее сказать, лишь протер глаза мокрыми пальцами, надел фартук и заторопился за отцом. Не успели они переступить порога, как услышали голос Умм Амины:

— Не обедайте в харчевне, я вам приготовлю поесть.

Шуша вернулся, вытащив из кармана бумажник, достал оттуда монету в пять пиастров и положил ее на ладонь матери.

— У меня есть деньги, — сказала она.

— Ничего, возьми, может быть, тебе нужно что-то купить. А хочешь, я пришлю тебе, что надо?

— Не нужно. Закия пойдет за покупками и принесет мне все, что потребуется.

Закия не только делала для старушки всякие покупки, но и помогала ей во всем, что она не могла сделать из-за своей слепоты.

Отец вышел, а за ним вприпрыжку сын. Толкая перед собой тележку с пустыми бурдюками, они пошли по переулку, направляясь к колонке, расположенной в начале улицы Самакин. Придя туда, они нашли будку распорядителя закрытой. Он еще не удосужился прийти. Его уже ожидали две женщины с кувшинами и водонос Абдель Азиз. Шуша остановил тележку около тротуара и приготовился терпеливо ждать.

— Доброе утро! — приветствовал он очередь.

Ему ответили. Абдель Азиз сразу же принялся болтать:

— Наверное, муаллим Али видит десятый сон.

Его поддержала одна из женщин:

— А на интересы людей ему наплевать! Разве это порядок? И у нас работы и забот полон рот!

Другая тоже не удержалась:

— Он что думает, что у нас только и дел его здесь ждать часами?

Хотя Шуша был разозлен больше других, он хорошо контролировал свой язык и не промолвил ни одного злого слова. Он лишь тяжело вздохнул. Но сын не обладал этими качествами. Он не чувствовал никакого стеснения. Вступая в разговор от имени отца, он крикнул:

— Наверное, муаллим Али где-то хорошо повеселился вчера.

Абдель Азиз прыснул, обе женщины откровенно расхохотались. Шуша сдержал смех и строго сказал сыну:

— Укороти язык и не лезь куда тебя не просят!

— Это почему же? Разве я не такой же водонос, как ты? Мы простаиваем без дела. Мы же подводим людей! И это называется старейшина водоносов? Ему доверили водоем?! Лучше бы он пошел плясать!

Отец прервал его строгим окриком:

— Хватит, парень, будь повежливей! Я же тебе сказал уже — прикуси язык.

Сейид сердито замолчал и принялся болтать ногами в небольшом ручейке, вытекавшем из бассейна.

Очень скоро появился Али Донгаль. Глаза его были красными, веки опухшие, усы опущены. Он со злостью бросил слова приветствия всей очереди. Ему ответили с неменьшим неудовольствием. Али занял свое место на скамейке, стоявшей в будке, позади водоема.

Женщины наполнили кувшины, Абдель Азиз — бурдюки. Обращаясь к сыну, Шуша потребовал:

— Иди сюда, быстро наполни бурдюк.

Как только Сейид закончил несложную операцию, отец приказал:

— Быстро во дворец, да смотри мне, не балуй!

— Хорошо, отец.

Наклоняясь вперед, обливая одежду, Сейид двинулся вперед. Его радостное настроение несколько омрачилось отцовским предупреждением, но, поразмыслив, Сейид утешился, что

Шуша просто предупреждал его не повторять глупости, допущенной им вчера, то есть не залезать на дерево, не ломать веток и не валиться с дерева на голову дядюшке Габалла. Подойдя к воротам, он уже был по-прежнему счастливым. Его настроение не омрачали ни страх, ни сомнения. Во дворе Сейид увидел Габалла, погруженного в молитву. Больше всего Сейиду не нравилось в аллахе то, что он приказал своим рабам постоянно молиться и не отклоняться от продиктованных им законов ни на шаг.

Но сейчас он был очень доволен этим обстоятельством, потому что сумел тихо пробраться во двор. Сняв со спины бурдюк, Сейид медленно вылил воду в воронку, окружавшую туловищу. Затем он положил бурдюк на землю и снял фартук, который стеснял движения. У него было немало свободного времени, которое можно провести с большой пользой для себя. Отец еще наполняет бурдюки. По дороге сюда он должен зайти в три дома. Что же до Габалла, то он будет молиться до тех пор, пока его кто-нибудь не позовет. К тому же старик не слышал, как он вошел, а посему вполне спокоен.

Вырабатывая план действий, Сейид внимательно осмотрел сад. Посмотрев на фонтан, он увидел, что вода из него еще не потекла по канавкам к деревьям, и тут же решил искупаться.

Подоткнув галлябею за пояс, он прыгнул в фонтан и начал барахтаться, подняв тучу брызг так, что весь измочился. От переполнявшего его восторга он даже запел.

Утихомирившись, Сейид огляделся и увидел рядом с фонтаном банановую пальму. Среди широких зеленых листьев пальмы проглядывали большие низки желтых плодов. До них можно было рукой дотянуться. Недолго думая, мальчишка выскочил из фонтана, сорвал одну из низок и начал уплетать за обе щеки. Насытившись, он выбросил кожуру.

Вот глупец! Потерял драгоценное время! Говорил же отец — будь разумным. А то, что он сделал, — образец безмозглости!

Продолжая обследовать сад, Сейид увидел, что под айвой много опавших плодов. Он начал их есть один за другим. Вскоре почувствовал — хватит.

Он выполнил наказ отца: на дерево не залезал, на голову Габалла не валился и в то же время наелся до отвала. Что бы еще такое сделать? Попробовать фиников? Но под пальмой ничего не было. Он посмотрел вверх. На высоте четырех локтей, окружая ствол пальмы, висели гроздья красных фиников. Сейид начал быстро соображать. Если быть разумным, как велел отец, то он должен ждать того момента, когда финики упадут сами. Если будет на то воля аллаха, то или ворона, или ветерок свалит несколько фиников вниз. Но разве можно быть уверенным, что это произойдет до прихода отца или раньше, чем Габалла завершит молитву? Если же не руководствоваться трезвым умом, то можно залезть на пальму. Но на сей раз, если он упадет, то не Габалла свернет шею, а себе. Осматривая пальму, Сейид колебался: залезть или не залезть. Залезть или нет? Конечно, можно забраться с помощью соседнего дерева. Но кто знает: выдержит ли оно его тяжесть. Нет, нет, он не полезет на пальму! А как хочется фиников!

Вдруг в голове Сейида мелькнула блестящая идея. Чего ему ждать, когда ворона или ветер свалит несколько фиников? С помощью камня он может сбить их гораздо больше. Да и на пальму залезать не надо, и разум останется в голове.

Оглядевшись, он увидел недалеко от фонтана небольшой камень. В самый раз! Ему положительно везет этим утром. Наверное, это аллах посылает ему такие удачи, а может быть, и дьявол?!

Сейид изо всех сил бросил камень вверх. Он пролетел рядом со стволом, миновал финики, полетел в сторону дома и попал в стекло одного из окон. Раздался звон. Он прозвучал словно гром. В это же мгновение дядюшка Габалла очнулся от молитвы и бросился внутрь сада. За ним спешил Шуша с бурдюком за спиной. Сейид посмотрел на разбитое стекло, на свой фартук и бурдюк и бросился бежать к воротам. Отец крикнул удивленно:

— Куда ты?

— В медресе!¹⁰ — ответил Сейид на бегу.

¹⁰ Медресе — в старом Египте начальная школа, где изучали только коран.

Глава 5 В медресе

Сейид бежал как безумный. Остановился он лишь перед домом, в Кошачьем переулке. Войдя во двор, он попал в объятия бабушки Умм Амины. Сейид задыхался от усталости.

На лице старушки были написаны испуг и удивление.

— Что с тобой? Что-нибудь случилось, да убержет тебя аллах от всякого зла.

Мальчишка был не в состоянии вымолвить ни слова. Бабушка забеспокоилась не на шутку:

— Тебя кто-нибудь ударил?

— Если бы...

— Неужели ты кого-то избил?

— Совсем нет. Просто разбил стекло во дворце.

— О, горе мне! У тебя не хватило соображения, чтобы не бить стекло? Ты что, наткнулся на него?

— Наткнулся! Стекло-то было на втором этаже... А я в саду поливал туловицу.

— Какое отношение имеет дерево к стеклу на втором этаже?

— Уж так получилось... Значит, стою я под пальмой и вдруг нахожу камень, который вдребезги разбивает стекло в окне.

— Кто камень-то бросил?

— А я знаю? Одному аллаху ведомо.

— Кто-нибудь, кроме тебя, был в саду?

— Не-е... Дядюшка Габалла, который молился.

— Так, значит, это ты бросил камень?

— Право, не знаю... Нашел я камень, который оказался в моей руке сам по себе, я даже и не почувствовал. Я захотел от него избавиться. Бросил его подальше. Он полетел вверх... Перелетел через пальму и упал. Из всего огромного нашего мира он не нашел другого места, куда упасть, кроме как на оконное стекло. Что я мог с ним сделать?

— Несправедливый оказался камень. Нужно бы ему упасть тебе на голову. Ты бы поумерил свою шустрость и не разбивал стекло в чужих окнах.

— Я и не собирался этого делать.

— А вышло так... Потом ты что сделал?

— Что, что! Взял подол галлябеи в зубы, ноги в руки и что есть силы бежать. Не ждатель же было нахлобучки? Я быстро сообразил — не миновать мне возвращения в медресе, к этому проклятому мулле. Я и сказал себе: парень, лучше ты сам туда вернешься, чем тебя погонят силой... Где мои сандалии, феска и жестяная доска?

— Там же, где ты их бросил.

— Я положил их на сундук в чулане.

— Значит, они там и есть, никто их не трогал.

Сейид вырвался из объятий бабушки и побежал к сундуку, но ничего не нашел. Тут же он вспомнил, что открывал сундук, когда искал битую для беле. Тогда же несколько металлических досок с его писаниной упали за сундук. Просунув туда руку, Сейид наткнулся на феску. Вытащив ее, он увидел, что вся она в пыли и грязи, обтрепана, помята. Засунув руку еще раз, мальчишка нашел жестяную доску, сделанную из бидона. Она служила ему для письма вместо грифельной доски. Сандалии Сейид нашел засунутыми под старые бурдюки, в углу комнаты.

Быстро отряхнув феску и придав ей божеский вид, он натянул ее на затылок, надел сандалии, взял доску и крикнул бабушке:

— Так я пошел!

— Постой, позавтракать нужно.

— А что у тебя есть? Опять скажешь — похлебка, сыр да арбуз? Нет уж, госпожа моя, пусть твою похлебку аллах заберет. Я пойду.

— А есть-то что будешь?

— Что-нибудь поем. У тебя есть деньги?

— Есть... Сколько нужно?

— Дай пиастр. Тогда мне хватит и на завтрак, и на обед.

— Возьми, но купи еду, а не каких-то семечек да карамелек, как было вчера. Кстати, твои вчерашние покупки никто так и не попробовал.

— Оставь их на потом. Я пошел.

— С миром... Будь осторожней. Иди только по тротуару. Когда будешь переходить улицу, гляди по сторонам. Храни тебя аллах, Сейид сын Шуши!

Парнишка не стал дослушивать причитаний своей бабки. Он всегда пропускал их мимо ушей. Так же, как никогда не принимал близко к сердцу ругательства и проклятия своей тетки паломницы Замзам. Иногда он себя спрашивал: слышит ли аллах там у себя наверху эти заклинания? Думает ли он когда-нибудь им внять? Кто знает?

Не успел Сейид ступить за порог, как услышал шаги на лестнице и удивленный голос Али аль-Хишта:

— Куда топаешь, приятель?

Обернувшись, Сейид увидел спускающегося Али, который собрался идти в медресе. Он остановился и сказал:

— Несчастнее меня нет на свете. Иду к вашему мулле, чтоб его... Я уж думал, что с ним покончено... Но ничего, не пройдет и двух дней, как я его изведу.

С радостным удивлением Али переспросил:

— Нет, правда, пойдешь в медресе?

— Чего ты удивляешься? Может, не нужно?

— Да что ты? Я так рад, что теперь вместе ходить будем!

Обнявшись, держа под мышками по жестяной доске, приятели двинулись вдоль переулка. К доске Али был привязан сверток. Увидев его, Сейид спросил:

— Что это там у тебя?

— Еда.

— Завтрак и обед?

— Ага... А где твоя еда?

— У меня есть целый пиастр. Смотри!

— Вот везет! Что купишь?

— Сейчас у Абу Дума съем тарелку сладкой кукурузной каши.

— Это обойдется в два миллима.

— На три миллима я куплю у дядюшки Салямы поллепешки и горячей мулухии¹¹.

— Ух ты! А что купишь на остальные полпиастра?

— Пообеду у дядюшки Гаррада.

Али замолчал. Лицо его отражало явную зависть. Тяжело вздохнув, он сказал грустно:

— Говорил я ей — дай пиастр вместо всей этой мути... Не согласилась. Сказала — даю тебе все нужное, полезное. Это лучше, чем ты будешь набивать себе живот первой попавшейся дрянью.

— Что же она тебе дала?

— А я знаю? Уж, наверное, куфту, рис и немного мяса. Дома у нас всегда делают

¹¹ Суп из зелени.

мешанину из всего этого.

Слушая Али, Сейид почувствовал, как у него слюни потекли от одного упоминания таких яств, как куфта, мясо, печенка, мозги — от всего того, что его приятель презрительно называет мешаниной. Ему хорошо — у него отец мясник... А вот для Сейида это совсем другое дело. Но он решил не показывать нетерпеливого желания отведать того, что лежало в свертке у Али. Наоборот, Сейид намерился подразнить приятеля тем, что собирался купить. Хотя он хорошо знал, какую еду ему предложит дядюшка Гаррада, тем не менее Сейид решил играть свою роль до конца. Презрительно скривив рот, он говорит:

— Хм, куфта, мясо, рис... Аж тошнит от этого добра! Бог тебе в помощь, приятель. Я и сам чуть не оказался в твоём положении. Бабушка хотела всучить мне нечто подобное. Но куда там, меня на вороных не объедешь!

Али все больше мрачнел. Взглянув уголком глаза на Сейида, он заискивающим голосом предложил:

— Давай объединимся.

Услышав слова приятеля, Сейид возликовал, но сделал вид, что не понимает его намерений.

— Как я могу объединиться с тобой?

— Едой!

— Как?

— Давай вместе истратим твой пиастр и поедем вместе. А потом съедим мое. Как, договорились?

— Ну, нет, дорогой мой, никак не сойдемся. Я терпеть не могу мешанины, которой ты богат.

— Ну ладно, Сейид... Посмотрим... Когда-нибудь и ты у меня попросишь немного из того, чего у тебя не будет.

— Ты что, обиделся?

Почти плачущим голосом Али ответил:

— На что обижаться? Каждый делает так, как ему нравится.

— Ладно, не обижайся, беру тебя к себе в пай.

Али аж засмеялся от восторга. Всю печаль как рукой сняло. Подогревая радость Али, Сейид спросил:

— Что купим на завтрак?

— По тарелке сладкой кукурузной похлебки, а потом увидим.

Наши приятели подошли к началу улицы Агур, остановились перед лавкой дядюшки Дума. Он стоял около двери. Перед ним — большой медный таз, полный кукурузной похлебки, от которой шел пар. Время от времени он ее помешивал. Иногда брал миску, наполнял ее и передавал клиенту. Рядом с медным тазом, стоял противень, полный басбусы¹². Рядом — тарелка с жиром, дальше — другой противень с сирийскими сладостями.

Было уже половина седьмого утра. Около лавки собрался рабочий люд и ребятишки, среди которых вертелись Махмуд, Зейн и Дукдук, застрявшие здесь по пути в медресе. Как только они увидели Сейида в феске и сандалиях, с жестяной доской в руках, их охватила неопишуемая радость. Зейн восторженно крикнул:

— Что такое? Это ты, Сейид? Что тебя сюда привело? Сто приветов тебе, приятель!

Как можно солиднее Сейид ответил на приветствие:

— Здоровы были, мужики!

Ему ответил нестройный хор голосов:

— Ваалейкум салям, благословение и молитва аллаха на тебя!

— Без тебя медресе совсем зачахла, и луковицы теперь не стоит, — вступил в разговор Зейн. — С того дня, как ты ушел, ни разу не удалось посмеяться. Мулла совсем осатанел,

¹² Восточная сладость с орехами.

дерется нещадно.

Не отвечая Зейну, Сейид крикнул Абу Дума:

— Дай-ка две миски кукурузной похлебки!

Тот немедленно наполнил миски и протянул каждому из приятелей. Если Сейиду представлялась возможность изобразить из себя взрослого, он ее не упускал. Громко, мужским голосом он бросил в толпу:

— Обе миски за мой счет!

Лавочник рассмеялся, но, подражая тону Сейида, ответил:

— Слушаюсь, муаллим. Живи и траться!

Али очень хотелось объявить, что он вступил в пай с Сейидом, что он даст ему куфты, но, чтобы не вызвать гнева приятеля, счел за благо промолчать, а то кооперация разрушилась бы. Он готов все стерпеть ради этой сладкой похлебки.

Пока Али и Сейид ели, ребяташки старались дознаться, почему это Сейид, заявивший в свое время, что он никогда не вернется в медресе, ибо отец нуждается в его помощи и скоро, когда займет место в будке распорядителя воды, отдаст ему тележку и все бурдюки, — после всех этих хвастливых заявлений Сейид опять топает в обучение к мулле. Зейн снова спросил:

— Ты нам так и не рассказал — что случилось? Что тебя заставило вернуться в медресе?

— Клянусь аллахом, работа не понравилась.

— Да ну?

— Ни интереса, ни пользы.

— Кто-нибудь обидел?

— Меня обидишь! Просто не смогли с отцом поладить.

— Это почему же?

— Да так, пустяки. У каждого старика свои причуды. Мы не договорились, и я сказал — салам алейкум. А он мне — ваалейкум салам. Словом, аллах милостив.

— Все-таки что-то должно было произойти.

Али аль-Хишт поддержал Зейна:

— Да расскажи ты, Сейид. Разве могут быть секреты между нами, приятелями?

Ребяташки все больше настаивали. Сейид понял — не миновать ему объяснения. С сожалением тряхнув головой, он быстро начал сочинять в голове историю, которая поразила бы приятелей.

— Честно говоря, история и выеденного яйца не стоит.

— Да расскажи, старина, расскажи.

— Сегодня на рассвете мы с отцом встали, взяли тележку и поехали за водой. Я наполнил свой бурдюк и двинулся ко дворцу. Вхожу. Выливаю воду. Выхожу в сад — вижу: фонтан до того полон рыбой, что даже вода бурлит. Я не обращаю внимания, рыбы-то я не люблю. Но все же взглянул, а из фонтана большая рыбина высовывается так, как вроде сейчас Али.

Последний удивленно крикнул:

— А не врешь?

— Чего мне врать?!

— Ну, дальше...

— Остановился это я у барьера фонтана, протянул руку и схватил рыбину за голову... Она забилась, попробовала вырваться. Но от кого? От меня не уйдешь! Вытаскиваю я ее из фонтана, вынимаю затычку из бурдюка и запикиваю рыбину внутрь.

— И влезла?

— Почему нет? Я что — шучу? Значит, засунул я рыбину в бурдюк, поправил фартук и вижу: рыбина высовывает голову наружу и как сумасшедшая бежит. Я за ней. Подбежали к пальме, а она прямо в бурдюке полезла вверх.

— На пальму?

— В бурдюке!! Это-то меня больше всего удивило... Если бы так, безо всего полезла на пальму, я бы не обратил внимания... Никогда не любил рыбы... Но в бурдюке! Что ж, я пошел бы без него? Никак нельзя... — И начал говорить так же рассудительно, как говорит отец: —

Настоящий водонос никогда не бросает бурдюка и не снимает фартука. Вы когда-нибудь видели военного без формы?

— Не-не, — ответили хором ребяташки.

— Вот так и с нами, водоносами. Мы всегда с бурдюками. Ну, рыба лезет на пальму, я за ней.

— А умеешь?

— А то! Будь здоров, как лазаю!

— И поймал?

— Не поймал.

— Почему?

— Только я добрался до первых ветвей, как рыба прыгнула на окно дворца и застряла на подоконнике.

— А ты прыгнул за ней?

— Скажу правду, врать я не люблю, испугался я, уж очень большое расстояние между пальмой и окном. Хотел было рискнуть, но нет — испугался. И что? А как же с бурдюком? Больше всего меня это волновало. Ведь вы знаете: настоящий водонос... — и он повторил старую фразу.

Но мальчишки сгорали от любопытства и требовали продолжения рассказа.

— Ну, а потом? Ты-то что сделал?

— А ничего. Пальма ломилась от изобилия фиников.

— Красных или желтых?

— Красных.

— Спелых?

— Не обратил внимания.

— А дальше?

— Протянул руку и сорвал целую кисть. Размахнулся и бросил финиками в рыбину.

— Попал?

— Не-е, стекло разбил.

— А рыбина?

— Спрыгнула на землю, а я за ней. А она выскочила из бурдюка — и в фонтан. Я бегу, а тут отец с дядюшкой Габалла. Отец подумал, что я или играю, или рву финики. Габалла разохался над разбитым стеклом. А я настолько устал от погони за рыбиной, что и слова не мог произнести. Оставил я им бурдюк и фартук, а сам ушел.

С завтраком к этому времени было покончено, Сейид заплатил четыре миллима, и вся ватага двинулась в медресе. По дороге ребяташки осаждали Сейида вопросами о рыбине, бурдюке, спелых финиках, фонтане. За разговорами они и не заметили, как пришли к ненавистному заведению муллы, называемому школой.

* * * * *

Медресе помещалась в одном из узких переулков, отходивших от улицы Самакин, правильнее сказать в тупике, имевшем форму «П». Медресе имела два названия: одно официальное, написанное на вывеске голубого цвета, прикрепленной к воротам. Второе — более простое и легкое для произношения. К нему давно привыкли. Если кто хочет прочитать название школы, написанное на вывеске, то это практически невозможно, не зная заранее того, что художник наворотил на доске. Буквы налезают одна на другую, огромное количество непонятных и никому не нужных завитушек, точек, запятых и других знаков препинания. Можно подумать, что вывеска написана не для того, чтобы каждый желающий смог прочитать название школы, а лишь для удовлетворения изощренного самолюбия самого писавшего, очевидно считавшего себя большим специалистом по шрифтам. Сам аллах вряд ли разберется во всей этой буквенной мешанине.

Пожалуй, будет лучше помочь тебе, читатель, и сказать название школы. Очень не хочется тебя излишне отвлекать от основного повествования.

Итак, читаем название: Ката... Хунда... Дай бог памяти... Кажется Хаднадах... Старое турецкое имя. Скорее всего, это имя первого владельца школы. Да, вспомнил. Это был турецкий эмир Катхада Хунда Тулумбей... Читатель, ты слышал имя такого эмира? Я — нет. Если хочешь и можешь, то запомни это имя.

Представь себе, читатель, это странное имя, написанное на вывеске почти непонятным почерком, и ты извинишь жителей квартала, которые не в состоянии произнести это тройное имя: Эмир Катхада Хунда Тулумбей. И хоть отруби голову каждому тысячью мечей, но ни один не назовет медресе иначе, как «Школа муллы Куфта».

Так простим же им, ибо слово «куфта» имеет определенный смысл, очень легко произносится. К тому же слово «куфта» куда как вкусней Катхада Хунда. Да и школа практически является как бы собственностью муллы Куфта. Он объединяет в своем лице и попечителя, и учителя, и все остальные должности. А что до эмира Катхада, то какое он имеет отношение к школе, да и жил ли он когда-нибудь, одному аллаху ведомо.

Четыре наших знакомых мальчишки вошли в настежь распахнутые двери школы муллы Куфта. Первый, кого они встретили, был сам мулла. Он стоял у двери своей комнаты, вытирал губы и накручивал усы. На нем была надета джубба¹³, расшитый кафтан, на большой голове — чалма. На обрюзгшем лице его выделялся огромный крючковатый нос.

Со своего места он видел вход в школу, ее двор и комнаты всех классов. Как только мулла Куфта заметил Сейида, лицо его аж позеленело. Он злобно крикнул:

— Это ты, приятель? Что это тебя сюда привело?

— Мужская честь, — спокойно ответил Сейид.

Муллу прямо-таки передернуло. С еще большей злостью он спросил мальчишку:

— А зачем бросал школу?

— А не было настроения сюда ходить, господин мой.

— Это как так — не было настроения? Что ж, по-твоему — в школу ходят только по настроению?

— Я хотел сказать, что немного приболел.

— А отец где? Без него я не возьму тебя обратно.

— Так у него же работа. Не может же он ее бросить!

— Я тебя знаю, бездельника и проказника, поэтому и спрашиваю.

— Аллах тебе судья!

— Помолчи! На сей раз я тебя возьму! А если тебе еще захочется убежать, то без отца и не появляйся!

— Понятно, господин мой, зарубил себе на носу!

— Так-то лучше, заходи.

— Слушаюсь!

Окруженный приятелями, Сейид направился внутрь, бормоча:

— Ладно, проходимец и сын проходимца... Потерплю... Но я тебе устрою веселую жизнь! Ты у меня попрыгаешь!

Муллу услышал бормотание. Он не сомневался — в его адрес сыплются проклятья и ругань. Он крикнул мальчишке:

— Ты чего там бормочешь?

— Молюсь за тебя, господин мой!

Обращаясь к ребятам:

— Я тебе выпрошу у аллаха всего!

— Да разрушит аллах дом его отца, — ответили в тон ему ребяташки.

— Он же неплохой человек! — кто-то выступил в защиту.

¹³ Восточная верхняя одежда с широкими рукавами.

— А, чтоб его!

Четверо ребятишек отошли от муллы Куфта, запрыгали, начали строить рожицы. Мулла не придумал другого выхода, как уйти к себе.

Двор школы имел прямоугольную форму. На одну сторону выходила дверь в коридор, разделявший две комнаты. Слева инспекторская, а справа — универсальная. Там был и школьный склад, и администрация, и молельня. Там же обитали дядюшка Гаррада, шейхи Абдель Расул и Сабит. На противоположной стороне находилась комната «третьего класса», туалет, состоявший из грязных, обшарпанных, со сплошь исписанными стенами, уборной и кубовой, где на деревянных подставках стоял цинковый бак с водой для питья и несколькими жестяными кружками, которые никогда не мылись. Ребятишки вытирали их руками или платками.

С правой стороны двора находилась комната «первого класса», а слева — «второго класса». Посреди двора стояла пальма, плодами которой ребятишки все время старались полакомиться. Но не успевали они бросить камень вверх, как Гаррада хватал виновника за шею и волок к мулле, который устраивал тому добрую выволочку.

Наши приятели пришли в школу ни рано, ни поздно. Во дворе уже было немало ребят, разговаривавших и игравших. Гаррада уже занял свое обычное место под пальмой. Он разворачивал свою походную столовую. Гаррада длинными, тощими руками напоминал саранчу, а зубы у него были как зубья ножовки. На плечах он нес два бидона, привязанных к палке, служившей коромыслом.

Числясь уборщиком школы, Гаррада мыл и подметал помещения, ремонтировал мебель. Помимо этого он закупал еду и сладости, которые продавал детям. Он же наказывал ребят за шалости. Он же мог выполнить и роль учителя, когда по каким-либо причинам не приходил шейх Абдель Расул или Сабит, или оба сразу. Бывал он и инспектором-попечителем школы в отсутствие муллы Куфта.

Приходили все новые ребята, заполняя двор шумом и гамом. Отдав свою доску Али, Сейид развлекал собравшихся тем, что пытался стоять на руках. Он не только преуспел в этом деле, но и смог даже сделать несколько шагов на руках. Феска упала, галлябея закрыла голову. Ребята восторженно захлопали в ладоши. Сейид гордо встал на ноги, нахлобучил феску, взял у Али свою доску и крикнул:

— Вот! Кто еще сможет так?

Одни застыдились, другие попробовали, но потерпели неудачу. Тогда Али взял Сейида за руку, вывел его из толпы ребят и заискивающе сказал:

— Да, ты настоящий молодец, герой!

Не прошли они и несколько шагов, как Али снова заговорил:

— Может быть, ты чего-нибудь купишь для нас обоих?

— Что? Да мы ж только поели!

— Я хотел сказать: купим чего-нибудь у Гаррада. Я вижу, у него есть отличные бананы.

— Нет, старина, я не люблю бананов.

— А что ты скажешь насчет таамии? Понюхай, как пахнет!

Али начал настойчиво обольщать Сейида разговорами о том, как все вкусно, чтобы тот сам понюхал. Сейид рассмеялся:

— Ты, пожалуй, прав. Пойдем купим каждому на два миллима. У тебя хлеб есть?

— Конечно!

— Тогда пошли!

Остановившись перед дядюшкой Гаррада, Сейид опять, как настоящий мужчина, бросил:

— Доброе утро, Гаррада, как дела?

Но тому некогда было болтать с парнишкой. Он грубо спросил:

— Чего хочешь?

— Дай нам на двоих таамии на четыре миллима!

— Продаю только с хлебом. Пол-лепешки с двумя таамиями стоят три миллима.

— Это как так?

— А вот так.

— Но я хочу только таамии!

— Нету. Не хочешь — проваливай, я займусь другими.

Сейида переполняла злорада, на лице Али было написано разочарование. Видя, что Сейид готовится к ругани, Али сказал:

— Будет тебе, покупай.

— У нас же есть хлеб! Купить две таамии за три миллима? Да это же разбой! Ах он собачий сын, ворюга!

— А что делать? Другого-то выхода нет.

Но Сейид оттолкнул руку Али, который сказал с сожалением:

— Были бы у меня деньги... Я бы купил.

Слова Али устыдили Сейида. Он подавил в себе злость и сказал Гаррада:

— Ладно уж, давай две порции.

Тот быстро сделал бутерброды и протянул их ребятам. Сейид полез в карман за деньгами. Но не нашел их.

Полез в другой — опять пусто. Он начал шарить. Нет! Поблуднев, он тихо сказал Али:

— Послушай, никак не могу найти деньги.

— А в лавке ты взял сдачу?

— Конечно, взял.

— Хорошо помнишь?

— Точно!

— Куда же они делись?

Сейид почесал лоб, как бы вспоминая:

— Наверное, выпали, когда я на руках ходил.

Дядюшка Гаррада внимательно наблюдал за мальчиками. Заметив их замешательство, он заорал:

— Деньги давайте!

— Подожди ты, — сказал спокойно Али. — Сейчас найдем. Они, наверное, выпали.

Но Гаррада не стал ждать. Подскочив к ребятам, он вырвал из их рук бутерброды.

— Когда найдете деньги, тогда и покупайте! — крикнул он.

Али взял Сейида за руку и произнес успокаивающим тоном:

— Не расстраивайся, пойдем поищем в том месте, где были.

Они долго ползали по земле, но напрасно. Денег не было. Тогда Сейид угрожающим тоном сказал:

— Ладно, сейчас я ему устрою. Послушай, Али! Встань за пальму. Как только увидишь, что Гаррада покинул свое место, протяни руку и бери все, что тебе понравится. Понял?

— А если кто-нибудь увидит?

— Не бойся, никто тебя не увидит.

— Да, но это же будет кража?

— Кража, кража... Тебе-то что за дело? Бог будет с меня только спрашивать. Этот негодяй вот уже пять лет нас обкрадывает. А если мы сопрем один раз, то я не думаю, чтобы аллах от этого расстроился. Понял? Тебе надо лишь протянуть руку и взять.

Али покружил вокруг пальмы и наконец встал за спиной Гаррада. Сейид направился в большую комнату. Заглянув туда через окно, он увидел шейхов Абдель Расула и Сабита, сидящих на одной из скамеек. Перед ними стояла миска с бобами. Когда один из них потянулся к миске, Сейид что было мочи заорал:

— Пожар!

Оба шейха в испуге вскочили со своих мест и завопили в один голос:

— Пожар!

Крики долетели до муллы Куфта. Тот, еще ничего не видя, тоже закричал:

— Пожар!

Школьники сломя голову бросились к дверям, расталкивая друг друга локтями и ногами. И все горланили:

— Пожар!

Тут и Гаррада не выдержал. Он бросился бежать с намерением выяснить, где же горит?

Таким образом Али остался совершенно один перед великим изобилием всякой еды. Он хотел было взять, что нравится, но, увидев толкущихся и орущих около ворот, сам бросился туда же с криками:

— Пожар! Пожар!

Один Сейид спокойно оставался на месте, спрятавшись за углом. Его удивлению не было предела, когда он увидел в толпе ребят своего приятеля В сердцах он сказал про себя:

— А, чтоб тебя! И ты туда же. Не для тебя ли я придумал весь этот пожар?

Он бросился под пальму, к еде, начал хватать и прятать за пазуху что полегче весом и подороже ценой.

Понемногу шум затих, ибо, несмотря на тщательные поиски, пожар обнаружен не был. Страх прошел. Мулла начал расследование. Он не сомневался, что Гаррада, который стоял в толпе, будет на его стороне. Подозрение тут же пало на шейхов Абдель Расула и Сабита. Напрасно они пытались отместить от себя вину, заявляя, что крики о пожаре они слышали из школы, что они стали жертвой заговора. Но мулла не слушал их, он начал читать нотацию, высмеивая стариков:

— Позор вам... Играете, словно дети... И вообще нужно подумать, что с вами делать. Всего и забот-то у вас поесть да поспать. Лишь в конце месяца являетесь за жалованием.

В это время Сейид и Али уединились в туалете. Сейид выгребал из-за пазухи еду, радостно и насмешливо говорил:

— На, ешь таамию. Она немножко помялась, но ничего; а ваше степенство тоже побежало на пожар!

— Клянусь аллахом, когда я увидел, что вся школа побежала, я решил, что и правда пожар!

— Простительно. Я тоже чуть не забыл про игру и хотел бежать. Но вовремя сказал себе: парень, будь хладнокровным, не суетись... Бери, бери, дорогой... Дай-ка мне бананов, которых ты так хотел... Еще пару маринованных огурцов на обед... Ну как, доволен? Что скажешь?

Не успел Али высказать своего одобрения, как Гаррада зазвонил. Ребятишки начали выстраиваться перед дверьми своих классов, готовясь к началу занятий. У свободной стены собрался весь руководящий состав школы: мулла Куфта, шейхи Абдель Расул и Сабит, Гаррада. У каждого в руках были орудия устрашения ребят: у Куфта хлыст, которым он похлопывал себя по ноге, у обоих шейхов — палки, а Гаррада держал веревку.

Али шептал Сейиду на ухо:

— Таамия очень горячая, жжет. Что делать?

— Терпи и не шевелись, а то накроют.

— До каких пор ждать-то?

Как войдем в класс.

— А дальше?

— Съедем.

— Как?

— Что у нас первое? Коран? Аллах поможет. Как всегда, у шейха Абдель Расула схватит живот, и мы поедем в наше удовольствие.

— А если...

Али не успел закончить. Его оборвал окрик муллы. Перед началом утренней молитвы он всегда устраивал разгон.

— Эй, болтун, заткнись, а то я сломаю хлыст об твою голову!

Это предупреждение было прелюдией к началу разговора:

— Слушайте, собачьи дети! Вот уже тридцать лет я работаю в школе. За все это время

со мной не случилось ничего подобного сегодняшнему. Тридцать лет я не видел такой паники, как сегодня. Из-за чего? Из-за пустяка! Пожар... Пожар! Хотел бы я знать — кто это устроил такую шутку. Я бы содрал с него шкуру вот тут, прямо перед вами... А ну, сознавайтесь! Поначалу я намеревался со всех вас шкуру спустить, но на сей раз не трону, ибо точно знаю, кто заслуживает этой кары. — Он покосился на шейхов Абдель Расула и Сабита. — А теперь — по классам, да тихо у меня! Шагайте!

По одному ребята стали заходить в классы и занимать места на деревянных скамейках. Али сел рядом с Сейидом. Они положили перед собой доски и карандаши, опустошили карманы и приготовились вкусить от яств. Но шейх не дал им такой возможности. Сразу же, войдя в класс, Абдель Расул взял мел и наверху доски написал дату, затем слова: «Милостивый коран». Напрасно наши приятели ждали, что он замолчит. Шейх обратился к ученикам:

— Сегодня мы начнем изучать молитву «Абас».

— Это еще кто такой? — спросил Али Сейида.

— А я, думаешь, знаю? Наверное, очередной враг пророка, вроде Абу Лахеба или Али Джехла. да и название молитвы указывает...

Али это объяснение не удовлетворило. Он поднял вверх большой палец и громко крикнул:

— Господин шейх!

— Чего тебе?

— Это кто же такой Абас?

— Тебе не обязательно знать. Лучше помолчи. И без глупостей... Понял или нет? А то ты заладишь: кто слепой, кто зрячий.

Затем шейх обратился к ученикам:

— Теперь сотрите со своих досок текст прежней молитвы.

Эти слова были приняты как приказ поплевать на доски. Каждый постарался сделать плевок как можно больше и смачнее. Затем ребята взяли по грязной тряпке, которыми обычно вытирали доски, и начали водить их кругами, стирая слова старой молитвы. Подождав, когда ребята управятся, шейх Абдель Расул начал:

— Теперь пусть каждый поставит сегодняшнюю дату и напишет «Милостивый коран». Дальше будете писать текст молитвы. Все... Пишите: «Именем аллаха всемилостивого и милосердного...»

Шейх диктовал молитву. Слова ее он произносил невнятно, как бы жуя их, окончания же произносил нарочито громко, растягивая при этом губы так, как будто играл в немом кино.

Али жарко зашептал Сейиду на ухо:

— Еще много осталось?

— Я знаю ровно столько же, сколько и ты. Вроде подошли к середине молитвы.

— Да, у меня живот жжет.

— Подожди немного.

— Таамия остынет.

— И холодную съедим.

Наконец шейх громко крикнул: «Верьте великому аллаху!». Али радостно зашептал:

— Вот здорово! Во всех молитвах я больше всего люблю эти слова!

Но тут шейх Абдель Расул снова заговорил:

— А теперь, когда мы закончили молитву, начнем ее заучивать. И чтобы мне никто не молчал! Все повторяйте! Начали!

Мальчишки хором, в один голос заорали, повторяя слова: «И спустилась на Абаса слепота... Спустилась на Абаса слепота...» Повторяя слова молитвы, ребяташки раскачивались вперед-назад, словно маятники. Шейх Абдель Расул встал и начал внимательно следить за учениками, отыскивая взглядом лентяев, но за всеобщим гулом таковых не обнаружил. Успокоившись, он взял в руки палку и угрожающе изрек:

— Чтобы никто не понижал голоса! Завтра я заставлю каждого прочитать всю молитву. И горе бездельникам! Душу выну! А сейчас я схожу в уборную. И чтоб оттуда я слышал ваши

голоса!

Шейх вышел. По всей школе раздавался хор, зубрящий слова молитвы. Но стоило Абдель Расулу скрыться из виду, как шум стал затихать. И уже через полминуты мальчишки начали делиться последними новостями, анекдотами. Первое, что сделал Али, крикнул приятелю:

— Начнем, пожалуй?

— Потерпи немножко, а то он может вернуться. «И спустилась на Абаса слепота...»

— Ладно, твоя правда, не бойся.

Удостоверившись, что шейх все-таки ушел, Сейид перестал повторять слова молитвы. Он запустил руку за пазуху, вытащил оттуда снесь и, обращаясь к Али, спросил:

— Хлеб где?

— В свертке.

— Дай кусочек. А может быть, так поедим?

— Времени нет разворачивать. Давай так, без хлеба.

— Согласен, хлеб всегда успеем съесть.

Дукдук, сидевший сзади их, увидел, что они жуют, и крикнул:

— Что ешь, Сейид?

— Таамию.

— Дай кусочек.

— Больше нету.

— Как не стыдно! А не я ли тебе дал вчера картошки?

Сейид крикнул со злостью:

— Разве это была картофелина? А я тебе не давал доброй порции сахарного тростника?

Чуть чего, так вспоминаешь — картофелина... Вот и бери после этого от тебя что-нибудь! На, лови!

Сейид вытащил оставшуюся таамию и метнул ее в сторону Дукдука. Не успел он этого сделать, как в классе возобновился равномерный шум голосов, скандирующих новую молитву. Это вернулся шейх Абдель Расул. Только он переступил порог, как увидел летящую словно снаряд, таамию. Шейх заметил: бобовая котлетка упала на скамейку, где сидел Дукдук, но тот не только не взял ее, а, наоборот, сделал вид, что он ничего не заметил и продолжал бубнить новую молитву, мерно раскачиваясь взад-вперед.

Абдель Расул ударил палкой по ближайшей скамейке. Ребятишки повысили голоса, распевая молитву. Ткнув палкой в Дукдука, шейх крикнул:

— А ну-ка, дай это сюда!

Мальчишка тряхнул головой, сделав вид, что ничего не понимает. Но тот еще громче закричал:

— Поддай сюда эту таамию! Вот эту, которая упала рядом!

Дукдук продолжал изображать недоумение и удивленно осмотрелся. Тем не менее он протянул руку, поднял таамию и отдал ее шейху. Тот снова спросил:

— Это что такое?

— Таамия.

— Откуда она взялась?

— Я не знаю.

— Кто тебе ее бросил?

— Не знаю.

— Но я видел, как она летела к тебе!

— Я тоже видел.

— Так, значит, ты не знаешь, кто бросил?

— Представления не имею!

Обращаясь к остальным ученикам, шейх спросил:

— Кто из вас кинул?

Ответа не последовало.

— И никто не видел?

Ребятишки снова промолчали. Учитель аж задрожал от злости.

— Так, по-вашему, эта таамия с неба свалилась? Я вам покажу. Я быстро найду этого негодника!

Шейх Абдель Расул начал повальный обыск. Подойдя к Сейиду, он остановился, принялся и крикнул:

— А ну, открой рот!

Шейх еще раз принялся и с торжеством приказал:

— Покажи твой ящик!

Стоило ему только бросить туда взгляд, как он схватил Сейида за шиворот.

— Так это ты?! Кроме тебя некому! Уж я-то тебя хорошо знаю! Покажи руки!

Сейиду ничего не оставалось делать, как принять кару. Он распростер руки и, повинувшись приказу учителя, встал на колени лицом к стене. Про себя он лихорадочно придумывал, как избавиться от возмездия. Возможность представилась быстро. Увидев, что шейх приближается к нему спиной, ибо лицо его было обращено к классу, Сейид быстро протянул руку, вытянул из своей фески булавку и воткнул ее в кафтан учителя. Затем он поднял руки вверх, как и было ему сказано.

Не прошло и мгновения... Шейх направился к своему месту, намереваясь хоть немного отдохнуть от волнений. Не успел он плюхнуться на стул, как взвился с воплем: «А-а-а-а!!!»

Только было он решил начать новое расследование, прозвенел звонок и мальчишки ринулись во двор.

Урок шел за уроком. Время приближалось к полдню. Наступило время обеда. Сейид и Али сели рядом, положив между собой сверток с едой. Развязав его, они вытащили куфту, рис, мясо, финики. Оба принялись за еду, договариваясь, как провести вторую половину дня. Мимо них прошел Дукдук, пожелав приятного аппетита. Сейид крикнул:

— Эй, иди сюда, пообедай с нами.

— Не, пойду к Гаррада, куплю что-нибудь на обед.

— Да садись ты, еды хватит на всех, не стесняйся!

— Ладно, пойду куплю и приду к вам.

Вокруг Гаррада толпились ребята. Из двух бидонов, в одном из которых были вареные бобы, а в другом — пареная репа, Гаррада быстро набрасывал еду в миски и раздавал ребятам. Эти бидоны были главной составной частью передвижной столовой Гаррада. Их содержимое — основное меню.

Через некоторое время Дукдук присоединился к приятелям, держа в одной руке миску с бобами, а в другой — с репой. Вдруг Сейид перестал есть.

— Эй, ребята, да я чуть не забыл!

— Что забыл? — спросил Дукдук.

— Сегодня же праздник рождения святого!

— Точно... Надо сходить... Я видел рабочих, устраивавших театр за мечетью. И шатры ставили... Я удивился — с чего бы?

— Надо сказать всем остальным, пойдем вместе.

— Сейчас же скажем Зейну и Абдалле. По дороге домой предупредим Харишу и Заки.

Ребята поели и разошлись по классам. Надо было заканчивать учебный день. После корана шли арифметика и арабский язык.

Уроки, наконец, кончились, и школьники гурьбой двинулись к выходу, расходясь по улицам, переулкам и тупикам. Сейид, Али и вся ватага их соседей направились в Кошачий переулок, прыгая и кувыркаясь на ходу. Вспоминая события сегодняшнего дня, Сейид становился мрачным. Чем больше сокращалось расстояние до дома, тем беспокойнее становилось у него на сердце. Его неотступно преследовала мысль — что сделает отец? В то же время Сейид себя успокаивал, стараясь отдалить момент неприятного объяснения с отцом. Ну что отец может сделать? Самое большое, чем он ему грозил, это вернуть в школу, к мулле Куфта. Так он сам вернулся. Впрочем, возвращение в медресе — не такое уж страшное

наказание. Правда, теперь ему не видать дворцового сада с финиками, бананами и прочими соблазнами. Но что постоянно в этой жизни, какие удовольствия вечны?

И все-таки, ограничится ли отец только этим наказанием? А может быть, отлупит? Если у отца есть такое намерение, то пусть... От отцовских побоев еще никто не умирал.

Но вот и дом. Договорившись встретиться под тутой вечером, ребяташки разбежались. Али бегом затопал по лестнице. Сейид медлил в нерешительности.

Время перевалило за три часа. Умм Амина сидела в своей привычной позе — печальная, с палкой в руках. Непроизвольными движениями она отгоняла палкой назойливых гусей. Заслышав легкие шаги внука, она встрепенулась, оживилась и спросила:

— Это ты, Сейид?

— Я, не волнуйся. Отец пришел?

— Не бойся, — со смехом сказала бабка. — Я его успокоила сразу же, как только он пришел. Он простил тебя... Добрее, чем у него, сердца не бывает... Но ты...

Да умиротворит тебя аллах... Брось ты свое озорство! Я ему ничего не сказала о разорванной галлябее. Сегодня я стирала ее, а она расползлась в руках... И сорванец же ты! Иди ко мне.

Он подошел, она обняла его, обласкала и заботливо спросила:

— Есть хочешь? Сейчас принесу. А может быть, подождешь, когда отец проснется? Он отказался обедать до твоего прихода... Подождем немного и пообедаем вместе. Сейчас отец должен встать.

— Да я не очень голоден.

— Чего наелся?

— Мы с Али поели всякой снеди, которую ему мать дала.

— А что сделал с пиастром?

— На четыре миллима купил кукурузной похлебки.

— А с остальными деньгами?

— Потерял, когда на руках ходил.

— О аллах! И чего это тебе понадобилось ходить вниз головой? Тебе ж бог мозги дал! Как ты ими распоряжаешься, да исправит тебя аллах!

Бабушка еще долго бы причитала, если бы ее не остановил стук в дверь.

Глава 6

Праздник рождения святого

Стучавший оказался Шеххата эфенди. Он стоял перед дверью одетый так же, как и вчера. Не хватало лишь пиджака, но зато под мышкой он держал большой сверток.

Не успел пришедший ответить на традиционный вопрос Умм Амины «кто вы?», как Сейид вырвался из ее объятий и бросился навстречу Шеххате, дружески и искренне его приветствуя. Пожимая ему руку, Сейид приговаривал:

— Добро пожаловать, дядюшка Шеххата, пожалуйста, входи!

Парнишке очень нравился этот добрый занятный дядька.

Но на лице бабушки не было особой доброжелательности. Она была уверена (Шуша вкратце рассказал ей о вчерашнем происшествии), что этот человек — проходимец и что четыре пиастра, которые ему дал ее сын, пропали безвозвратно.

Первое, что сделал Шеххата, это залез в карман своей галлябее и вытащил оттуда маленькую дудку. Протянув ее Сейиду, он сказал:

— Как тебе нравится этот свисток?

— Кому это?

— Тебе. Я специально принес. Хорош?

— Великолепный!

Повертев в руках дудку, Сейид принялся дуть в нее изо всех сил. Шеххата забрал дудку у парнишки и начал в нее тихонечко дуть, передвигая пальцы по дырочкам. Из дудки полилась нежная печальная мелодия.

— Так вот надо играть. Я тебя научу. А где отец?

— Дома. Лег немного вздремнуть. Разбудить его?

— Не беспокой его. Я зайду попозже.

Но тут раздался голос Шуши:

— Кто там, Сейид? — и отец выглянул из двери. Увидев Шеххату, он заговорил:

— Заходи, приятель, не стесняйся!

Пожав руку Шеххате, Шуша повел его в дом. Сейид же пытался играть на подаренной ему дудке.

Обменявшись приветствиями с хозяином дома, Шеххата вынул из кармана несколько монет и протянул их Шуше:

— Вот тебе четыре пиастра.

— Зачем такая спешка? Я же тебе сказал: не торопись. Я сейчас не очень нуждаюсь.

— Дай тебе аллах всего доброго! За всю жизнь ни один долг так меня не угнетал, как этот. Я никогда не забуду твоей доброты. Ты оказал ее совсем незнакомому человеку. Ведь ты же не был уверен — верну я тебе долг или нет. Помог ты мне в трудную минуту... Аллах! Это истинная доброта!

Шуше ничего не оставалось делать, как взять деньги. Шеххата поднялся, чтобы уйти, но Шуша заставил его снова сесть:

— Куда ты?

— Пойду уж, посмотрю, что делать дальше.

— Куда торопиться? Откушай с нами... Мы ведь еще не пообедали. Я немного устал и заснул. Сейид, сынок! — позвал Шуша.

Спрятав свою дудку, парнишка подбежал к отцу.

— Скажи-ка бабушке, пусть приготовит поесть. Да принеси сюда столик, мы с Шеххатой эфенди пообедаем.

Выйдя во двор, Шуша тихо сказал матери:

— Видишь, вчерашний наш приятель пришел вернуть долг. Так-то вот... Пусть с нами пообедает. Хватит ли еды на всех?

— Хватит, хватит, сынок... Порядочный человек. Когда ты мне рассказывал о случившемся вчера, я подумала: проходимец. Зря обидела человека.

— В общем, пошли Сейида, чтоб принес нам немного сыру, фиников и чего-нибудь из еды.

— Успокойся, сынок, еды предостаточно. Благодаря твоей доброте есть у нас и сыр, и финики. Закия сварила нам немного мяса. Я сварила рису. Ты иди, займи гостя. Я пошлю тебе все нужное. Сиди спокойно, а я пойду приготовлю миски.

Шуша и Шеххата вошли в комнату, чинно сели на постель, оба молчаливые, степенные.

Шеххата занялся было чтением выдержек из корана, которые висели в рамках над дверью, но постепенно беседа наладилась.

Мужчины говорили о паломнице Замзам, водоносах, о Сейиде, о том, что он натворил утром. Но тут вошел Сейид и сказал, что обед готов. Оба уселись около столика, на котором стояли две тарелки мяса со всякими специями и приправами, тарелка с рисом, два пучка редиски, кусок сыру, тарелка со спелыми финиками. Примостившись между взрослыми, мальчишка заговорил, обращаясь к отцу:

— Видишь, какую дудку подарил мне дядюшка Шеххата?

Осмотрев дудку, Шуша сказал:

— Хороший инструмент. И не жалко тебе, Шеххата, отдавать его этому сорванцу? Он же обязательно сломает.

— Дудка у меня давно... Это мой самый добрый друг, Когда меня что-нибудь

расстраивает, я всегда играю... Становится легче. Но теперь я обрел друга дороже, поэтому могу подарить дудку Сейиду. Не верил я в доброту людей, но теперь изменил мнение о них... Словом, я научу его играть на этой дудке, — сказал со смехом Шеххата. — Думаю, когда мне захочется поиграть немного, мне не откажут. Как думаешь, Сейид?

— Уж, конечно, не откажу!

Все трое принялись за еду. Умм Амина осталась во дворе. Она тоже обедала. Обед ее состоял из половины лепешки с кусочком сыру. Но и этого ей было достаточно. Старушка благодарила аллаха за то, что он послал им такого доброго гостя.

Хозяева и гость закончили трапезу. Сейид принес таз и кувшин. Все помыли руки. Мужчины пошли молиться. Парнишка воспользовался этим, схватил мешочек с беле, вышел во двор и крикнул:

— Бабушка, я пойду играть.

— Смотри не болтайся допоздна.

— Не, задержусь, ведь сегодня праздник дня рождения святого Хавваса.

— Так когда же ты собираешься вернуться?

— Сам не знаю. Пойду вместе с ребятами. И вернусь с ними.

— Подожди, скажу отцу.

— Только не сейчас. Когда уйду, тогда скажешь.

— Не опаздывай на ужин. Как услышишь — зовут к ужину, бери ноги в руки.

— Ладно.

Засунув два пальца в рот, Сейид пронзительно свистнул, вызывая Али. Тот не заставил себя ждать, тут же оказался рядом с приятелем. Оба направились в конец переулка, к постоянному месту детских игр.

* * * * *

Оставим ребятшек с их привычными играми и занятиями, а сами вернемся к Шуше и Шеххате эфенди. К пяти часам они завершили молитву. Шуша обрядился в выходной наряд, а Шеххата стал прощаться:

— Пойду я. Да воздаст тебе бог за твои добродетели!

— Опять ты за старое! Куда идешь-то?

— Как тебе сказать, попытаю счастья в кофейне.

— Вот и хорошо, пойдем в нашу кофейню, выкуришь кальян. А в нарды умеешь играть?

— Еще как!

— Так пошли. Выкурим по кальяну и пару партий в нарды сыграем. Потом двинем на праздник. Вечер проведем у шейха Абида. Очень хороший человек. Мы уж привыкли, что на праздник рождения святого он устраивает хорошее угощение для таких, как мы... Пойдем, немножко поедим, поболтаем.

Шеххата вспомнил, что те четыре пиастра, которые он отдал Шуше, были остатками его разрушенного мира. Вспомнил он и то, что прошлую ночь провел на улице, под открытым небом. Чтобы погасить свой долг, он продал почти все содержимое комнаты, где обитал, и свой пиджак. После таких жертв у него остались сущие пустяки, завернутые в старую газету, которую он держал под мышкой. В силу всех этих причин Шеххата не хотел сопровождать Шушу в кофейню. Ни к чему ему снова влезать в долг. Один аллах знает, когда он сможет его вернуть. Поэтому Шеххата счел самым верным отказаться.

— Ты уж извини меня сегодня, приятель.

— Что случилось? Не ты ли сам говорил, что тебе нечего делать сегодня? Будет тебе, пойдем, посидим в кофейне.

— Куда сверток-то дену? Можно у тебя оставить? Потом зайду за ним на обратном пути.

— Ну, конечно. Дай-ка я положу его сюда, на сундук.

Оставив сверток со всем своим оставшимся богатством, Шеххата вместе с Шушей

направился к кофейне на улице аль-Баггалья.

Солнце клонилось к закату. Жара спадала. Хозяин кофейни Эмара поднял тент, начал поливать тротуар перед своим заведением да между столами, стоявшими прямо на тротуаре. Время от времени он приветствовал проходящих и уходящих клиентов.

Шуша и Шеххата сели друг против друга. Эмара обнажил золотой зуб и, хлопнув в ладоши, громко крикнул:

— Тысячу приветов! Ты облагодетельствовал мою кофейню, муаллим Шуша! Приветствую нашего нового гостя!

— Твой покорный слуга Шеххата.

— Безответный слуга Эмара.

— Да живут в веках имена наших предков!

— Да будет так! Чем могу служить вашим превосходительствам?

Шуша поспешил с ответом:

— Два кальяна с табаком «химми» и нарды.

Эмара даже не пошевелился, чтобы выполнить заказ. Он просто поднялся на цыпочки, повернул голову в сторону своего заведения, прищурил один глаз и громко, как будто призывал с минарета правоверных к молитве, заорал:

— Два кальяна «химми»!

Затем он быстро побежал внутрь и принес нарды. Снова побежал, неся в руках кальяны, которые уже были зажжены.

Завсегдатаи кофейни приходили один за другим. Мастарейн, Али аль-Хама, Махмуд аль-Хишт, Заки Зейн, другие приятели и соседи Шуши. Они обменивались приветствиями, рукопожатиями, занимали свои постоянные места, завязывали беседы, играли в нарды и домино, Муаллим Гавда, стоя за медным прилавком, готовил кальяны, кофе, чай — словом, все, что заказывали клиенты. Внутри кофейня была крошечной. Там помещались, кроме прилавка, деревянная скамейка да маленький металлический столик. Снаружи, растянувшись вдоль тротуара и залезая на улицу, кофейня увеличивалась не менее, чем в пять раз.

Шеххата и Шуша начали игру.

Нужно сказать, что игроки по своему характеру резко отличались друг от друга. Шуша в основном молчал. Язык же Шеххаты не останавливался ни на секунду. Постепенно скованность Шеххаты, вызванная новым местом и незнакомыми людьми, улетучилась. Как он любил говорить, игра разгоралась.

— О пророк, помоги бросить «пять и шесть»!

Но кости показали «четыре-четыре».

— Тоже неплохо. Опять же воля аллаха.

Шуша разговора не поддерживал, но это нисколько не смущало Шеххату.

— А я Шеххата, аллах свидетель! Меня во всех четырнадцати провинциях знают, а как же? О черт! Опять «четыре-четыре»! Ну ничего, авось исправится... Во-во! Теперь «шесть-шесть». Ах ты леший! Такое выпадает только мужчинам! Играй ты... Снова ты... Но я тебя далеко не упусти! А вот так! Нравится? Пророк Мухаммед со мной! Я сыграю сейчас так, как не играл ни святой Антар Ибн Шаддад, ни святой Аз-Зубейр Ибн аль-Авам... Видал как?.. Давай, сын Шахтута! Аллах покровительствует твоим рукам! А то как же?! Ведь я родился с этими костями в руках!.. Позор мне! Разве так играют? Но все от аллаха. Не всякий, кто садится на коня, всадник! И не всякий, кто держит в руках кости, игрок! Опять «четыре-один»! Образумьтесь же, кости! Тьфу на вас!.. Э-э, чтоб вас!.. Вот не везет!.. О святая Зейнаб, помоги!.. Разве это игра? Ладно, оставим святую Зейнаб, может, она не умела играть в нарды. О господин наш, святой Хусейн. Помоги выбросить «шесть-шесть»! Вот те на, опять не так. И это называется игрой? Опять впустую. Аллах да покарает эти непослушные кости! «Пять-пять» пропали зря...

Шуша выиграл партию, и Шеххата разразился шумными причитаниями. Шуша был рад, хоть и не показывал виду... Больше всего он радовался, когда выигрывал в нарды. Но он всегда скрывал свои чувства, будь они радостные или печальные.

От Шеххаты же не укрылась радость партнера. И он был доволен тем, что смог доставить хоть маленькую радость такому хорошему человеку.

Нарды были расставлены снова. Шеххата приготовился бросить кости, но вдруг удивленно раскрыл рот, выронил кости, вытаращил глаза и повернул голову в ту сторону, где находился объект его потрясения. Шуша поразился растерянности своего приятеля и с недоумением спросил его:

— Что случилось? Что с тобой?

Шеххата сделал глубокий вдох, как будто собирался нырнуть в воду, хлопнул в ладоши и вскричал:

— О сила аллаха!

— Да что случилось? Где?

— Твоя воля, о пророк!

— Да растолкуй ты мне, в чем дело?

Шуша повернулся в ту сторону, куда таращил глаза Шеххата, и не смог удержать смеха.

— Что такое, приятель?

— Кто она?

— Азиза Нофал.

— Азиза чья?

— Нофал.

— О брат, скажи Азиза сливочная, Азиза розовая, Азиза мед! А то заладил — Нофал, Нофал!

Шеххата не сводил глаз с полного тела женщины, закутанного в черную накидку, из-под которой виднелась красная блузка. Красивые белые руки были обнажены. Лицо у женщины было белое, круглое, губы — пыльные, алые. Темные глаза призывно блестели. Особенно соблазнительной женщина казалась со спины.

Шеххата, как пьяный, тряс головой и как можно громче продолжал воспевать красоты этой женщины.

— Ах, какая красавица! Какая нежная и сладкая, словно лебедица белая!

Завсегдатаи кофейни дружно смеялись. Шуша не выносил таких сцен. Хоть в глубине души Шуша и не мог осуждать Шеххату или злиться на него, все же лицо его недовольно нахмурилось. Он решил урезонить приятеля, заставить его прекратить слишком громко восторгаться женщиной, проходившей мимо кофейни. По правде говоря, Шуше больше всего хотелось убедить сидящих в кофейне, что он не разделяет заигрывания Шеххаты и не собирается ему потворствовать в этом не совсем приличном занятии.

Шеххата, заметив хмурый вид приятеля, понял, что явилось причиной его стыда. Проводив краем глаза уходящую красавицу, он сказал просительным тоном:

— Ты уж прости меня, брат, не обижайся. Язык у меня блудливый... всю жизнь со мной так... Уж очень я люблю телеса... Никак не могу от этого избавиться. Говорят, что с возрастом умнеют, а у меня наоборот. Чем дальше, тем больше я начинаю любить женщин. По скудости ума, наверное. А может быть, по слабости сердца. Сам не знаю. Если бы я вот так целый день сидел в кофейне и смотрел на женщин, то это занятие мне никогда бы не надоело. Они на меня действуют так же опьяняюще, как вино или гашиш. Очень мне нравятся женщины. Они дурманят меня. Особенно такие, как та, что прошла мимо. Они меня с ума сводят. Голову я теряю, когда их вижу... Прости, брат, не обижайся на меня... Сплоховал я... Надо было бы мне держать себя в руках перед незнакомыми людьми. Тем более, что я знаю тебя как разумного человека, сдержанного... Ты ведь терпеть не можешь пустой болтовни и кривляния... Тебе повезло с твоей выдержкой. Прав был пророк, когда сказал: «Блажен тот, кто имеет разум».

Шеххата осмотрелся, желая выяснить, наблюдают ли за ним до сих пор. Но увидел, что все сидящие вернулись к своим прежним занятиям. Кто играл в нарды или домино — возобновили игру. Кто беседовал — продолжали беседовать. Только один посетитель продолжал испытующе его рассматривать. Он был смугл, с резкими чертами лица, с

закрученными усами. На вид мужчина был крепким, сильным. На нем была надета голубая шерстяная галлябея, из-под которой виднелся полосатый жилет. Сидел он, заложив ногу за ногу, демонстрируя желтые ботинки с каблуками из пластика и шелковые цветные носки, приобретенные в хорошем магазине. И, чтобы окончательно добить своим видом сидевших напротив посетителей, он завернул рукав галлябеи, показав трикотажную майку английского производства. Это был крайне важный человек.

Сверлящий взгляд этого человека заставил Шеххату сжаться, отвести от него глаза. Он подумал, что между этим богачом и прошедшей женщиной должна быть какая-то связь. А он-то, непутевый, разыгрывал комедию! Шеххата представил: вот сейчас этот важный мужчина встанет, схватит его за шкуру и как следует отлупит, преподав тем самым добрый урок достойного обращения с женщинами.

Шеххата не ждал ничего хорошего. Стараясь отвлечься, он начал разговор с Шушей, продолжая игру в нарды. Перекатывая в руке нарды, он забалагурил:

— На сей раз тебе не удастся обыграть меня вчистую. Первую партию я играл небрежно, чтобы завлечь тебя. А теперь...

Продолжая сыпать прибаутками, он бросил вороватый взгляд в сторону щеголя. Тот не отводил от Шеххаты мрачного взгляда. Нашему балагуру стало совсем не по себе. Потряхивая кости, он грустно забормотал про себя: «Клянусь аллахом, пришел твой конец, собачий сын. Добьет тебя вон тот сытый малый. С тебя достаточно будет одной его доброй оплеухи. По всему видно, что он саидиец¹⁴ и арабского не знает. А честь для них — ох, как много значит! Кто его знает — может быть, эта красотка его жена? А может быть, сестра, родственница или подруга? Надо было бы придержать язык, а ты разболтался! Да, по этому случаю стоит усердно помолиться».

Снова взглянув на усача, Шеххата обнаружил: тот и не думал бросать наблюдение за ним. Как и раньше, он покручивал ус.

Шеххата понял: надо бежать, другого выхода нет!

И тут Шуша произнес спасительные слова:

— На сегодня хватит. Пойдем на празднества! Уже ночь.

Шеххата с восторгом подхватил:

— Мудрые слова молвишь. Пойдем.

Шуша заплатил по счету, и оба пошли к выходу. Помимо своей воли Шеххата повернулся, чтобы бросить последний взгляд на своего преследователя. Перестал ли он мрачно наблюдать за ним или нет? Но пристальный, мрачный взгляд продолжал преследовать Шеххату. Наш приятель заторопился, взял Шушу за руку.

— Послушай, муаллим!

— Что, Шеххата эфенди?

— Кто это такой, который сидел справа от тебя, у двери?

— Который?

— Да тот, усатый, в голубой галлябее.

— Ты имеешь в виду Шарафа?

— А его зовут Шараф?

— Ага... Ты имеешь в виду того, разодетого?

— Его, его самого. Он кто такой?

— Шараф эд-Дин... Шараф эд-Дин Даббах¹⁵.

— Горе мне! Палач! Палач!.. О спаситель!

Эти причитания Шеххата выкрикивал на ходу, торопясь унести ноги от возможного возмездия. Комизм ситуации заставил Шушу рассмеяться.

¹⁴ Житель верхнего Египта.

¹⁵ Это прозвище означает "палач", "мясник", "живодер".

— Успокойся, брат, нечего бояться. Этот палач еще ни разу не только никого не казнил, но и не обидел.

— Это как же мне не бояться? Всего час назад я расписывал своим языком его дорогую так, что все со смеху покатывались. И все это время он сверлил меня злыми глазами. Можно подумать, что я отца его убил. А когда я спросил тебя, как его зовут, ты сказал — Шараф Даббах. А сейчас ты убеждаешь меня, что нечего бояться этого палача. Если бы я мог! О боже, пронеси!

Шуша еще громче рассмеялся. Удивленный Шеххата спросил:

— Ты что? Между ними что-нибудь есть? Они знают друг друга? А может, она его родственница?

— Больше.

— Даже! А ты говоришь — не бойся! После всего того, что я наговорил своим поганым языком... Значит, он ее муж?

— Больше.

— Что значит больше? Отец? Мать?

— Что-то в этом роде.

— Никак не возьму в толк, что ты подразумеваешь.

— Ее покровитель-повелитель, Шеххата эфенди.

— Это еще что за звание?

— А вот такое. Разве ты не знаешь — когда у парня умирает отец, а он ходит в школу, его спрашивают: кто твой покровитель? Если хочешь — опекун. Вот и он такой. Другими словами — отвечает за нее полностью. По-арабски это значит — обеспечивает ее работой. И не ее одну, а целую дюжину ей подобных.

Шеххата застыл на месте от удивления, уставился на Шушу и оторопело спросил:

— Шараф эд-Дин... Палач... Дает работу Азизе Нофал? Ну и мужик! Ах, усач! Так вот он чем занимается! Дела-а... Даже трудно себе представить такое.

— Что же здесь невозможного?

— Да-а, доблесть из него так и прет. Без этого таким делом не занимаются. Одним своим взглядом он заставил меня дрожать от страха. Я думал — задержимся еще немного, так он встанет и размозжит мне голову.

— Если бы мы еще немного посидели, то он бы подошел к тебе, поприветствовал и сказал: к твоим услугам. Товар у нас первый сорт. Даже лучше той, что проходила.

— А разве бывает лучше той? — прервал его Шеххата.

Шуша продолжал комментировать случившееся:

— Твой внешний вид не вызвал у него интереса. Чего ему было вставать, утруждать себя без всякой пользы! Вот поэтому он на тебя так смотрел.

Шеххата был ошеломлен всем происшедшим. Но постепенно страх покинул его душу. На смену ему пришли облегчение и блаженство. Опасность миновала.

«Так, значит, Азиза Нофал проститутка, а Шараф эд-Дин Даббах сутенер, мягче выражаясь, работодатель. Опасности ждать нечего... Проблема, оказывается, гораздо проще, чем я думал. Значит, Азиза Нофал не такая уж несбыточная мечта, журавль в небе. Желание вполне исполнимое. Синица может оказаться у него в руках. И нечего бояться этого алчущего чудовища — Шараф эд-Дин Даббаха. Как выяснилось, он всего лишь палач чести женщин и своей. Хм, есть над чем поразмыслить».

Но тут неожиданно лицо Шеххаты стало задумчивым, печальным. Конечно, обстригать это дельце не так уж сложно, но и не легко — ведь нужны деньги. На доброту этого сводника надеяться нечего. Наверняка деньги берет вперед. А у него, Шеххаты, ни миллима за душой. И спать ему негде. Все его достояние — он сам да еще сверток с некоторым барахлом, который он оставил в доме Шуши. Все он продал ради уплаты долга своему доброму приятелю. Впервые он так переживал из-за этого долга. Все прежние долги он считал недостойным для себя возвращать. Разве то были долги? Этот же долг он постарался выплатить немедленно, хотя кредитор его и не очень торопил, даже не надеялся на возврат денег. Именно это

всколыхнуло Шеххату, заставило проснуться его совесть.

Но теперь, когда Азиза Нофал засияла в его воображении как лучезарная перспектива, он задумал осуществить неосуществимое.

Шеххата потер руки и вполголоса сказал:

— Постараемся найти замену.

— Замену чему? — спросил его Шуша.

— Да ничему. Слава аллаху, что все завершилось мирно.

Во всяком случае, мечта осуществимая. На этом Шеххата успокоился. К нему вернулось прежнее веселье и словоохотливость. Наши приятели уже подходили к месту празднеств.

Со всех сторон раздавались звуки бубнов, тамтамов, дудок, свистков. Веселье охватило весь квартал. Всюду висели флаги, различные украшения. Чем ближе к гробнице святого, тем толпа становилась плотнее, но спокойнее. Шуша и Шеххата из-за толчеи вынуждены были идти по тротуару. Процессии шли одна за другой. Над головами развевались флаги, транспаранты, на которых были написаны изречения из корана. Под сенью знамен и транспарантов рабы божьи веселились как могли: пели, плясали, танцевали. Можно было подумать, что путь к аллаху лежал через это столпотворение. Пройдя еще некоторое расстояние, наши путники вынуждены были остановиться надолго. Причиной тому послужило не божье слово, а зов желудков.

Торговец мануфактурой Аммара устроил ежегодную раздачу пакетов с зелеными бобами и лепешек. Около прилавка была устроена форменная свалка. Каждый стремился опередить других и получить как можно больше кулков и лепешек. Один из толпившихся кричал:

— Держи, я уже достал пять пакетов. В этом деле нужны крепкие мускулы. Прожди здесь хоть целую жизнь — ничего не достанешь. Иди напролом, как остальные!

Шуша и Шеххата начали пробиваться через плотную толпу жаждущих добыть дармовые бобы и лепешки. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как путь им преградила другая процессия, символом которой была шейха Зубейда.

В небольшой будке, завешенной куском грязной зеленой материи, стоял человек. Рядом с ним — металлический столик, на нем рисунок женской головы. Вверху рисунка надпись: «Шейха Зубейда — чудо человечества». Человек кричал во всю глотку:

— Идите все сюда!.. Посмотрите на эту удивительную женщину... Всего за полпиастра... Шейха Зубейда... Голова, не имеющая тела, говорит сама по себе... Задаром!..

По соседству стояли еще двое. Один гремел в бубен, другой играл на дудке.

Приятели прошли мимо балагана, повернули направо, пересекли широкую площадку, на которой были устроены качели и карусели, скрипевшие и визжавшие на разные голоса. Через несколько минут ходьбы Шуша и Шеххата пришли к лабазу шейха Абида Аттара. Лабаз располагался рядом с гробницей святого, то есть в самом центре людского содома, устроенного по случаю праздника.

Шейх Абид украсил вход в свой лабаз зеленью, флагами и разного рода лентами. В укромном уголке он постелил на землю несколько циновок, готовясь к церемонии поминания святого.

Шуша и Шеххата приветствовали сидящих за столиками и на циновках, затем направились к входу в гробницу. Через узкий проход они подошли к месту омовения. Бассейн был очень маленьким. Сидевшие на краю его люди пригоршнями брали воду и совершали обряд омовения. Оба наши знакомца последовали примеру других, сотворили вечернюю молитву и вернулись в заведение шейха Абида, чтобы вкусить от его праздничного угощения.

Шеххата сел на циновку рядом с Шушей. Он стал осматриваться по сторонам, намереваясь обнаружить что-нибудь существенное. Но не увидел ничего, что было бы полезным для него: ни еды, ни женщин, ни нардов, словом, ничего такого, что ублажило бы его душу и тело... Терпение, терпение... Авось господь бог и пошлет добра.

Шейх начал чтение корана. Тут же появилась стайка мальчишек, среди которых был Сейид. Увидев отца, он направился к нему и зашептал на ухо:

— Мне нужно полпиастра.

— Зачем?

— Развлечься на празднике.

— Что с деньгами-то сделаешь?

— Посмотрю на шейху Зубейду, схожу в театр теней. Куплю немного поесть. Разве на все это не нужно денег? Иначе не будет никакого удовольствия от праздника.

Отец полез за кошельком, вытащил пиастр и отдал сыну. Тот немедленно побежал к остальным ребятам.

— Пойдемте в театр теней!

Заплатив каждый по миллиму, ребята вошли внутрь палатки и расселись по скамейкам.

Палатка видала виды: старая, изодранная. Она была разделена на две половины занавеской из дешевой ткани — одна была зрительным залом, другая — сценой или чем-то в этом роде. Обе половины освещались керосиновой лампой. Ребятишки представления не имели о том, что скрывается за занавеской. Их фантазия рисовала мир чудес, полный движения, жизни и секретов. Если бы они заглянули за занавеску, то их постигло бы полное разочарование. Никаких чудес или волшебства там не было.

За занавеской было лишь одно живое существо — пожилой человек, заставлявший двигаться немые куклы, сделанные из плотной бумаги. Он один был повелителем всего этого волшебного мира, единственной его движущей силой. Это божество было одето в майку. Когда пришли ребятишки, он доделывал несколько новых марионеток. Заметив зрителей, волшебник ударил деревянной стучушкой по сундуку, что означало начало спектакля. По этому сигналу в палатку вошел мужчина, стоявший у двери и собиравший деньги, и потушил лампу. Занавес осветился лампой, находившейся сзади. Не дождавшись начала спектакля, Сейид крикнул:

— Покажите нам сказку о том, как мальчик Сейид отлупил шейха Абдель Расула!

Все спектакли начинались с подобных пожеланий, ибо зрители считали, что божество, спрятавшееся за занавесом, может делать и изображать все, что угодно.

На занавесе появился шейх Абдель Расул. Божество же сидело на земле, спрятавшись за деревянную перегородку так, чтобы не была видна его собственная тень и чтобы создать у зрителей впечатление, будто бы герои двигаются сами, без посторонней помощи. Надев на пальцы свои бумажные куклы, волшебник двигал ими так, чтобы тени отражались на занавеске. Зрители видели движущиеся фигуры героев так же, как на белом экране кино. Только фигуры не были объемными.

Божество за занавесом заговорило грубым злым голосом:

— Я шейх Абдель Расул... Я злой... Бью без раздумья.

Взяв в другую руку изображение мальчика, божество запищало:

— А я водонос Сейид... Я вспыльчивый... На удар ответу не меньшим ударом...

Ребятишки захохотали, захлопали в ладоши, закричали, воодушевляя мальчика:

— Bravo, Сейид!.. Дай ему!.. В глаз бей!..

* * * * *

А теперь оставим ребятишек, восторженно следивших за развитием сражения на занавеске, и опять вернемся к Шуше и Шеххате. Чтение корана близилось к концу. Шеххата прощался со сладкими мечтами об Азизе Нофал. Наклонясь к Шуше, он шепотом спросил:

— А потом что?

— Вечерняя молитва.

Шеххата тяжело вздохнул и подумал про себя: «Молитвы, чтение корана, поминание... Нет... О аллах! Я больше не могу всего этого выносить».

Но делать было нечего, и Шеххата поплелся вместе со всеми в мечеть. Завершив моление, они вернулись на прежнее место. И тут Шеххата был приятно удивлен. Он увидел большой котел с похлебкой, в которой плавали большие куски вареного мяса. Котел стоял в

центре людского круга, как будто он вырос из земли или свалился с неба.

У Шеххаты даже слюнки потекли. Он представил себе, как вонзает зубы в мясо, как запивает его похлебкой. Но нужно было ждать договоренности между хозяином и гостями. Хозяин приглашает раз — гости отказываются, он приглашает другой раз — гости снова отказываются. Словом, приглашения и отказы звучат до тех пор, пока все решают: приличия соблюдены и пора начинать есть.

Наконец для дядюшки Шеххаты кончились тяжелые времена, и он ожесточенно набросился на мясо и на похлебку. Ни на кого не обращая внимания, он уплетал за обе щеки.

Трапеза закончилась. Миски были убраны, и все начали готовиться к ритуалу поминания. Присутствующие образовали круг, почитаемый всеми шейх начал выкрикивать фразы, а остальные за ним повторять. Шеххата еще не успел настроить свой мозг, внять словам шейха, как все хором запели: «О милосердный, о милосердный!» Можно было подумать, что все повторяли слова новой песни, Шеххата подхватил вместе со всеми: «О милосердный!»

Когда же стало пересыхать горло от непрерывного крика, Шеххата вдруг задумался: и чего это ему вдруг понадобилось воспевать существование бога вместе со всеми этими лицемерами? Что хотят получить эти люди взамен своих песнопений? Если все знают, что бог есть, то чего же об этом кричать так громко?

По лицу Шеххаты лился пот. Он возопил к аллаху, чтобы тот лишил жизни этих сумасшедших, заставил их наконец замолчать. Взглянув на шейха, который бросал в толпу священные призывы, Шеххата тряхнул головой и забурчал про себя:

«О шейх Абид! О нехороший человек! Хватит же, все уже тебе поверили, что бог есть! Ведь ты уже убил все удовольствие от съеденного! Правду говорят про таких, как ты: одной рукой дает, а другой отнимает! Все мясо и похlebка, которыми я набил свой живот, уже растворились под испепеляющим воздействием твоих поминаний. Как будто и ничего не ел! Если бы можно было поесть вдоволь и не заниматься этими никому не нужными поминаниями!»

— Бог есть! Бог есть!

«Ей-ей, не может быть бога! Если бы он существовал, то он давно бы уже прекратил весь этот шум, заткнул бы глотки орущей ораве! Ему самому было бы от этого легче!»

— Бог есть! Бог есть!

Но наконец шум и гам песнопения стали стихать. Вот они и совсем прекратились. Все присутствующие пали ниц. Шеххата зашептал на ухо Шуше:

— Никак конец?

— Угадал, но еще нужно помолиться.

— Во имя твоего отца — хватит!.. Конечно, можно и помолиться, но я так устал от крика этих людей! Пожалуй, хватит и того, что мы совершили. Умоляю памятью твоего отца — пошли, а то, не дай бог, все начнется сначала! Хватит с нас, приятель, пошли!

Шуша поднялся, и оба пошли сквозь все более редящую толпу. Дойдя до конца улицы Агур, Шеххата остановился и, протягивая руку Шуше, сказал:

— Спокойной ночи, муаллим! Тысячу тебе спасибо за этот очень приятный вечер!

— Куда идешь-то?

— Да уж пойду.

— Ты где живешь?

Помолчав немного, собравшись с духом, Шеххата ответил, грустно ухмыльнувшись:

— Жил я на улице аль-Халиг.

— А теперь где?

— А теперь нигде не живу. Теперь вот так как есть. Словом, негде голову преклонить. Обитаю на своих двоих.

— Тебе что, негде переночевать?

— Был у меня угол, но я его оставил.

— Это почему?

— Клянусь аллахом, не устраивало меня это жилье! Не очень удобным было, а я из тех,

кто любит удобства. Вот я и решил — поживу на свободе.

— Поговорим серьезно, что случилось?

— А я и говорю серьезно. Была у меня комната, но я оставил ее сегодня. Уж давно я был там на птичьих правах. Много месяцев не платил. Сколько должен — и сам не знаю. Но меня это никогда раньше не волновало. Мне и в голову не приходило задумываться над этими мелочами... Но вот ты одолжил мне четыре пиастра... Почувствовал я — этот долг должен быть оплачен... Все мои прежние долги — так, пустяки... А твой... Все мои прежние кредиторы были слишком настойчивы в требованиях об уплате... Вот именно поэтому я игнорировал эти долги, старался забыть о них... Я выработал в себе отличную сопротивляемость таким кредиторам... Так же, как босая нога привыкает к булыжнику, колючкам, битому стеклу... Каждый день одно и то же... Излишняя требовательность разжигает дух противоречия... Если ты видишь, что тебе не хотят простить, то ты чувствуешь — у того нет сердца, нет снисхождения... На этой мысли я всегда успокаивался. Но тут появился ты со своей добротой, заплатил за меня четыре пиастра, совсем меня не зная, не ожидая от меня возврата... Да хранит тебя аллах! Ты виной всему тому, что со мной произошло... Ты показал мне, что в мире есть еще человечность, доброта, самопожертвование. Я поверил, что сын Адама может сделать добро, не ожидая ничего в ответ. Ты заставил меня поверить в то, что в мире еще есть добрые сердца, широкие натуры. Если бы не ты, то не миновать бы мне печального конца от рук Замзам. Хранит тебя аллах!

Шуша почувствовал, что на глазах у него появились слезы. Очень уж растрогал его рассказ приятеля. Но Шуша по своему обычаю подавил в себе это проявление человеческой слабости. Постояв немного в тени, он вытер слезы и с деланным смехом сказал Шеххате:

— Не расстраивайся, дело поправимое. У меня есть совсем пустая камора. Никто там не спит. Поживи у меня, а дальше — что бог даст.

— Нет, приятель, хватит с меня твоей доброты. Ведь она и без этого неоплатная. Ты и так пробудил во мне такие чувства, о которых я раньше и не подозревал. Никогда еще раньше во мне не просыпалось чувство благодарности... Хватит, приятель, хранит тебя аллах!

— Что за чепуху ты городишь? О какой доброте толкуешь? Комната совсем пустая. Вместо того, чтобы валяться на улице, спи в ней, чего там.

— Не-е, уж лучше на улице.

— Ты что — ненормальный?

— Не-не-не, я и так тебя весь день мучаю. Не хватает еще того, чтобы я спал с тобой под одной крышей! Ты, кажется, за меня переживаешь?

— Брось болтать лишнее. Клянусь аллахом, комната пустая. Кроме сундука и старых бурдюков, там нет ни щепки.

— Не-не, до свидания!

— Ну ладно, сдаю тебе эту комнату.

— Да у меня и гроша нет за душой!

— Э-э, мелочи, завтра бог пошлет. Вот и будет чем заплатить. Пошли, браток, давай без церемоний! Уморился я с тобой.

Шеххата заколебался. Но Шуша крепко схватил его за руку, не давая ускользнуть. И оба пошли домой. Время уже приближалось к полночи. Все лавки и кофейни на улице Агур были закрыты, шум повсюду стихал. Затем воцарилась такая тишина, что прохожему чудилось: он слышит дыхание людей, спящих в домах.

Дойдя до Кошачьего переулка, наши приятели попали в кромешную темноту. Шуша уверенно шел впереди, показывая дорогу. Шеххата следовал за ним не отступая.

Наконец оба вошли во двор. Дверь в жилье Шуши была открыта, Умм Амина сидела на земле по-турецки. Она являла собой само терпение, умиротворенность и смирение. Услышав шаги, старушка подняла голову и спросила:

— Кто там?

— Это я, Шуша.

Но Умм Амина слышала и чужие шаги, поэтому решила уточнить:

— Кто это с тобой?
— Шеххата эфенди. Он переночует у нас. Уж очень поздно.
Старушка тяжело поднялась и направилась к комнате, где обычно развлекался Сейид. Прикрыв наполовину дверь, она сказала:
— Пойду приготовлю вам поужинать.
— Аллах да увеличит твои блага! Мы уже поели на празднике рождения святого.
— Ну, на здоровье!
Шеххата терзался, что доставил неудобства этой доброй женщине. Поэтому он шепнул приятелю:
— Говорил я тебе — не нужно. Лучше бы я ушел.
— Входи, молодец, комната пустая!
Пробравшись сквозь завалы старых бурдюков, Шеххата начал устраиваться на сундуке. Совсем скоро весь дом погрузился в глубокий сон.

Глава 7 Кофейня для благородных

Рано утром Шеххата проснулся. Солнечный свет едва озарял комнату. Он огляделся, чтобы вспомнить, где находится. Наконец сон совсем оставил Шеххату. Тут он вспомнил, как его затащил Шуша переночевать здесь. Спрыгнув с сундука, он снова начал рассматривать комнату. Стены ее облупились, единственное маленькое окно с железной решеткой находилось почти под самым потолком. На решетке висели некоторые вещи Умм Амины. Все убранство комнаты состояло из старого сундука, на котором Шеххата проспал ночь, свернувшись калачиком, да груды остатков старых бурдюков, валявшихся там и сям. По углам комнаты были разбросаны немудрящие игрушки Сейида — тряпичные мячи, какие-то железки и т. п. Был тут и сверток, принадлежавший новому обитателю комнаты.

Шеххата прислушался. Ему почудился голос то ли Шуши, то ли Сейида. Однако, кроме гоготания гусей, расслышать ему ничего не удалось. И тут Шеххату одолел стыд. Что делать? Лучше всего тихо исчезнуть, чтобы не потревожить обитателей дома. Он направился к двери, стараясь не шуметь. Но тут как назло закрипели половицы. Шеххата затаил дыхание. Сонное царство не было потревожено. Он пробормотал:

— О аллах, храни меня!

Просунув голову в приоткрытую дверь, Шеххата осмотрел прихожую. Чудеса! Ни одного живого существа. Вот те на, проспал. Шуша ушел на работу, Сейид — в школу. Они не как он, им долго спать нельзя. Да, а где Умм Амина? Он подошел к выходной двери, осмотрелся. Тут он услышал женский голос:

— Доброе утро, Шеххата эфенди!

Умм Амина на ошупь подметала двор. Услышав шаги Шеххаты, она его приветствовала. Тот с уважением ответил:

— Утро доброе, тетушка!

— И тебе всего самого доброго! Бог тебе в помощь!

— Воздай тебе аллах за доброту!

— Если хочешь умыться, то таз с кувшином стоят на кухне. Сейчас я тебе приготовлю завтрак.

— Не утруждай себя зря, тетушка, обойдусь и так.

— Разве это труд? Еды хватает, слава аллаху!

— Не надо, прошу тебя. Я не привык так рано завтракать.

— Вот и не дело уходить с пустым желудком!

Шеххата уж не мог больше выносить всего этого.

Он схватил свой сверток и побежал от такого необычного для него гостеприимства. Скорее отсюда, а то он не выдержит и согласится еще отведать от щедрот этого дома!

Время перевалило за полдень. Часа в три вернулся Шуша. Он был первым. В одной руке он держал сверток и пакет, в другой — пучок редиски. Поздоровавшись с матерью, он спросил:

— Сейид еще не приходил?

— Пока нет.

— А Шеххата?

— Тоже не вернулся.

— Он когда ушел?

— Довольно поздно. Я приглашала его позавтракать, он отказался. Сказал — не привык так рано.

— Я тут принес два фунта вареной рыбы и немного фиников. Пойду помолюсь, а потом вздремну немного. Когда все соберутся, пообедаем вместе.

Войдя в дом, Шуша положил на столик все свои покупки, сотворил молитву и прилег. Весь двор снова погрузился в молчание. И вдруг раздался задорный свист, топот ног по двору, затем вопль:

— Умм Амина! Ты где? Слышишь?

Сейид забросил свою ученическую доску, сделанную из металлического бидона, скинул с себя школьную одежду. Вырвавшись затем из объятий бабушки, он спросил:

— Где дудка?

— Какая дудка?

— А которую мне подарил дядюшка Шеххата.

— И не видела совсем! Уж наверное она там, где ты ее бросил.

— Нужна она мне очень! Сегодня мы играем в полицейских и воров. Свисток этот мне просто необходим. Ты когда-нибудь играла в полицейских и воров?

— А ты объясни, в чем заключается игра. Я тоже буду полицейским?

— Ладно, быть тебе воров. В доме есть какая-нибудь еда? Проголодался я.

— Отец принес вареной рыбы и фиников.

— Чего же мы ждем? Давай есть!

— Подождем, когда придет Шеххата эфенди.

— Он куда ушел?

— Вышел утром, не позавтракав. До сих пор не вернулся.

Сейид заторопился внутрь дома. Его ноздри уловили соблазнительные запахи рыбы. Он протянул было руку к свертку, на бумаге которого выступили масляные пятна, но тут услышал голос отца:

— Ты, Сейид?

— Ага, отец.

— Подожди, пока придет Шеххата.

— Ладно. Я хотел просто посмотреть — что там в бумаге.

— Рыба.

— Ух ты! А я так люблю рыбу!

— Сейчас все вместе пообедаем.

Сейид пошел в пустую комнату, открыл сундук, вытащил оттуда мешочек с беле, пересчитал их, поправил тряпичный мячик, нашел волчок, крутнул его изо всех сил и снова пошел в комнату к отцу.

— Может быть, поедим, папа? А то в желудке урчит от голода.

Время приближалось к четырем. В кишках Шуши урчало не меньше, чем у Сейида. Он начал размышлять:

— В чем дело? Он что — не собирается возвращаться?

— По всему видно, что так, — сказал в подтверждение Сейид. — Он и сверток свой забрал.

— Ты откуда знаешь?

— В комнате его нет.

— Пожалуй, он не придет. Бедняга, да поможет ему аллах. Хороший человек, но несчастный. Пойдем есть.

Сейид побежал звать бабушку. Она раскрыла сверток. Все трое сели вокруг столика и принялись степенно жевать. Они уже кончили обедать, когда услышали шаги во дворе. Умм Амина обрадовалась:

— Наверняка Шеххата эфенди!

У нее была поразительная способность узнавать людей по звуку их шагов. Шаги приближались. Скоро в дверь просунулась голова Шеххаты. Увидев уставившиеся на него три пары глаз, он вскрикнул:

— О всевышний!

Шуша позвал:

— Проходи, пожалуйста!

Шеххата вошел. О чудо! Разве это тот самый Шеххата? Аллах свидетель, это же бек Шеххата, паша Шеххата и не меньше! И это Шеххата, тот самый жалкий, оборванный бродяга, у которого ничего нет, кроме одной-единственной галлябеи? Ну, может ли быть Шеххатой человек, который одет в черный костюм? В таком наряде появляются только богатые люди, да и то по особо торжественным случаям! Видали ли вы когда-нибудь бродягу, одетого в полный костюм с жилетом, в рубашке с галстуком? Не иначе: на него свалилось богатство. И по этому случаю он так разрядился. В руках его громоздились свертки, кульки, пакеты.

Шеххата начал освобождать руки от кульков, складывая их на столик. Оставшийся в руках сверток он метнул на землю. Все вздохнули и рассыпались в приветствиях.

Всем троим (в том числе слепой старушке, чувствовавшей по шороху кульков, что в них яств изобилие) стоило больших усилий подавить в себе удивление. Они хором загалдели:

— Добро пожаловать! Располагайся как дома!

— Где был-то, парень? Зачем ушел? До четырех ждали тебя обедать. Узнав, что ты забрал свой сверток, мы решили, что ты уже не вернешься.

— Ты ли это говоришь, Шуша? — сказал Шеххата со смехом. — Я и вправду не собирался сюда возвращаться. Привык быть свободным, независимым. Как всемогущий султан. Ем, сплю. Но бог нам покровительствует... Он не забывает своих рабов. «И посылает нам оттуда, откуда мы не ждем». — Пожав плечами, Шеххата молящим тоном произнес: — Твое покровительство, о боже! Ничего другого мне не надо.

Шуша рассмеялся и откомментировал слова приятеля:

— И все это ты называешь лишь покровительством божьим? Да он тебя просто осыпал своими щедротами! Их трудно даже перечесать! Продал пиджак — купил полный костюм и еще какой! Такие только паши носят.

— Я купил костюм? — переспросил удивленно Шеххата. — Где ты его видишь?

— Так на тебе же одет!

— Бог с тобой! Это же рабочий костюм. Он был в свертке, который я оставлял у тебя дома. Я снял галлябею, завернул в ту же бумагу, что была оберткой для этого костюма.

— Вот это — рабочий костюм?! Ты, должно быть, занимаешь крупную должность. Может, ты министр? Я всегда считал, что рабочая одежда — старая, потрепанная, изорванная. Иначе нельзя работать. Никогда еще не видел ни одного человека, работающего в галлябее из дорогой материи или в шерстяном костюме.

Шеххата продолжал стоять. Прервав Шушу, Умм Амина сказала:

— Садись, в ногах правды нет. Поешь с нами, отдохни...

Гость поддернул брюки, откинул полы пиджака и плюхнулся на подушку рядом со столиком. Сейид начал внимательно рассматривать своего благодетеля. Сначала он показался мальчишке просто роскошным, одетым с иголки. Но чем внимательнее он присматривался к тому вблизи, тем больше мерк блеск костюма. Да, он был черный, но не настолько, насколько бывает черной хорошая материя. Цвет был скорее черно-зеленым и каким-то тусклым — костюм побывал в окраске. Время оставило на нем весьма заметный след. Локти и колени

блестели, как начищенные. Воротника у пиджака вовсе не было. Его заменяла черная тряпочка, пришитая не слишком аккуратно. Накладки на коленях оказались двойными, на старые были нашиты новые, чтобы скрыть ветхость брюк, усилить их сопротивляемость разрушительному времени. Так же, как костюм был не очень черным, так и рубашка не отличалась особой белизной. От частых стирок она стала кремовой. Воротник ее был засален от пота, следы которого бессильно вывести даже самая умелая прачка. Из-под воротника рубашки торчал черный, много повидавший на своем веку галстук «бабочка», до предела стянувший шею Шеххаты. Да и рубашка оказалась вовсе не рубашкой, а просто манишкой и манжетами, выглядывавшими из-под рукавов пиджака.

Все это Сейид рассмотрел очень внимательно, и впечатление роскошности туалета Шеххаты улетучилось. И остальные детали одеяния гостя были такого же качества, как и костюм. Старая, потрепанная феска, сбитые растоптанные ботинки без шнурков, драные зеленого цвета шерстяные носки.

Между тем Шеххата начал разворачивать кульки. Там оказались куфта, печенка, финики, сыр, сладости. Он потчевал хозяев:

— Ешьте, ешьте, что бог нам послал от щедрот своих!

— Немного опередили мы тебя, приятель, — ответил за всех Шуша. — Только что отобедали. Рыбкой побаловались... Не дождался тебя... Проголодались очень...

— Так не пойдет! Хоть немного отведайте. Облегчите меня.

Сейид вперился в куфту. Испугавшись, что отец и впрямь откажется, парнишка встрял в разговор, чтобы спасти положение и отведать вкусного мяса:

— Не расстраивайся, Шеххата эфенди, я поем с тобой... Только лишь для того, чтобы облегчить тебе участь...

Никаких возражений больше не последовало. Гость и мальчишка начали старательно опустошать содержимое кульков. Умм Амина встала и вышла во двор занять свое привычное место. Шуша возобновил разговор с Шеххатой:

— Ты так и не сказал — что же у тебя за работа, на которую ходят не в галлябее, а в таком хорошем костюме? Растолкуй.

Не переставая жевать куфту, Шеххата пробурчал:

— Доставщик я...

— Впервые слышу о такой должности. Что это такое?

— Людей я доставляю.

— Так, значит, ты носильщик.

— Э-э, муаллим Шуша, наговоришь тоже. Я и себя-то еле ношу. Хожу я без всякой ноши, легко, чинно и благообразно.

— Никак не пойму — кого ты доставляешь, куда?

— А тех, кто отшагался, к его последнему пристанищу. Я доставщик лишь в одном направлении. Кто со мной идет, обратно не возвращается вовек. Возвращаюсь я всегда в одиночестве.

Шеххата скрипуче засмеялся. Шуша не поддержал его, лицо хозяина дома стало сумрачным, печальным. Он тихо произнес:

— Могильщик ты, значит, гробовщик.

Шеххата не к месту захихикал, заговорил легко и просто:

— Если бы... Это народ все серьезный, солидный. Могильщик... Нам далеко до них... Мы всего лишь доставщики... А они живут в большом достатке...

— Так в чем же заключается твоя обязанность?

— Что-то вроде мальчика при могильщиках или церемониймейстера на похоронах.

— Церемониймейстера на похоронах?

— Ну да, иду впереди похоронной процессии, важный, напыщенный. Иду до самых ворот вознесения. Словом, отдаю последние почести сыну Адама.

— Так ты сопровождаешь усопших на кладбище?

— Именно это и делаю. Нас называют эфенди — благородными, знатными. А всей

знатности в нас только что костюм. Один из нас надевает парадный костюм, который берет на прокат, повязывает красную салфетку поперек живота, берет в руки или медную жаровню, или пустую бутылку и прославляет достоинства покойного до тех пор, пока того не опустят в могилу. Короче говоря, мы — как мальчики в церкви, с той лишь разницей, что они воспевают бессмертных, а мы покойников. Мне думается, что лучше петь за упокой души и тела.

Шуша не разделял веселого настроения своего приятеля. Казалось, он был подавлен охватившей его грустью.

Сейид тоже перестал жевать мясо. На лице мальчишки появился страх. Он начал бояться человека, который постоянно общается с мертвыми. Его даже замутило от всех этих рассказов, тем более, что Шеххата их выкладывал с такой легкостью, как будто речь шла об игре в беле.

Шуша тряхнул головой, тяжело вздохнул, стараясь отогнать от себя мрачные мысли. Шеххата доедал последний кусок. Вскоре все трое поднялись. Гость забрал сверток и пошел в комнату, где провел прошлую ночь, приговаривая:

— Бог осчастливил сегодняшней мой день. Прав был сказавший: «У кого есть фантазия, тому бог посылает два чуда за ночь». А еще более был прав тот, который сказал: «Шеххата, когда проснешься, будет у тебя двое похорон за день». О щедрость аллаха!.. Теперь я смогу сидеть рядом с вами со спокойным сердцем, платить за постой... С вашего позволения пойду переоденусь.

Оставив Шеххату, Шуша вернулся к себе. Он долго тряс головой, стараясь освободить свой мозг от мрачных раздумий. До того, как он почувствовал привкус смерти, похорон и могил, он был всегда рад приятелю, заботился о нем. А теперь Шуша испытывает почти ужас от общения с этим человеком. Самое неприятное заключается в том, что этот погребальщик намерен поселиться в пустой комнате надолго, хоть раньше и отказывался. И Шуша никак не может запретить ему этого.

Мужчины скоро переоделись и собрались уходить. На пороге Шеххата произнес:

— Сегодня я тебя угощаю. Пойдем, я покажу тебе нашу кофейню. Ее называют «Для благородных».

Водонос энергично покачал головой.

— К чему сегодня-то? Я пойду в нашу кофейню. У меня есть там дело, которое обязательно нужно устроить сегодня.

— Эка сложность! Управишься с делами, и вместе пойдем.

— Не беспокойся зря, приятель. Не сегодня...

— Никак невозможно. Я же тебя приглашаю! Не дело говоришь.

Эти слова были единственным средством, способным сломить упорство Шуши. Он никогда не мог отказать человеку составить компанию. Таких людей он и сам не уважал.

— Ну, если так, пошли!

— Так-то оно правильнее... Ты получишь удовольствие от нашей кофейни и не малое.

Шуша был твердо уверен в совершенно обратном. И какое можно получить удовольствие от разговоров с могильщиками? Но что делать — надо было идти и терпеть весь вечер общество своего приятеля.

По дороге они лишь изредка перекидывались словами. Шуша был настолько мрачен и подавлен, будто сам шел на похороны.

Наконец они пришли в кофейню, располагавшуюся на углу улицы аль-Халиг аль-Масрий. Она приткнулась к полуразвалившемуся дому. Кофейню ничто не отличало от других, ей подобных. Разве что лавка, отделявшаяся от кофейни лишь дверью, ведущей внутрь дома. Над входом в лавку была прибита вывеска: «Паломник Сурур Абуль Фарах. Генеральный подрядчик по организации похорон. Готов обеспечить всем необходимым для похорон — от поминальщиц и гробов до музыки и прочего». Кроме этой лавки, в кофейне не было ничего, что напоминало бы о смерти, или, точнее говоря, такого, что говорило бы о том, что посетители — это те самые «благородные» поминальщики, которые в любой момент могут отправиться на очередные похороны.

Деревянные двери кофейни вели внутрь тесной комнаты, где находились обычные для

подобных заведений атрибуты: кофейные чашки, кофейники, кальяны. В дальнем углу комнаты была еще одна дверь, маленькая, запертая на железный засов. Столики и табуретки стояли и внутри комнаты, и снаружи, прямо на тротуаре. Около входа стояла бочка с илом, в которой росли вьюны.

Войдя в кофейню, Шуша нисколько удивился. Он представлял ее себе как мрачное место сборища молчаливых суровых людей, где витают души умерших, стоят гробы, на стенах картины с кладбищенскими пейзажами. Здесь должна бы царить тягостная тишина, не нарушаемая криками посетителей и официантов. Но заведение было забито самыми обыкновенными людьми, которые шумели, смеялись. На лицах сидевших посетителей невозможно было заметить и тени грусти или озабоченности. Отовсюду слышался стук игральные костей, отрывки рассказываемых анекдотов, беззлобные ругательства.

Место было очень веселым и шумным. Единственное, что отличало его от других кофеен, так это внешний вид клиентуры. Очень они смахивали друг на друга, и все были копиями Шеххаты: худые, старые, одеты в дешевые полосатые галляеби, в изношенные ботинки без шнурков, в фески с потрепанными краями. Все они были лысыми, с морщинистыми потными лицами, с редкой растительностью на подбородках.

Осмотрев заведение, Шеххата спросил:

— Где сядем?

— А вон в том углу, рядом с зеленью.

— Быть по-твоему.

Они сели за круглый столик, стоявший у самого прохода. Шеххата с подчеркнутой почтительностью и заботливостью осведомился:

— Что выпьешь?

— Все равно что... Пожалуй, кофе.

— И только? Кофе само собой разумеется.

Хлопнув в ладоши, он привычно, как у себя дома, крикнул:

— Мухаммед! Два кофе, не очень сладких, кальяны с самым хорошим табаком. Да, еще нарды!

Изнутри помещения громко, на всю улицу, раздалось в ответ: «Слушаюсь!» Шуша удивленно поднял брови, покачал головой:

— Чудеса!

— Тебя что удивляет?

— Я думал, что буду сидеть как на похоронах.

— Аллах с тобой! С чего ты взял?

— Ну как же, наверное, здесь сидят те, кто или собирается на похороны, или оттуда возвратился.

— На похороны, с похорон? А что в этом печального? Что тут особенного? Дело привычное. Ты, наверное, и понятия не имеешь.

— О чем?

— О нашем занятии. Ты знаешь поговорку: «Кому печаль, а кому выгода»? Специально для нас сказано. Для людей похороны — печаль, а для нас — выгода.

— Бог ты мой, что ты говоришь!

— При чем здесь бог? Если бы не сегодняшние похороны, то думаешь, я поел бы куфты, вкуса которой не знал целый год? А то пришлось бы тебе снова меня выручать из лап Замзам. Не от хорошей жизни я туда зашел. Мало умирали.

— Но ведь это смерть... А знаешь, что такое смерть?

— Знаю, дорогой мой Шуша, очень хорошо знаю. Я же с этим работаю. Иду куда? На кладбище. Откуда иду? С кладбища. И после всего этого ты спрашиваешь — знаю ли я, что такое смерть? Я тебе расскажу, что это такое. Вразумлю тебя насчет того, какова цена сына Адама. Чтобы ты больше не был таким удрученным... Чтоб смотрел на меня как на существо разумное.

Тут подскочил официант с нардами, положил их на середину столика и приветствовал

новых клиентов. Убежал и снова вернулся, неся чашки с кофе.

Шеххата сделал глоток из своей чашки, затем уселся поудобнее, как человек, готовящийся к длинной беседе. Его лицо утратило шутливое выражение, и он принялся растолковывать Шуше — что такое смерть.

— Лицо земли постоянно меняется. А населяют землю всякие живые существа. На жизнь им отпущено определенное количество времени, имеющее свои начало и конец. Период существования начинается с момента рождения и кончается со смертью. На протяжении своего существования Адамов сын проходит этапы возмужания, старости и угасания. Он всего лишь один из земных обитателей. Время его пребывания на земле строго ограничено. Закончится период роста и придет старость, увядание. Потом исчезает обитатель с лица земли, появляется новый, чтобы занять место умершего. Естественный процесс обновления лица земного. И спорить здесь не о чем, факт. Поэтому человек должен уходить из жизни так же спокойно и тихо, как, например, спокойно разваливается этот стул, рвется галлябея. Их сменяют новые творения. Человек на земле не вечен.

Но человека от других обитателей лица земного отличает чванство, самолюбие. Поэтому он оскорбляется сравнением с другими земными обитателями. Человек никак не может смириться с тем, что и он смертен. Он страшно расстраивается из-за того, что и ему в определенное время придется уходить из жизни, но как бы человек ни сопротивлялся, он не может избежать смерти. Тогда, сознавая неотвратимость неизбежного, люди начинают убеждать себя в том, что, когда исчезает тело, остается нечто вечное. А что именно? Это вечное люди называют душой. Поэтому они пренебрегают телом и занимаются улаживанием и возвеличиванием того, что якобы остается после них.

А что толку в душе, лишенной тела? Само существо человеческое, его чувства, желания, переживания, надежды — все это исходит от тела. И напрасно люди пытаются отделить душу от тела, сделать ее независимой. Так же, как тело не может существовать без души, так и душа не может существовать без тела.

Что такое человек? Это душа в теле. Как может творение божье представлять собой душу без осязаемых, осязаемых признаков, отличительных особенностей, без желаний, мечтаний, надежд? Что пользы в вечной душе, если она не больше, чем горсть воздуха — ни формы, ни вкуса, ни цвета, ни запаха, ни, ни, ничего? Есть ли в душе сила, если она не направляет движения тела, не помогает ему выполнять жизненные функции? Разве стоит чего-нибудь сама по себе движущая сила, если нет объекта, который она должна приводить в движение?

Что стоит душа после смерти тела или после исчезновения с лица земли живого существа? Но человека заедает гордыня, он эгоистичен, ему противно сравнение с собакой или иным существом, обитающим на земле. Поэтому человек не хочет смириться со смертью как со своим неизбежным концом, окружает смерть ореолом мистики. Человек не хочет приучать себя к мысли о том, что он обязательно должен умереть...

Шеххата допил свой кофе. Официант принес кальяны. Оба наших приятеля начали с наслаждением затягиваться душистым табаком. Через некоторое время Шеххата возобновил свою речь:

— Возьмем в качестве примера нас с тобой. Разговоры о смерти тебя удручают, вызывают в тебе чувство отвращения. Я заметил, что ты хотел убежать от меня, как от исчадия ада или призрака. Ты не хочешь приучать себя к мысли о неизбежности смерти. Отношение ко всему происходящему на земле является делом привычки. Несколько лет назад, когда я еще не занимался нынешней работой, я был такой же, как и ты. Когда я слышал причитания по мертвому, у меня волосы вставали дыбом, я затыкал уши. Когда я видел похоронную процессию, то стремглав убежал от нее и читал молитву. Я не мог видеть могилы, к покойнику и на сто шагов не приближался. А что случилось со мной впоследствии? Когда я попал на первые похороны, то шел с опущенной головой, лицо мое было сама печаль и тоска. Пришли мы на кладбище. Покойника стали опускать в могилу. Со всех сторон раздавались плач и стенания. Я настолько оказался под впечатлением происходящего, что тоже заплакал, как будто умер близкий мне человек.

Коллеги по профессии засмеяли меня. Они говорили, что мне нужно получать двойную ставку и ходить в хвосте процессии. Но на вторых похоронах я уже был менее впечатлительным, а на следующих воспринимал происходящее вокруг меня как само собой разумеющееся, совершенно обыденное.

Я начал ходить на похороны, как на прогулку. Вопли и причитания родственников и близких стали для меня настолько привычными, что я воспринимал их как гудки паровоза или призывы муэдзина к молитве.

И начал я презирать смерть, и больше всего — самого человека. Человек беспредельно лицемерное существо и, что самое удивительное, — высокомерное. Высокомерие затмевает глаза человеку, заставляет забыть, что перед смертью все равны.

Расскажу тебе один случай. Иду это я как-то по одной широкой улице, а середина ее пустая. Народ толпится на тротуарах. По обеим сторонам улицы выстроились солдаты. Я спрашиваю — в чем дело. Мне говорят: важная персона должна проследовать. Вот и разогнали народ, чтобы не мешал следованию кортежа, не осквернял его высокого достоинства и великолепия. И вот появляется процессия. Красивые откормленные лошади, вооруженные солдаты, охрана в расшитых мундирах, богато разукрашенная карета. Проехал важный человек. За ним тянулся ослепительный шлейф великолепия и величия. Смотрел я на все это роскошество широко раскрытыми глазами. Мне почудилось, будто персона эта с неба свалилась и никак не может быть хоть в чем-то похожей на нас, смертных. Как же — белозубое лицо, расшитый золотом костюм. Его окружают блестящие всадники в плюмажах и с саблями. Я почувствовал свое ничтожество, проникся к себе крайним презрением.

Прошло всего несколько месяцев. И что же? Вдруг я слышу: тот великий человек умер. Умер. Правда, похороны были очень пышные. Процессия ничем не уступала той, которую я видел, когда он был жив. Гроб сопровождали отряды всадников и солдат, одетых в красивые траурные мундиры. Оркестр играл печальные мелодии. Гроб, обернутый в зеленое знамя, стоял на лафете пушки, которую тянули черные лошади. Впереди на специальных подушках несли ордена и медали. Далее следовали плакальщицы, за ними официальные лица в трауре, в конце процессии — бесчисленные делегации.

Я был поражен этой процессией. И тут же подумал: ему-то все это уже зачем? Он ведь уже умер. Разве не все равно мертвому, как его хоронят?

Нет на свете более лицемерных и беспечных существ, чем люди. Ведь самая большая беспечность, проявляемая ими, — это забывать о своем конце! Ведь знает, что умрет, но не верит в кончину свою!

Вот что такое смерть, приятель мой. Естественный конец для всех, даже самых необычных живых тварей.

Шеххата закончил свое повествование. Тут же с лица его слетело выражение сосредоточенности и житейской мудрости. Засмеявшись, он воскликнул:

— Что ты скажешь об этой лекции?

Шуша тяжело вздохнул и ничего не ответил.

— Я так и думал. Без толку я все тебе излагал. Без всякой пользы... Самому тебе нужно видеть и привыкать. На твоём месте и я бы не поверил ни одному слову, которое я тебе сказал, если бы мне кто другой излагал те же прописные истины... В общем, все, что я хочу от тебя, — это чтобы ты не тяготился моим обществом. Я полюбил тебя и хотел бы, чтобы мы оставались всегда приятелями. Если же ты не можешь или не хочешь, то не мучь себя, не принуждай... Все эти похороны, рассказы о смерти, как видно, не для тебя... Я не хочу тебя стеснять, тем более угнетать тебя. Сегодня же я пойду к тебе и заберу свое барахло.

— Эх, Шеххата эфенди, я же тебя тоже полюбил. Давно уже у меня не было приятеля, с которым я мог бы скоротать время за беседой, отдохнуть душой. Сын Адама без друзей и горькой луковицы не стоит! Больше всего в жизни человек нуждается в друзьях. Я чувствую, что ты мне настоящий друг. Мой дом — твой дом, моя семья — твоя семья. Оставайся у нас.

Шеххата с большим чувством стал благодарить приятеля.

Но вот они встали и направились домой. По дороге Шеххата зашел в лавку, купил

земляных орехов и арбузных семечек.

— Может быть, купить что-нибудь на ужин?

— Нет надобности. Дома все есть: сыр, финики, немного сладостей. Пожалуй, хватит этого.

— Тогда куплю чего-нибудь Сейиду.

— Хватит с него орехов и семечек.

Подойдя к дому, они услышали вопли Сейида. Это Умм Амина мыла ему голову, а он отчаянно протестовал против мыла. Остановившись в прихожей, Шеххата удивленно заговорил:

— Что это с тобой, Сейид?

— Голову с мылом моют.

— И из-за этого нужно так орать?

— А ты сам попробуй, тогда увидишь, что значит мыть голову с мылом. А я послушаю — будешь ты кричать или нет!

Завершив свою ежедневную процедуру с внуком, старушка пошла к себе молиться. Сейид отправился к Шеххате.

— Ты всегда будешь жить у нас?

— Даст бог! Если я вас не стесню.

— Да что ты! Мы так будем рады, если ты останешься у нас насовсем!

— Вот спасибо, Сейид, уважил меня!

— А теперь слушай, ты мне должен кое в чем помочь.

— Выкладывай!

— Первым делом — научи меня играть на дудке. А то целый день дую в нее и ничего у меня не получается.

— И только-то?

— Нет, есть еще. Хочу, чтобы ты мне каждый день читал молитву.

— Какую?

— А которую нам задали в школе. Ты разве не знаешь коран?

— Не очень.

— Почему? Ты что, когда был маленьким, не ходил в школу?

— Ходил.

— И не помнишь коран?

— Помнил, да забыл.

— Ничего, молитва у меня написана. Тебе только нужно читать ее вслух, а я буду напоминать.

— Ну, это дело простое. Еще что?

— Самолеты делать умеешь?

— Бумажные, что ли?

— Не военные же!

— Когда-то делал. Но думаю, что еще не забыл, попробую.

— Сделай мне.

— У тебя есть камышина и бумага?

— Камышина есть, а бумагу сам достань.

— Ладно. Есть еще пожелания?

— Тряпичные мячи делать умеешь?

— Будет сделано.

— А в орлянку играешь?

— Еще как! И монетой могу, и камнем. Как-нибудь покажу.

— Вот это да-а! Да здравствует Шеххата эфенди! — заорал в восторге Сейид.

Умм Амина помолилась и позвала Сейида:

— Пойди на кухню, внучек, и принеси еду. Накрой на стол. Отец и Шеххата, наверное, проголодались.

— А ты разве не будешь с нами ужинать?

— Я уже поела.

Трапеза длилась недолго. Шуша ушел к себе, сел, как всегда, к окну, печально разглядывая ночные звезды. Шеххата взял дудку.

— Может, начнем учиться?

— Давай.

— Сейчас я сыграю тебе самую простую мелодию, а потом и тебя научу.

Как только Сейид услышал начало, он закричал:

— Знаю эту песню, знаю! «Возьми грудь и замолчи, возьми грудь и спи»!

— Она самая.

Шеххата продолжал играть, а парнишка ему подпевал: «Возьми грудь и замолчи, возьми грудь и спи! Твоя мать благородная госпожа, а отец — султан».

Сыграв отрывок, учитель начал объяснения:

— Дай-ка сюда правую руку! Большим пальцем возьми дудку снизу, а остальными закрой дырки в конце. Вот так... Дай левую руку... Большой палец закрывает отверстие внизу, следующими тремя закрой отверстия, которые ближе ко рту. Теперь начинай дуть... Убери первый палец, второй. Опусти их и подними третий и четвертый... Так, правильно... Второй... Дуй... Убери первый, второй...

Урок продолжался до тех пор, пока мальчишка не научился правильно играть первую часть мелодии.

— На сегодня хватит, — говорит учитель. — Через неделю повторим... Я из тебя сделаю лучшего дудочника в Египте. А теперь давай свою доску с молитвами, читать тебе буду.

Сейид быстро принес свои писания.

— Ох, и нудная эта молитва!

— Что ж у тебя такой ужасный почерк? Как курица лапой...

— Это мой почерк плохой?

— Ни одной буквы прочесть невозможно.

— Ты просто читать не умеешь! Забыл, как и коран.

— Это ты, парень, брось!

— Тогда почему же ты не умеешь читать то, что я написал? У меня лучший почерк во всей школе!

— Ладно, не шуми. Начнем?

Сейид сел на пол по-турецки, принял соответствующую позу, как его учили в школе, и, раскачиваясь взад-вперед, начал:

— Молитва «Абас». «Если ты слепой, то не верти головой»...

— А что значит Абас? Ты хорошо понимаешь смысл?

— Я повторяю молитву так, как нас учили в школе.

— Тогда продолжай.

— «Если ты слепой, то не верти головой...»

И тут мальчишка забыл слово, нужное для продолжения молитвы. Он начал снова и снова повторять Первую фразу, пытаясь восстановить в памяти остальной текст молитвы. Вдруг он спрашивает:

— Кстати, дядюшка Шеххата, а кто такой Абас?

— Абас?

— Он самый.

— А никто.

— Как так никто? Из неверных он или из мусульман?

— Не из тех и не из других.

— Как же так?

— А кто тебе сказал, что Абас мужчина?

— Не женщина же!

— Милый ты мой, абас значит по-арабски «недовольный, обиженный». Разве тебе

учитель не объяснял?

— Нет.

— Что же он все-таки сказал тебе об этой молитве?

— Да ничего вообще. Мы записали часть молитвы, не поняли ни одного слова, а теперь повторяем эти слова, словно попугаи.

— Ладно, Сейид. Сейчас я тебе растолкую про этого Абаса. Жил на свете один человек по имени Ибн Умм Мактум.

— Чей сын?

— Ничей, имя у него такое было.

— И что же с ним произошло?

— Так вот... Был он слепым. Пошел он однажды к пророку Мухаммеду, да не обойдет его аллах своими милостями, а тот занят разговорами с важными людьми из племени Курейш, не принявшего нашей мусульманской веры, и направляет их на путь истинный. Вошел это наш слепец и тут же вмешался в разговор, заявив пророку: «Научи меня тому же, чему научил тебя аллах!» И так несколько раз. Но пророк не обратил внимания на призыв, он продолжал заниматься с теми же людьми. Но вдруг пророку Мухаммеду бог зашептал в ухо: «Не должен ты был так расстраивать и обижать своим невниманием этого несчастного слепого человека. Может быть, он хотел услышать от тебя проповедь, которая помогла бы ему». Вот и весь мой сказ тебе об Абасе. Впрочем, ты ничего не знал об этом и поэтому вынужден зазубрить молитву. Кажется, ты недоволен?

— Я всегда помню о своем страхе перед веревкой и бамбуковой палкой, об этих гнусных средствах наказаний в школе.

— Эх-ма, гибнут прелести корана в море вашего невежества. Слова корана — мудрые, приятные слова... Понимать их нужно... Видишь эти изречения?... Вот те, что висят над дверью... Прочти-ка их мне!

Сейид начал читать. Изречения были написаны сложным узорчатым шрифтом, очень трудным для чтения. Мальчишка медленно повторял лишь одно понятное им слово:

— Ниспошлю... ниспошлю...

С досады он крикнул:

— Мы такие буквы еще не проходили!

— И не будете. Это писцы изошряются. Они пишут не для того, чтобы читали эти изречения, а лишь для украшения. Дай-ка, я сам прочитаю. «Ниспошлю я на вас страх и голод, безденежье и бесплодие, и скажут терпеливые люди, которых постигнет эта судьба: все от бога и к нему вернется!»

Это значит, что бог устраивает нам экзамен с помощью страха, голода, безденежья и бесплодия. И терпеливые люди, которые испытывают все эти жизненные тяготы, обязательно скажут: мы собственность бога, к нему мы и вернемся. Чувствуешь, как мудро звучат эти слова пророка?!

Шеххата даже головой затряс от благодати. Он взглянул на Сейида с намерением определить степень воздействия на него этой мудрости пророка. Но мальчишка неожиданно спросил:

— А почему он без хвоста переворачивается?

Шеххата аж застыл от изумления. Он-то думал, что мальчишка благоговейно ему внимает. Ему оставалось лишь удивленно переспросить:

— Без хвоста?

— Ага, почему переворачивается?

— Что переворачивается?

— Самолет.

Неудачливый толкователь корана вынужден был ответить:

— Так потому, что хвост придает ему устойчивость.

— Устойчивость?

— Верно... Хвост балансирует вес каждой стороны самолета. Как в весах, когда их

тарелки находятся на одном уровне.

— А почему носом клюет?

— Это еще что?

— Да все то же, самолет.

— А вот этого, аллах свидетель, я и не знаю. Это совсем новая наука. В наше время он никогда не клевал носом. В наше время самолеты были хорошо сбалансированы... Чего расстраиваешься? Если самолет клюнет тебя носом, то и ты ему в нос!

— Что-что? Это он меня клюнет?

— А то меня?

— Нет, не понял ты. В воздухе он клюнет носом.

— Ну ладно, Сейид, клюнет или не клюнет. Трудно с тобой договориться. Дались тебе эти самолеты. Пусть они сталкиваются друг с другом, дерутся, клюют. И в воздухе чего самолету клевать носом? Должны быть причины... А то что же, за здорово живешь, что ли?

— Ха, если самолет клюнет носом в воздухе, то упадет на землю и разобьется.

— Тогда не допускай этого.

Забрав кусок железа, с написанной на нем молитвой, Шеххата в сердцах изрек:

— Правы те, кто заставляет вас, балбесов, зубрить коран без всякого понятия о смысле. Объясняй вам, а вы бог знает, о чем думаете! О самолетах я прочей чепухе. Клюнет носом, разобьется. Вам сто лет нужно вбивать в голову хотя бы малую часть молитвы, чертенята. Ну да хватит, пошли спать, а то мне завтра предстоит трудиться на трех похоронах.

Шеххата ушел к себе, а Сейид снова начал раскачиваться взад-вперед, заучивая слова непонятной, а потому ненавистой молитвы.

Глава 8 Подготовка к сражению

Шли дни, а Шеххата продолжал жить у Шуши дома, в пустой каморе с сундуком. Ели, спали они все вместе и настолько привыкли друг к другу, что стали одной семьей, как будто Шеххата жил с ними уже многие годы. Хозяева дома теперь и представить себе не могли, как жили без этого человека.

Безработный период, который переживал в последнее время Шеххата, миновал. Похорон было изобилие. Очевидно, бог Израэль — бог смерти — специально наслал на людей мор, чтобы Шеххата мог всю развернуть свою активность. Новый обитатель дома в Кошачьем переулке уходил рано утром и отсутствовал целыми днями. Возвращался он крайне усталым.

В облике Шеххаты явно обозначились признаки удовлетворения и благоденствия. Он купил на барахолке другой пиджак, разумеется достаточно поношенный, но неплохо выглядевший, придававший его владельцу представительный вид. Шеххата щедро тратил пиастры на Сейида, покупая ему всякие вкусные вещи: сладости, орехи. И выдал однажды Шуше целых двадцать пиастров в качестве платы за жилье.

Как-то вечером друзья направились в привычную для них кофейню. Шеххата был одет в свой полуновый пиджак, феска почищена и отглажена, галлябея выстирана, ботинки отремонтированы, шнурки на месте, носки подтянуты и подвязаны шпагатом. Он даже побрился, и теперь на подбородке его уже не торчали редкие седые волосы. От этого лицо его немного помолодело.

Пришли они в кофейню, заняли столик. Перебросились приветствиями с завсегдатаями. Шеххата стал здесь известным человеком. А незнакомые тоже обращали внимание. Один из таких спросил своего соседа:

— Чем занимается этот мужчина?

— Из тех, кто шагает впереди похоронной процессии.

— О боже, заступись! Отдали его от нас!

Шеххата услышал разговор этих двоих и крикнул насмешливо:

— Успокойся! Я не жалею своим присутствием похороны таких оборванцев, как ты.

Человек смутился, а завсегдатаи кофейни захохотали. Шеххата обратился к Шуше:

— Не сыграть ли нам в нарды?

— Согласен.

— Берегись, сегодня я в ударе, разделаю тебя под орех.

— Давай-давай, хвастайся... Что возьмем?

— Как обычно — кофе и кальян.

Шуша позвал официанта и попросил его принести требуемое. В это время Шеххата рассматривал сидящих с таким видом, как будто искал вполне определенное лицо. Вдруг он схватил приятеля за руку и нетерпеливо спросил:

— Послушай, не твой ли это знакомец?

— Какой еще?

— Да вот тот, Даббах.

— Ты имеешь в виду Шараф эд-Дина?

— Его самого.

Повернувшись в сторону, куда указывал Шеххата, Шуша увидел Шараф эд-Дина, гордо и непринужденно сидящего за столиком. Одной рукой он поминутно закручивал ус, а другой держал чубук кальяна. Шуша подтвердил:

— Он и есть. Но это вовсе не мой знакомец, а тем более приятель, — добавил Шуша.

— Вот если бы он был моим приятелем! — рассмеялся Шеххата. — О аллах, помоги мне сблизиться с этим человеком! Шараф эд-Дин, хоть взгляни на меня! Ну же, Шараф!

И обратился к Шуше:

— Больше всего на свете я ценю вот этих людей. Для меня уже достаточно того, что от него пахнет Азизой Нофал. Ведь он, как святой Радван. У него ключи от рая. Этот Радван посылает нам богинь.

Покачав с укоризной головой, Шуша заметил:

— Мы с тобой разные люди. Я таких терпеть не могу. Я всегда нахожу удовлетворение в молитве: «Аллах, избавь меня от греховных желаний». Больше всего унижают и закабаляют человека его желания. Особенно его губит страсть к женщинам. Отсюда жажда наживы, накопления богатства. Желание вкусно поесть превращает человека в раба своего желудка. Лучшая броня для человека от всех соблазнов жизни — воздержание. Если человек научится подавлять в себе желания, то он самый свободный и счастливый на свете. Такой может твердо идти по жизни, диктовать ей свою волю.

— А зачем все это, дорогой мой брат Шуша? Зачем диктовать жизни свою волю? Что же, для тебя так и не существует никаких соблазнов, у тебя нет никаких желаний? Тогда зачем живешь? Какой смысл в твоей свободе, если ты ничего не хочешь? В таком случае лучше оставить мир. Чем оправдывается жизнь на этом свете, как не желаниями, кое-какими соблазнами... Ведь и без того так редко удается удовлетворить свои желания... Если же тебя совсем ничего не интересует, тогда помирай!

— Не так легко исполнить желания, дорогой мой Шеххата. Можно всю жизнь за ними гоняться и все-таки не поймать.

— В этом-то прелесть жизни... Так мир устроен... Человек всегда бежит за тем, чего он хочет. Как только у тебя не оказывается того, чего ты хочешь, ты устремляешься за другим. Значит — живешь, дышишь, мыслишь... Представь — у тебя есть все, что ты только желаешь... Проходит очень немного времени, и тебе все это надоедает... Что же тогда? А-а, оставим, это не для тебя... Но дай нам пользоваться дарами жизни. Скажи, как можно познакомиться с этим молодцом... Даббахом?

— Очень просто... Пойди да обними его...

— Я серьезно говорю... Как принято знакомиться с такими, как он?

— Подольше и повыразительнее посмотри на него, и он сам придет к тебе, прямо сюда... Он и под землей увидит свою выгоду. Прошлый раз ты ему не показался достойным его внимания. Он очень разборчив в клиентах...

— А сегодня... есть надежда?

— Сейчас ты выглядишь совсем респектабельным... Начнем?

Шуша раскрыл нарды, потряс в руке кости и метнул:

— Шесть-четыре... Бросай ты!

Шеххата продолжал сидеть, не обращая внимания на нарды.

— Играй же! Чего ждешь? Кости перед тобой.

Но приятель даже руки не протянул. Шуша поднял глаза и увидел своего соседа с открытым ртом, вперившим взгляд в противоположную сторону улицы...

— О красота! — вдруг запел он. — Так вот ты какая, газель... Клянусь пророком, я смелый, быстрый, стрелок хороший... Я быстро влюбляюсь... Ты ранила мое сердце... Кроме тебя, нет для меня врача. Ты как зефир... Как мед... Умираю от восторга, о прекрасное создание!

Шуша пытался отвлечь его от такого неподобающего на людях занятия.

— Играй же! Люди смотрят!

— Играй, играй, а Луна с небес спустилась... Идет передо мной по тротуару... У меня что — глаз нет? Пока аллах не обидел, не слепой.

Тут Шеххата снова запел: «И пришел любимый твой, и приласкал... О сладость, о жасмин, о прекрасный вечер!..» Его любовные излияния продолжались довольно долго, до тех пор, пока Азиза Нофал не скрылась из виду. Шеххата отвернулся наконец от окна, схватил кости, метнул их со злостью и заговорил извиняющимся тоном!

— В таких случаях я теряю всякий разум... Витаю в облаках... Прости, брат... Сам знаю — нехорошо это, ни к чему... Но не могу сдержаться... Не обижайся на меня.

— Хватит... Все хорошо... Играй...

— Четыре-один! Здорово! Сейчас я тебе покажу! От меня теперь не вырвешься! И-эх, обыграю я тебя сегодня вчистую!

Но тут за его спиной раздался возглас:

— Салям алейкум!

Обернувшись, Шеххата увидел Даббаху и даже засветился от радости. Он с воодушевлением затараторил приветствия:

— Добро пожаловать! Благословение и молитва аллаха!.. Пожалуйста, муаллим Даббах! Тысяча приветов! Возьми стул и садись с нами... Сейчас заканчиваем. Сейчас я его обыграю, и все... Посмотри, его положение безнадежное... Привет, привет... Честь-то для нас какая!

Перебирая четки, Даббах вкрадчиво заговорил:

— Добрый товар имеем... Все больше из хороших семей...

— При чем здесь хорошие семьи? Не сватаемся... Терпеть не могу приличных людей!.. Однажды женился... Из хорошей семьи... Как ледышка была... Аж свет не мил был... Не-ет, приятель, уволь от детей хороших семей!

— Ладно, не надо... Есть и такие, которые тебе очень понравятся. Поверь...

— Где же они?

— В переулке Кябиба.

— Знаю их, до этого еще не опустился.

— Найдем других на твой вкус... Тут за углом.

— И этих знаю, не пойдет.

— А из тех, что живут в переулке Махлябия?

— Это в доме Шебары? Знаю.

— Чего ж ты сидишь здесь? Давай работать вместе.

Шеххата рассмеялся:

— Послушай, Даббах! Давай говорить прямо, без обиняков... Я хочу ту, что сейчас прошла мимо.

— Об Азизе Нофал говоришь?

— О ком же еще!

— Тебе не по карману.

— Сколько?

- Пятьдесят пиастров.
- Пятьдесят? За ночь?
- Не навсегда, конечно. Я же тебе говорил — дорога!#!
- Сразу пятьдесят пиастров! За ночь... Это значит — пять похорон... Да...
- Пять чего?

— Так считать ты не умеешь... Сам с собой считаю (Шеххата понизил голос до шепота, чтобы никто не услышал). Как ни крути, а пятьдесят пиастров — это пять похорон. Да... Чтобы приятно провести одну ночь, нужно пять опечаленных семей... Тут нужна помощь бога Израэля... Не оставил бы нас без своей милости... Послал бы пять-шесть-семь покойников... Только ради Азизы Нофал... Только за кончики ее пальцев сам готов умереть. Авось бог сподобит... — Обращаясь к Даббаху.

- Пятьдесят пиастров? Целых пятьдесят?
- И ни гроша меньше!
- Может быть, немного скинешь? Сделай одолжение!
- Цены твердые.
- Шут с тобой, договорились. Где увидимся? Когда?
- Завтра вечером.
- Как увидимся?
- Здесь же, перед закатом. Дождусь тебя — и пойдем.
- Не опаздывай.
- Не-е, я точный. С пяти часов буду тебя ждать.
- По рукам!
- Деньги давай.
- Какие деньги? Состоится, тогда сполна получишь.
- Гони заранее!

Пришлось Шеххате лезть за кошельком. Вытащил монету в десять пиастров и протянул ее Даббаху:

- На, бери, новенькая!
- Мало.
- Больше нет с собой. Аллах милостив, получишь остальное.

Засунув монету в карман, Даббах распрощался. Шеххата остался вдвоем с Шушей. Они посидели еще немного и пошли домой.

Поужинали. Шеххата поиграл с Сейидом. Затем все разошлись по своим углам.

Только было Шуша присел у окна полюбоваться на звезды, раздался стук в дверь. Появился, словно призрак, Шеххата с дудкой. Он сел на край постели, помолчал немного и тихо произнес:

- Разреши сказать пару слов.
- Отчего нет, пожалуйста!

— Боюсь, что расстроил тебя сегодня, а то и обидел. Видишь ли, раньше я делал все, что мне заблагорассудится, нимало над этим не задумываясь. Делал ошибки и не думал в них сознаваться. У меня не было примера добра, с которым бы я мог сравнивать свои поступки. Я всегда думал, что делаю обыкновенные нормальные вещи... Но, познакомившись с тобой, я почувствовал — есть на свете такая штука, которая называется добром, правильным поведением, а посему то, что я делаю, — все неправильно. А что могу с собой сделать? В шестьдесят лет не могу себя изменить... Я даже думаю, что люди вроде меня нужны на этом свете... Чтобы такие, как ты, были яснее видны, более заметны... Нужны ошибающиеся люди, чтобы было место и для правых, справедливых, нужны и плохие вещи, чтобы видны были хорошие. Если бы на свете все было хорошо, справедливо, то в нем не было никакой прелести, никто бы не знал, что такое зло, добро, красота. Извини меня, муаллим Шуша, и прости мои прогрешения. Если бы не мои грехи, не видно было бы твоей чистоты.

Шуша положил руку на плечо Шеххаты и дружески сказал:

- Ты хороший человек. У всякого свои грехи. Безгрешен только бог... Людей

безгрешных нет. Главное, что твоими грехами ты никому не делаешь зла. Да повернет аллах нашу короткую жизнь к добру!

— Дай тебе бог всего самого хорошего, муаллим Шуша, пусть он облегчит твоё сердце так же, как ты облегчил мое... Может, поиграть тебе немного на этой дудке?

— Давай, послушаем.

Шеххата заиграл, из дудки полилась в ночную тишину печальная мелодия, напоминавшая умиротворенный плач. Он играл до тех пор, пока не почувствовал на своем плече руку Шуши.

— Пожалуй, хватит, приятель.

Обернувшись, Шеххата увидел, что из глаз Шуши выкатились две крупные слезы и потекли по щекам. На сей раз он и не пытался их остановить. Мелодия оказалась сильнее его железной воли. Положив руку Шеххаты себе на сердце, Шуша грустно промолвил:

— Вот здесь моя печаль. Не могу избавиться от грустных переживаний... Спокойной ночи!

— И тебе всего доброго, приятных сновидений!

Шеххата проснулся как всегда поздно. Солнце уже щедро разметало свои горячие лучи по двору. Шуша с сыном ушли каждый по своим делам. Умм Амина готовила во дворе корм своим животным.

Надев на себя парадный наряд, попрощавшись со старушкой, Шеххата вышел на улицу. Пройдя Кошачий переулок, он повернул налево, к улице Агур, и через несколько шагов оказался около мясной лавки аль-Хишта. Ноги сами собой замедлили ход. Шеххата затоптался на месте. Он увидел, как аль-Хишт, одетый в белую галлябею, забрызганную кровью, разделяет туши. Собравшись с мыслями, Шеххата решительно направился к хозяину лавки, с которым был уже знаком по кофейне.

— Доброе утро, муаллим Хишт!

— Утро доброе! Заходи, будь добр!

— Ради жизни твоего отца, дай мне фунт телятины из почечной части.

— Рад услужить!

Отложив в сторону нож, мясник полез в один из шкафов и вытащил оттуда большой кусок мяса.

— Я тебе отрежу отличный кусок от задней части. Почечная часть тебя не устроит, одни кости да жилы.

— Все едино... От задней части тоже хорошо.

Положив на весы большой лист желтой оберточной бумаги, предварительно намоченной для веса, Хишт отвесил мясо и завернул. Шеххата подошел к мяснику ближе, многозначительно улыбнулся и произнес доверительным голосом:

— Мне еще нужно печенки, почек и хороших костей. Не сделаешь ли?

Мясник рассмеялся, потер руки и с явным удовольствием сказал:

— Позволь мне распорядиться. Я тебе устрою такой набор, что будешь богу за меня молиться... Верну тебя на двадцать лет назад...

Хишт извлек печенку из одной туши, почки — из другой, костей отрубил от третьей, добавил к этому кусочек бараньего курдюка, завернул все в бумагу и протянул Шеххате со словами:

— Возьми это добро, заложи в глубокую посудину и кипяти до тех пор, пока жир не расплавится. Воды не добавляй. Суп получится что надо — густой, наваристый. Потом добавь всяких специй и приправ. Поешь, и станешь богатырем!

Шеххата забрал оба свертка, потоптался в нерешительности и стыдливо произнес:

— Деньги я тебе отдам на обратной дороге, когда с работы пойду. Ладно?

— Чего уж там, Шеххата эфенди, хоть даром бери, мы же как-никак соседи!

— Бог в помощь! Салам алейкум!

— Шагай с миром!

Шеххата вернулся домой. Умм Амина удивилась, услышав его шаги. Она с тревогой

спросила:

- Ты чего вернулся? Или что случилось, не дай бог? Может, забыл что?
- Нет, просто занес фунт мяса. Свари нам его на обед.
- Зачем этот напрасный труд? Шуша дал мне денег, да и сам принесет чего-нибудь, когда вернется.
- Э-э, пустяки. Свари к мясу немного овощей или добавь приправ, как хочешь в общем.
- Бог тебе воздаст! Вечно ты утруждаешь себя понапрасну.
- Какой там труд. Бери.

Передавая старушке свертки, он добавил:

- Это мясо. А тут немного мозговых костей. Свари для меня, а то что-то спину ломит.

Мне сказали, что костяной отвар укрепляет поясницу. Только кипятить их подольше и не добавляй воды. Так, чтоб отвару набралось не больше чашки.

Умм Амина не обратила внимания на советы Шеххаты. Больше всего ее занимала боль в его спине.

— Спина ломит? Экая напасть... Простудился, верно... С открытым окном спал... Сегодня закрой. Разбитое стекло закрой бумагой. А лучше всего при простуде банки. Вечером сделаю. Попрошу Закию принести...

Бабка могла еще долго причитать, потому ему пришлось прервать ее наставления:

— Хватит тебе, ничего не нужно. Все гораздо проще, дело привычное. Свари мне костей, и дело с концом. Мне это лучше всего помогает. Давно пользуюсь этим средством.

Но Умм Амина запротестовала:

- Разве это лекарство? Бог с тобой!
- Да сделай то, что я прошу! Больше ничего не надо.
- Будь по-твоему. Бог даст, к обеду будет готово.
- Вот и спасибо.

Успокоившись за судьбу костей и потрохов, убедив Умм Амину в отсутствии всякой надобности доставать банки, Шеххата быстро пошел по направлению к кофейне «Для благородных».

Придя туда, он увидел, что его собратья в большой запарке. Они бегали взад-вперед, суетились, переругивались. Хозяин лавки похоронных принадлежностей Сурур погонял своих помощников. Шеххата понял: предстоят большие похороны, а он опаздывает. Увидев его, Сурур заорал:

- Поторопись хоть немного! А то останешься без дела!
- Это как же так — без дела? Да мне не одни похороны нужны, а целых пять! Они мне позарез нужны.

— Что это тебя так заставляет?

— Красивая женщина.

— Тогда торопись... Толк в женщинах ты знаешь... До конца дней своих будешь за юбками волочиться... От этих излишеств и помрешь...

— Ты и вправду так считаешь? Дал бы бог!

Шеххата быстро повязал красную тряпку, схватил привычный ему подсвечник и крикнул остальным:

- Пора двигаться, люди! Где хоронить-то будем?
- Нужно добраться до старого Каира, а затем в квартал аль-Мугавизин.
- О черная весть! Поближе нельзя было? Никак это кладбище аль-Имам? Не ошибаюсь?
- Что делать, так получается. Его могила, как и склеп родственников, находятся в квартале аль-Мугавизин.

— Чего ж он поселился в старом Каире, если знал, что хоронить его будут в квартале аль-Мугавизин? Жил бы в квартале Дираса, или аль-Хусейн, или, на худой конец, в квартале Кахкин. А то и в Красном переулке или на улице Гамалия. Угораздило его поселиться в старом Каире, когда кладбище находится в аль-Мугавизин.

Подошел пятый номер трамвая. Сурур заторопил всех:

— Кончай болтать! Скорее, скорее, а то не успеем! Уже девять часов, а в десять нужно быть на месте.

Братия «благородных» со своими подсвечниками, музыканты с инструментами — все ринулись в вагон, сразу наполнившийся шумом, гамом, шутками и прибаутками. Можно было подумать, что едут подружки к невесте.

Шеххата сел напротив шейха Сейида аль-Холи преднамеренно. Он рассыпался в самых льстивых приветствиях. Старик оставался глухим к этим излияниям, не внимал громким и звучным словам, относясь к ним так же равнодушно, как к блеску фальшивой монеты. И так всегда. Его глаза прикрыты. Он вечно кажется погруженным в дрему, как будто покрыт панцирем бесчувственности. Ничто не находит отзвука в его душе — ни радость, ни печаль, ни гнев. Сидел ли он, двигался, говорил — все, как во сне.

Как ни изобретателен был Шеххата, но поток красивых слов иссяк. Он наклонился тогда к уху шейха Сейида и зашептал:

— Не найдется ли толики гашиша?

Это был единственный вопрос, который мог заставить старика проснуться, расколоть панцирь равнодушия и безразличия. Он приоткрыл веки и, не глядя на говорившего, тихо высказался, произнеся необычно длинную для себя тираду:

— Вот ведь прорва ты какая? Только позавчера взял целую порцию.

— Сегодня нужно еще!

Пробормотав несколько ругательств, шейх полез за пазуху, вытащил оттуда грязный пакетик, не спеша открыл его, вытащил шарик шоколадного цвета величиной с орех и грязным ногтем разделил его на две части. Взял одну из половинок и попытался разделить и ее, но безуспешно. Пальцы оказались неуклюжими. Тогда он пустил в дело зубы. Тут Шеххата взорвался:

— Давай же сюда, приятель! Там и делить нечего!

— Это тебе так кажется. А впрочем — бери, пользуйся моей добротой, наслаждайся.

Шеххата быстро схватил протянутое ему стариком, запихнул в жилетный карман и успокоился. Переждав немного, он снова начал величать шейха Сейида. Завершив словесную подготовку, наш приятель подвинулся поближе к старику и вкрадчиво заговорил:

— Может быть, у тебя и имбирь есть?

На сей раз мрачный старик встрепенулся сильнее. Удивленно поднял брови, раскрыл глаза насколько хватило сил у век, потом прищурился и воскликнул:

— Что с тобой сегодня? Да ты никак не на похороны собрался, а на свадьбу? Никак зван куда?

— У меня веселье на целую ночь.

— С кем?

— С кем, с кем... С красивой женщиной! Сочной, сливочной!

— Довольно, заткнись! Ты всеядная свинья. Что ни проглотишь — переваришь. На вот, бери.

И снова старик полез за пазуху, вытащил небольшую круглую железную коробочку, похожую на табакерку, извлек оттуда малость черного вещества, похожего на ихтиоловую мазь, попытался спичкой уменьшить долю, но тут Шеххата схватил его за руку.

— Ты что делаешь?

Старик, или вернее говоря, ходячий склад наркотиков, презрительно посмотрел на соседа краем глаза и пробурчал:

— Никак, передумал? Имбиря уже не надо?

— Разве это имбирь? Давай сюда, старик, будь пощедрей! А то через два дня помрешь. Давай всю коробку! Не будь скрягой!

Шейх Сейид поленился начинать торг. Ему было легче отдать всю коробку, чем торговаться. Освободившись от товара, старик снова погрузился в дремоту.

Шеххата запрятал коробку туда же, куда и гашиш. Лицо его расплылось от удовольствия. Он забормотал про себя:

— Теперь только арака (восточной водки) не хватает.

Трамвай пересек квартал Омар-шах, миновал площадь аль-Сейида, приблизился к скотобойне. Когда подъехали к кварталу Абу Рейш, паломник Сурур крикнул:

— Пошли, слезаем! Отсюда проберемся проходными дворами.

Галдя, толкаясь и ругаясь, вся братия вывалилась из трамвая, пересекла улицу Тыби и двинулась по направлению к кварталу Фамм аль-Халиг. Но почему-то нигде не было признаков близких похорон. Ни тебе плача, ни причитаний. Шеххата забеспокоился:

— Где же это? Ничего не слышно.

— Теперь недалеко, — ответил Сурур.

— Кто-нибудь слышит плач? Может, он умер в одиночестве?

— Сказал! У него большая семья, куча денег.

— Значит, хорошо заплатят?

— Наверняка!

— Это самое главное. Эти похороны будут стоить четырех. Упокой его аллах, раз есть от него польза!

Вся ватага жаждущих углубилась в квартал Фамм аль-Халиг.

Сурур замедлил шаги, начал оглядываться. Кто-то спросил:

— Как называется эта улица?

— Вроде, Лимонадная.

— Давай удостоверимся.

Сурур подошел к женщине, продававшей моченые бобы. Она сидела в тени большого дерева.

— Эй, тетка, не знаешь, где Лимонадная улица?

— Какая улица?

— Лимонадная.

— Нет здесь такой улицы.

Сурур двинулся дальше, остальные за ним. Но женщина вернула их, крикнув:

— Есть Сахарно-лимонная улица.

Сурур радостно закричал:

— Она самая и есть!

— По-твоему, Сахарно-лимонная улица и есть Лимонадная?

— А какая же? Не масляная. Если смешать сахар с лимоном, что получится, кроме лимонада?

Плотной толпой «благородные» двинулись дальше, ускоряя шаг. Не успели они подойти к Сахарно-лимонной улице, как услышали плач и стонания.

— То, что нам нужно, — заорал Сурур. — Ну-ка, разберитесь по порядку. Ты, Абид, забирай музыкантов и топай к воротам дома, чтобы, когда будут выносить гроб, они были рядом. Все остальные растянутся по тротуару. Быстрее! Только без разговоров и смешков! Все, приступаем к работе!

Вот и открылось место их «работы». Расцвеченные шатры, откуда раздавались рыдания и причитания на всю улицу, гроб, приготовленный к выносу, барашек, привязанный к воротам. Тут уже стояли могильщики, убиральщики. Вокруг — неподобающий случаю гвалт.

Процессия «благородных» быстро заняла нужную позицию, музыканты вышли вперед. По всему было видно — команда тренированная, опытная. Каждый занял привычное место без суеты и шума. От болтовни и шуток не осталось и следа, лица приняли постное выражение, на них обозначилась глубокая печаль, будто смерть этого человека для них огромное несчастье.

Паломник Сурур тряхнул головой и печально запричитал:

— О вселенная!

Этим словом он всегда начинал поминальную переключку, которую подхватывали остальные. Шеххата должен был отвечать: «Все от аллаха, и все к нему вернется!» Но он полностью отключился от происходящего. Думы его были очень далеко отсюда. На глубокие

и тревожные размышления навел его барашек.

Что-то сделает Умм Амина с яствами, которые он ей доверил? Сможет ли эта старая слепая женщина выполнить все его просьбы? А вдруг выльет весь навар на землю. Будет подлинная катастрофа. Надо было ему быть более осторожным и самому сварить. О боже, заступись!

Паломник Сурур заждался ответа Шеххаты и начал сверлить его злым взглядом. Но Шеххата витал в ином мире, думал о блюде, приготовленном из печенки, почек и костей. Отвечая своим мыслям, он воскликнул:

— Все от аллаха, и все к нему вернется!

За этим восклицанием последовали другие, раздававшиеся со всех сторон. Поминание пошло как по маслу.

— Зачем ушел от нас, воплощение доброты, зачем опечалил?

— Кормилец! Покровитель наш!

— Кто может поверить!

— Смилостивись, боже!

— Вовек никого не обидел!

Профессионально заученные причитания и восхваления усопшего шли по восходящей линии. Команда старалась вовсю. Один Шеххата оставался безучастным. В своих размышлениях он дошел до необходимости зайти еще в одну лавку, купить там разных пряностей и лекарственных травок. Да, еще ведь и арак нужен. Придется идти в винную лавку Манолли и взять в долг. И точно подсчитать расходы. Ведь ему нужно еще отдать сорок пиастров Шараф эд-Дину, проходимцу и сыну проходимца, пять пиастров на разные специи и пряности. За мясо можно заплатить через несколько дней. Хишт хороший человек, подождет. Не плохо иметь на всякий случай и пятак в кармане. Итого — пятьдесят пиастров, а в кармане ни гроша. Однако на этих похоронах можно хорошо заработать. Покойничек, кажется, не из бедных.

Только сейчас Шеххата вспомнил о покойнике. Из состояния отрешенности его вывели поднявшийся шум, суета подготовки к выносу тела. Из ворот показался гроб, барана отвязали и перерезали ему глотку. Кровь залила дорогу, процессия двинулась до крови. Под ноги идущим бросали камыш.

Вместе со своими компаньонами Шеххата занял привычное место. Музыканты заиграли тихие печальнее мелодии. Процессия двинулась вперед.

Не успел Шеххата пройти и нескольких метров, как снова погрузился в собственные размышления, забыв полностью обо всем происходящем вокруг него.

Азиза Нофал! Кто бы мог поверить, что всего через несколько часов она будет с ним?! Э-э, погоди, в пять часов идти на свидание с этим Даббахом, а уж потом только к заветной цели. С этим парнем он и секунды не протянет вместе, Страсть к тому времени станет нестерпимой. А что делать, если этот самодовольный здоровяк не придет? Подлинная катастрофа! Столько приготовлений, столько расходов на разные покупки! Эх, надо было бы взять адрес, чтобы можно было пойти одному. Надо ж так оплошать! Ведь этот Даббах — прожженный проходимец! Гривенник уже у него в кармане! Для страховки нужно было узнать адрес. А что в нем толку? Если этот парень решил обмануть его, то легко мог дать любой адрес! Не-ет, с виду мужик внушает доверие. Эти нафабранные усы, отличный костюм. Не может он быть обманщиком.

Шеххата вспомнил, как напугал его этот человек в первый раз, и даже засмеялся. Но тут процессия остановилась, покойника надо было отпевать в мечети.

Шеххата не пошел внутрь храма, а остался ждать выноса носилок на улице. Путь предстоял неблизкий, двух похорон стоять будет. И устанет же он! Больше всего ему нужен был отдых перед бурной ночью. Отказаться бы от этих похорон. А где взять деньги? Черт бы побрал эту жизнь! Ничего нельзя легко найти, за все надо платить потом и трудом.

Из мечети вынесли носилки. Шеххата бросил на них злой взгляд и забурчал: «Еще бы, он может идти хоть куда! Ему горя мало, его несут! А мне что перепадет за такую долгую

прогулку? Если заплатят пятьдесят пиастров, то век буду молиться за упокой его души. Мне нужна именно такая сумма и не больше. Тогда я оплачу все расходы. Еще пять пиастров останется на чай. Если бы он увидел Азизу Нофал раздетой, то и большей суммы не пожалел! Но где уж мне, несчастному? Для меня хуже смерти сознавать, что не могу общаться с Азизой Нофал и ей подобными почаше. Видеть ее бюст, колышущийся под кофточкой, плавно покачивающиеся при ходьбе бедра — разве пятьдесят пиастров жалко за все эти прелести?!»

Процессия приближалась к цитадели. Пот лил с лиц «благородных» и музыкантов да и всех, кто принял участие в процессии.

Шеххата вытащил платок. Вытирая пот с лица, он спросил покойника: «Ну как, доволен? Приспичило тебе упокоиться на кладбище аль-Имам. Ближе не мог? Около дома тебя бы надо было хоронить. Ты что, думаешь, твои близкие будут ходить к тебе в такую даль? Как бы не так! Не дождешься!»

Вышли из цитадели и направились к кварталу Мугавизин. Дорога стала сужаться. Это позволило сблизить ряды шедших впереди «благородных». Они начали переговариваться между собой, жаловаться на усталость и проклинать покойника. Лишь один сохранял полное спокойствие и безразличие, оставался полусонным. Это был шейх Сейид аль-Холи, или как его называл Шеххата — передвижной склад наркотиков, а другие — господин Кейф. Шел он молча, спокойно, не обращая внимания на происходящее вокруг. Но вдруг и он почувствовал усталость, остановился, изумленно поднял брови и, обращаясь к окружающим, спросил:

— Что такое? Еще не дошли?

— Пока нет, — ответил Шеххата. — Иди, иди, не задерживай всю процессию.

— Сколько можно? Мы что — идем на кладбище или на небо?

Кто-то взял шейха за руку и успокаивающе сказал:

— Не расстраивайся" осталось совсем немного.

— Клянусь аллахом, и шага не сделаю! Разве мы так договаривались?

— Иди ты, не шуми, не дело так, неприлично.

— Нет ничего неприличного. Кому нравится, пусть идет дальше, а я сяду вместо него.

Что такое? Издеваются надо мной?

Компаньонам пришлось подпереть старика и толкать вперед. Он вынужден был двигаться дальше. Но каждый шаг он сопровождал жалобами:

— Позор вам, люди, ноги подгибаются, а вы? Как это все называется?

Но его не слушали, а продолжали тащить дальше. Старик совсем обиделся и застонал еще громче:

— А-а-а, о горе, о горе!

Из глаз его полились слезы. Шедшие за гробом удивились, услышав плач. Паломник Суурур даже остановился на некоторое время. Но тут же сообразил и заговорил:

— Аллах тебе в помощь, шейх Сейид... Дело в том, что он хорошо знал покойного, они жили душа в душу, большие были приятели.

Остальные пытались урезонить плачущего шейха и заставить его замолчать.

— Хватит тебе, ни к чему это... Ты ж мужчина, ну перестань, неудобно...

— Оставьте меня, я не мужчина, — заорал тот во все горло. — Не могу я иначе...

Оставьте меня в покое.

— Хватит, хватит шуметь... Уже пришли. Успокойся, не устраивай шума на людях.

Процессия и правда подходила к кладбищу. "Благородные" заняли свои места у деревянных ворот. Водонос начал кропить водой дорогу к могиле. В склепе зияла большая дыра, вниз спускалась лестница, в стороне лежали длинные камни, которыми замуровывался вход в могилу.

Участники процессии окружили носилки. Рыдания и причитания усилились. Глядя на покойного, Шеххата зло прошептал:

— Умаял ты нас, да оплатит тебе аллах тем же!

Вытирая грязные слезы, шейх Сейид заговорил:

— Еще немного, и я сам бы ноги протянул. Но бог милостив.

Пока помощники Сурура готовились переносить покойника в склеп, из-за их спин выбежали несколько человек, уселись около могилы и начали читать коран, но так, что ничего нельзя было понять. Только они приступили к исполнению своей миссии, как Сурур приказал перестроиться "благородным". Они засуетились, один толкнул Шеххату и услышал в ответ:

— Полегче ты, чтоб тебя! Куда торопишься? На пожар?

Покойника опустили, наконец, в могилу, вход в нее заложили камнями. Участники процессии посмотрели на свою работу так, будто совершили что-то святое. Глядя друг на друга, "благородные" радовались про себя: "Вот и все, пора возвращаться".

* * * * *

Около двух часов пополудни все сидели в своей кофейне. Паломник Сурур начал производить расчет. Когда подошла очередь Шеххаты, он подсел к Суруру поближе. Он потирал руки и широко улыбался. Глава фирмы хорошо знал, что такая улыбка будет ему дорого стоить. Быстро вытащив из кармана монету в десять пиастров, Сурур протянул ее Шеххате, приговаривая:

— Бери и будь доволен, честно заработал.

— Постой-ка, приятель... Видишь ли, мне нужно...

— Ни миллима больше! Иди, аллах подаст! И так я тебе заплатил больше всех.

— Знаю, можешь не говорить. Но послушай, что скажу — поиздержался я, дал бы займы.

— Займы? Ты что же, думаешь — я банк? Тебе мало того, что уже получил?

— Ты один у нас благодетель. Если кому становится трудно, к кому, кроме тебя, он пойдет, кто его выручит? Ты нам как отец родной, как мать!

Сердце Сурура растаяло. Сделав злою свою физиономию, он спросил:

— Сколько нужно, говори?

— Тридцать пиастров.

— Сколько?!

— Всего тридцать.

— Чтоб тебя тридцать чертей побрали!

— Хранит тебя аллах!

— Что ты с такими деньгами делать-то будешь? Лавку, что ли, откроешь?

— Не, баню.

— Чем платить будешь? Когда вернешь!

— Э-э, брат, бог милостив, авось пошлет еще хорошие похороны, вроде сегодняшних. Может, кто-нибудь из живущих в Александрии захочет, чтобы его похоронили в Асуане. Все от бога.

— Короче говоря — нет у меня таких денег. Бери вот это и не делай злого лица.

Он протянул Шеххате еще одну монету в десять пиастров. Тот разозлился и гневно крикнул:

— Я что — милостыню у тебя прошу? Забери обратно!

— На еще пять пиастров. А не хочешь — отдавай все!

Тут Шеххата понял, что старик не шутит, и больше кочевряться не стал. Засунув все деньги в карман, он умиротворяюще произнес:

— И на этом спасибо. Хранит тебя аллах!

Но раздумья не покидали его:

— Еще пяточок нужен. Пойду к шейху Сейиду, авось даст. — Подойдя к старику, он как можно ласковее заговорил:

— Как дела, как себя чувствуешь?

— Хуже не бывает.

— Аллах облегчит... И намаялись мы с ним сегодня!

Шейх Сейид воздел руки к небу и запричитал:

— Дай бог ему место светлое!

Он продолжал взывать к аллаху. Но у Шеххаты не было времени выслушивать его до конца. Как всегда, когда он просил в долг, Шеххата, льстиво заглядывая в глаза, спросил:

— Не найдется ли пяточка?

Шейх Сейид сделал вид, что не слышит, продолжая взывать к аллаху, прося у него милости. Шеххата не выдержал:

— Тебя спрашиваю — есть займы пяточек?

— Сгинь от меня, парень, нет у меня ничего, И вообще, в долг никому не даю.

— За глотку я схвачен.

— Кем же?

— Так, одной...

— Я-то думал, что ты скажешь — по долгам уплатить или за жилье. А ты пустое болтаешь. Ладно, возьми... Люблю, когда правду говорят, не обманывают.

— Бог тебе в помощь, шейх Сейид, добрый ты человек.

— Послушай. Даже за правду я даю один раз. В другой раз — правду скажешь или соврешь — и гроша ломаного не получишь. Понял?

— Яснее ясного.

Забрав деньги, удовлетворенный Шеххата покинул кофейню. По пути он зашел в лавку пряностей шейха Абид аль-Аттара. Тот, едва завидев клиента, рассыпался в приветствиях. Шеххата тихо шепнул ему на ухо:

— Дай-ка мне всякой всячины! Ты знаешь какой... Только получше, как для самого себя.

— Нешто жалко для хорошего человека? Бери на здоровье.

Лавочник взял бумагу и начал насыпать разные пряности и специи из различных мешков, ящиков. Сделав два пакета, шейх Абид посоветовал:

— Вот это прокипятишь и выпьешь. Из этого сооруди приправу к супу и съешь, очень полезно.

Забрав свертки, Шеххата полез в карман за деньгами.

— Что ты, Шеххата эфенди, аллах с тобой! Не надо, пустяки это, и не думай! Только расскажи потом, как все прошло.

— Хороший ты человек, шейх Абид. Ну, я пошел.

— С миром, дай тебе!

Глава 9

Жертва любви к женщинам

Наконец Шеххата добрался до дома. Умм Амину он нашел, как всегда, сидящей во дворе. Шуша и Сейид еще не приходили. Как только старушка услышала его шаги, она сразу же осведомилась:

— Как твоя поясница, Шеххата эфенди?

— Поясница? А что ей сделается?

— Да как же, ты сам говорил, что поясница ломит? Ты еще попросил меня сделать кое-какую еду из добра, что принес. Я все приготовила.

— Вот жизнь! За работой все забываешь!.. Даже усталость. А ты все беспокоишься по таким пустякам?

— Ладно, заходи, отдохни немного. Зачем вообще-то ходил сегодня? Усталость требует отдыха.

— Чего не сделаешь ради куска хлеба. Усталость требует отдыха, а чтобы заработать на пропитание, нужно трудиться.

— Бог тебе в помощь! Я все сделала, как следует. Закия принесла немного зеленого перца и помогла мне на кухне. Она сейчас накроет на стол.

— Где похлебка?

— На кухне, в горшке... Сейчас будешь обедать или отдохнешь немного?

— Поем немного похлебки и полежу. Что-то устал.

— Тогда иди, я все приготовлю.

— Не беспокойся, сам все сделаю.

— Возьми себе баклажанов и рису. Я натушила, очень вкусно, словно масло.

— Ладно, возьму, а ты сиди.

Шеххата пошел на кухню. Первое, что он сделал, это поднес горшок ко рту и выпил всю жижу из похлебки. Потом съел все мясо и прочее, что было в горшке. За всем этим последовали баклажаны и рис. Шеххата ел в такой спешке, как будто делал это в последний раз. Расправившись с едой, он взял примус, нашел чугунок, налил туда воды, высыпал все специи и пряности, которые принес с собой, и поставил кипятить, добавив немного жиру. Как только варево было готово, Шеххата и его отправил в свою утробу. Выпив чашку кофе, он пошел к себе и сел на сундук. Вытащил железную коробку из кармана, раскрыл ее, вынул оттуда спички. Затем появился кисет с табаком, папиросная бумага. Оторвав листочек, Шеххата насыпал табаку, вытянул из жилета шарик гашиша, который удружил ему шейх Сейид, отломил половину и положил в самокрутку. Другую половину оставил на потом, заметив про себя: "В свое время пригодится". Свернув сигарку, он зажег ее и начал медленно затягиваться, пуская кольца дыма. Через несколько минут Шеххата растянулся на сундуке и забылся в сладких грезах.

* * * * *

Придя домой, Шуша первым делом справился о своем жильце. Умм Амина рассказала, что тот вернулся, пообедал и прилег отдохнуть, так как у него ломило поясницу. Шуша умылся, помолился, и тут вернулся Сейид из школы. Все трое пообедали. За столом царило молчание. Заметив это, Умм Амина рассмеялась:

— Вот ведь — привыкли к болтовне Шеххаты. Без него и еда становится невкусной.

— И то правда, у него всегда хватает шуток-прибауток.

Шуша пошел подремать, Сейид — к приятелям на обычное место под тутовое дерево, Умм Амина села около лестницы.

Часа в четыре Шуша проснулся, а Шеххата все еще не выходил из своей каморы. Хозяин дома удивленно сказал:

— Что-то он задерживается, никогда с ним этого не случилось раньше. Наверное, по-настоящему заболел. Пойду посмотрю. — Шуша тихо вошел, стараясь не шуметь и не беспокоить спящего. Он увидел Шеххату, лежащего на сундуке. Тот повернулся лицом к стене, ноги подтянул к подбородку: сундук был маленьким. Шуша тихо позвал:

— Шеххата, а Шеххата!

Тот не отозвался. Тогда хозяин дома потрогал его за спину и тихо произнес:

— Шеххата, ты и вправду заболел?

Ответа не последовало. Шуша почувствовал, что тело лежащего неестественно холодное. В страхе он приложил руку к его лбу, к груди и почувствовал, что человек не дышит. Немного нужно было времени, чтобы понять — перед ним лежит бездыханный труп. Смеялся над смертью, а сам умер от безделицы. Шуша был поражен. Ну и неожиданность! Никогда он не думал, что увидит этого шутника мертвым.

Время шло, а Шуша все стоял как вкопанный, не зная, что делать. Постепенно он начал приходить в себя. И вдруг бросился во двор и, захлебываясь от рыданий, крикнул:

— Умм Амина!

— Что тебе, сынок?

— Шеххата эфенди умер.

— Умер? О горе! Как умер? Только что стоял передо мной! На все воля аллаха! Он дал, он и взял!

Старушка заплакала, а ее сын вернулся в свою комнату, взял белую простыню, зашел к Шеххате и накрыл тело. Вдруг ему в нос ударил сильный запах гашиша. Он подумал, потом подошел к трупу и начал его обшаривать. Вытащил деньги и положил себе в карман. Взял окурки и бросил его в уборную, потом проговорил с досадой:

— Бог тебе судья, сам себя угробил, неугомонный.

Печальная новость быстро облетела всех обитателей дома и Кошачьего переулка. Соседи валом повалили. Одни, чтобы помочь, другие — любопытствовать, третьи — посочувствовать.

С наступлением темноты Шуша устроил перед воротами дома небольшой шатер, поставил несколько стульев и скамеек во дворе и перед домом. Появились добровольцы читать коран. Сейид с приятелями сидел на краю бассейна. Все они были грустными и молчаливыми. Ребятишки высказывали сочувствие Сейиду, который был чернее тучи. Первый раз он столкнулся со смертью. Он еще никак не мог поверить в то, что Шеххата ушел навсегда и что он его никогда больше не увидит.

Наконец, двор опустел, все разошлись по домам. Убитый горем, Сейид прижался к бабушке. Шуша сидел на постели и грустно смотрел на звезды. Вдруг в тишине ночи ему почудилось, что слышит он печальный голос дудки. По лицу его покатились слезы.

Вытерев глаза, Шуша тряхнул головой и с грустью заговорил сам с собой:

— Все мы есть свой конец... Все мы это знаем. Но счастье в том, что мы не знаем, когда наступает этот конец. Если бы знали, то встречали бы его с меньшим мужеством. Жизнь грустна и тяжела, но умирать все равно никто не хочет. Никто не был так точен в оценке живущих, как покойник. Прав он был, когда говорил: "Нет никого на свете лицемернее и глупее, чем люди. Ведь самая большая глупость, которую делает человек, — это не думать о своем конце. Знает человек, что умрет, но не готовится к этому печальному событию". Дай тебе бог место светлое, самый мудрый и самый беспечный человек!

Всю ночь Шуша провел, сидя у окна, борясь с тяжелыми думами и стараясь успокоиться. Но всюду он чувствовал призрак смерти, слышал ее дыхание. Голос смерти чудился ему в мяуканье кошек, в собачьем лае... Смерть... Смерть... Смерть...

* * * * *

Уже занимался рассвет, а Шуша все не менял позы. Глаза его оставались широко открытыми, тяжкие думы все еще теснились в голове. С первым утренним призывом муэдзина, он тяжело встал, опустился на коврик и помолился. Войдя к матери, он нашел ее сидящей около комнаты Сейида. Услышав шаги, Умм Амина подняла удивленно голову:

— Что так рано, сынок?

— Я и вовсе не спал.

— Я тоже... Все ждала — вот встанет, как бывало... Хороший был человек. Упокой его аллах!

— Да простит нас всех аллах! Пойду достану досок, приведу обмывальщиков и принесу саван. Я еще вчера сказал этим мастерам. Пойду их потороплю. Похороним поскорей — и на работу.

— Все еще спят, наверное?

— А я предупредил, что приду рано.

— Дай тебе бог всего хорошего!

Шуша пошел по переулку, освещенному ранними лучами солнца. Не прошло и получаса, как он вернулся с тремя мужчинами. Двое сразу же начали мыть покойника и одевать. Сначала Шуша колебался — зайти ли к покойнику, дотронуться ли до него. Но тут же вспомнил, что

говорил его приятель об умерших, о смерти.

Преодолев чувство страха и брезгливости, Шуша пошел помогать мыть и обряжать покойного приятеля. Опытные руки быстро сделали свое дело. Покойника положили в гроб, подняли его на плечи и приготовились выносить. Муаллим Хишт спустился вниз, чтобы отдать последний долг соседу. Он вышел во двор, затряс с расстройством головой и заговорил:

— Вот ведь только вчера был у меня... Выглядел — лучше и не надо... А вот поди ж ты — сегодня уже его хороним... Чтоб его, этот собачий мир!

Все было готово к похоронам. Шуша огляделся вокруг и нашел одного Хишта, который вот-вот заплачет от досады и горя. Тут Шуша проговорил про себя:

— Разве это похороны? Без всяких почестей, которые он сам многократно отдавал другим покойникам? Ни плакальщиц, ни даже по-настоящему похоронной процессии? Разве можно так?

Когда носильщики с носилками уже тронулись в путь, Шуше пришла в голову идея. Он крикнул: "Остановитесь!", а сам побежал домой, схватил сверток Шеххаты с его рабочей одеждой. Вынул дрожащими руками пиджак, надел брюки, заправив туда свою галлябею, водрузил на голову феску, повязал красную полосатую тряпку, взял в руки кадило и быстро вышел на улицу.

Проснувшись, Сейид увидел отца в этом необычном для него костюме. Пораженный, он спросил:

— Что такое, отец?

— А ничего... Ты шагай в школу... Я пойду хоронить Шеххату эфенди.

Увидев Шушу в таком наряде, все участники похорон выразили крайнее удивление. Тот начал объяснять:

— Закройте рты! Надо же почтить его немного. Всю жизнь он почитал на похоронах других, теперь и его очередь настала. Пора идти.

Процессия двинулась по Кошачьему переулку. Не успели они его пройти, как повстречали Хусейна с обезьянкой и свистком. Увидев в столь ранний час Шушу и не одного, он застыл на месте и крикнул:

— Что я вижу? Кого несете?

— Покойника.

— Это кто же?

— Шеххата эфенди умер.

— Аллах велик! Все мы от аллаха и к нему вернемся!

Хусейн заспешил к гробу и сменил одного из носильщиков. Процессия с пополнением пошла дальше. Вышли на улицу Агур. Провожающих все прибавлялось. Когда подошли к воротам кладбища, за носилками шла уже толпа народу.

Еще с вечера Шуша распорядился о том, чтобы выкопали могилу и приготовили ее для приема нового обитателя. Люди постарались, и все оказалось готовым. Увидев мрачную яму, Шуша остановился. Его снова обуял страх перед могилами и покойниками. Он уже решил было уйти, но опять вспомнил лекцию, которую прочитал ему недавно Шеххата. В его ушах снова зазвучали слова: "Я начал привыкать спускаться даже внутрь могилы. Делал я это для того, чтобы побороть в себе всякий страх перед смертью, брезгливое к ней отношение... Так я и привык опускать покойников в могилы... И стал смелым человеком... Самым смелым в мире... Я начал презирать смерть..."

Стараясь унять дрожь в руках, Шуша подошел к носилкам, снял покрывало и решительно спросил:

— Все готово?

— Готово. Твое слово.

— Помоги вынуть покойника!

Шуша запустил обе руки внутрь носилок, взял покойника за плечи. Ощувив холодное тело, он аж задрожал с головы до пят, но, преодолев ужас, крепче взялся за плечи покойника и внес его в могилу.

Все заторопились покончить с процедурой погребения и вывести на свежий воздух Шушу, чуть было не потерявшего сознания. Могилу быстро замуровали, прочитали молитву из корана и разошлись каждый по своим делам. Шуша вернулся домой, переоделся и пошел выполнять свою ежедневную миссию.

В полдень водонос был снова дома. Поел совсем немного. Призрак смерти все еще витал над домом, погруженным в мертвую тишину. Спасаясь от тягостных дум и воспоминаний, Шуша, помолвившись, пошел в кофейню.

Прошло два дня после смерти Шеххаты. Все в доме встало на прежние места. Сейид вернулся к ребятам, Шуша — к ночным бдениям, Умм Амина — к неподвижному сидению во дворе. Воспоминанием о Шеххате остался лишь разорванный сверток, лежащий на сундуке.

На третий день к Шуше явился старик в галлябее и феске. Шуше нетрудно было догадаться — это один из коллег Шеххаты, которых он видел в их кофейне. Вопрос пришельца подтвердил догадку хозяина дома:

— Не здесь ли живет Шеххата эфенди?

— Точно.

— Где же он пропал? Два дня его не видим кофейне... Работа стоит... Хозяин гневается... Нужен он ему...

— Шеххата эфенди приказал долго жить.

— Что ты говоришь?

— Приказал долго жить.

Пришелец был поражен. Явно опечаленный, он произнес:

— Нет, невозможно... Даже трудно представить... Последний раз, когда мы его видели, он был в лучшем виде... На последних похоронах шел словно австралийский конь!.. Единственный, кто не жаловался на длинный путь... Все время шутил и смеялся.

— Теперь уж не вернешь! Смерть — она никого не милует!

— Удивительное дело! Да упокоит его аллах! Хороший был человек! Все делал для того, чтобы только никого не обидеть, не расстроить... Целыми днями или смеялся, или пел!.. И огорчил же ты меня, хозяин!

Пришелец оставался стоять у ворот. Что было делать Шуше? Надо хоть из вежливости пригласить его в дом.

— Проходи, отдохнешь немножко! Выпьем по чашке кофе!

— Благодарствуем! А ты ему кем доводишься? Кажется, я тебя однажды видел вместе с ним в нашей кофейне.

— Очень был дорог мне наш общий знакомец! Как братья мы с ним были!

— Куда как лучше! Твой покорный слуга Хиляль Халияфалла Хиляль, приятель покойного по работе.

— Добро пожаловать!

Старик продолжал стоять у ворот, но не входил и не уходил. Шуше стало неловко. Пришелец между тем бормотал:

— Что же теперь делать?

— То есть?

— Кризис с кадрами... Не можем заработать ни на одних похоронах...

Шуша с сожалением пожал плечами. Что он мог сказать? Пришелец продолжал размышлять вслух:

— Мы так надеялись, что Шеххата придет! Что же теперь делать-то будем?

Шуша молчаливо выражал свое сожаление и бессилие чем-либо помочь. Но старец в феске не останавливался:

— Трудное положение... Если найдем человека, то где взять костюм? Задача...

Тут только Шуша почувствовал, что проблему можно разрешить, и он в этом поможет. Ведь рабочий костюм Шеххаты эфенди был на месте. Во всем их доме никто не мог им воспользоваться. Следовательно, он мог продать его этим трудягам за любую цену. Только

такие, как они, могли носить подобные одеяния. Шуша заговорил:

— Если дело упирается в костюм, то он есть... Все на месте, и тряпка красная, и кадило. Ничего не тронут.

— И то верно! — вскричал старик. — Дай тебе бог! Но кто наденет на себя все это?

— Сам же говорил — есть люди.

— Правильно, говорил, но сейчас где их найти?

На лице говорившего было написано полное разочарование. Но тут он собрался с мыслями:

— Послушай! Пойдем с нами!

Для Шуши это предложение было совершенно неожиданным.

— Я? Пойду с вами? А что я понимаю в вашем деле?

— А что понимать-то? Разве это работа?! Костюм тебе в самый раз?

И ведь правда — он же его надевал! Шуша не замедлил с ответом:

— Как на меня сшит.

— Вот и отлично! Чего толковать?! Наденешь костюм и пойдешь с нами впереди процессии! Похороним, и ты получишь свое! Может быть, пяточок, а может, и гривенник! Если покойник был богатым, а похороны будут пышными, то и все двадцать пиастров заплатить могут. Пойдем, старина, не сомневайся!.. Бог посылает тебе хороший кусок хлеба. Неужто откажешься?

Шуша заколебался. Ему случается еще одна возможность повоевать со страхом перед смертью. Первый раунд он проиграл. Но впереди второй, третий, четвертый! Впереди есть время, и он еще может победить. Как бы сказал Шеххата — дело привычки, не больше и не меньше!

Во мгновение ока в руках Шуши оказался сверток. Он заторопился вместе со стариком в кофейню "Для благородных". Когда они пришли туда, подготовка к похоронам была в самом разгаре. И кофейня, и лавка похоронных принадлежностей гудели, как растревоженный улей. Увидев Халяфалла Хиляля, паломник Сурур заорал:

— Где этот бездельник Шеххата?

— опередил нас.

— Куда делся?

— Туда, откуда никогда не возвращаются.

— Это что значит?

— На кладбище отбыл.

— Сам по себе?

— Не с процессией же!

— Говори серьезно, приятель! Когда вернется?

— Никогда!

— Как так?

— А так, как все грешные. Ушел безвозвратно.

— Ты хочешь сказать — уехал?

— Вроде этого.

— Что значит — вроде этого?

— Значит, умер.

— Умер?! Ты правду говоришь?

— Такими вещами не шутят. Шеххата эфенди умер. Так-то вот.

Услышав эту печальную новость, окружающие зашумели: "Умер? Как умер?.. Дай ему бог место светлое!.. О боже! Что делается! Все от аллаха! Ну и дела..."

Когда гомон затих, Сурур в страхе запричитал:

— Что делать-то будем теперь?

— Проживем!.. Привел человека вместо Шеххаты. Наденет его костюм и займет его место.

— Не об этом я.

— А о чем?

— О пятнадцати пиастрах, которые я ему одолжил. Вот потеря!.. Чувствовало мое сердце — не видеть мне больше этих денег.

Стоя среди этого гама, Шуша внимательно слушал разговоры. Как только он услышал слова Сурура о том, что его деньги пропали, ему пришлось заговорить:

— Не бойся за свои деньги! За покойником еще ничьих денег не пропадало!

— Что-что? Видно, ты его еще хорошо не знаешь! Да он был готов зажулить чьи угодно деньги, даже пророка!

— Зачем так говоришь? Нехорошо. Вот они, твои деньги.

Шуша вытащил кошелек, извлек оттуда две монеты и протянул их Суруру. Тот удивился:

— Чудо! Те самые! Дай ему бог! Наверное, не успел истратить. Небывалое дело!

Ходячий склад наркотиков сидел, забившись в угол. Даже среди этого гама он оставался в полусонном состоянии. Но вроде словесная трескотня достигла и его ушей. Кажется, и он понял, что случилось. Его веки приоткрылись. Ни к кому не обращаясь, он произнес своим скрипучим голосом:

— Не хочу я своего пяточка. И табаку, и гашишу. Пусть их... Да святится душа покойного!

Воздев руки к небу, он продолжал:

— Простит его господь!.. Правда, был он бабник, шутник и балагур... Но все же он дороже всего того, что у меня занял. Хороший был, незлобивый, не обидчивый... Никому вреда не делал... Бог с ним!..

Шуша присоединился к словам шейха Сейида:

— Твоя правда... Чистое у него было сердце, доброе.

Шейх Сейид ничего не сказал. Он продолжал разговаривать с аллахом:

— Что ты хочешь от своего раба, кроме того, чтобы он не обидел своего брата? Можешь ли ты обижаться на то, что он хочет получить немного удовольствия в жизни? Какая тебе польза от того, что ты запретишь ему это? Прости ему, господь! И нас с ним прости. Все мы твои рабы.

Шейх Сурур вынужден был повысить голос, чтобы прекратить излишества Сейида. Обращаясь к Шуше, он крикнул:

— Давай одевайся! Чего ждешь? И так нет времени.

Тут появился Хиляль и спросил:

— Одеваться-то умеешь?

— Знаю, как одевать пиджак и брюки. Остального сроду не надевал. Ума не приложу — как это делается.

— Пойдем, помогу.

Через несколько минут Шуша был одет по всей форме. Хиляль шел за ним и с удовольствием приговаривал:

— Вот здорово! Кто увидит, скажет: настоящий "благородный"! Надвинь немного феску на лоб... Во-во! Так лучше!

Обращаясь к паломнику Суруру, Хиляль воскликнул:

— Ну как — пойдем завершать похороны?

— Покойник ждет нас в квартале аль-Гамалийя. Оттуда двинемся к Мугавизин... Приведите себя в порядок... Я присоединюсь к процессии в квартале Кахкакин... Только чтоб порядок был, без всяких там!.. Будьте повнимательней с новеньким, как бы он чего не выкинул!..

— Не бойся, я его беру на себя.

Шуша вместе со всеми двинулся вдоль улицы аль-Халиг, направляясь к улице Амир аль-Гейш и далее к кварталу аль-Гамалийя. Подошли к дому покойного. Шуша начал наблюдать за собравшимися на похороны, за энергичной подготовкой к ним. На него это произвело большое впечатление. Лицо его стало печальным и суровым. В голове затеснились безрадостные мысли.

В таком состоянии Шуша находился до тех пор, пока не начали выносить носилки с телом покойного. Плач и стенания усилились настолько, что казалось — они слышны даже в космосе. Сердце разрывалось от этого воя. Увидев носилки, обернутые в белое шелковое покрывало, он понял, что умерла молодая девушка. Он совсем потерял над собой всякий контроль и захлебнулся в рыданиях. Окружающие его коллеги захихикали. Они смотрели на него так, как смотрят большие мастера своего дела на несмышлениша ученика, впервые взявшегося за незнакомую работу. Ни знаний у него, ни сноровки, ни умения держаться в трудных ситуациях. Хиляль начал успокаивать Шушу:

— Да хватит тебе. Оставь немножко и на другие похороны. Впереди еще много случаев поплакать. А то еще двое-трое похорон, и ты совсем кончишься... Заставишь кого-нибудь другого оплакивать тебя самого... Крепись, приятель, крепись! Будь разумным! Не смотри себе под ноги, не расстраивайся так!

Тут в разговор вмешался шейх Сейид:

— Чего плачешь-то, молодец? Мертвого ли оплакиваешь или дальнюю дорогу, которая нам предстоит?

— Мертвого, — сказал за Шушу Хиляль.

— Покойного? Зачем? Чего по нем плакать? Он что — голодный, его мучает жажда, больной, усталый или что? Спит себе в свое удовольствие. Он должен нас оплакивать, а не мы его... Когда я помру и меня положат в гроб, то я покажу язык тем, кто меня оплакивать будет... Зачем наоборот-то делать? Нужно ли оплакивать того, кто в этом не нуждается? Что же получается — страдающий оплакивает того, кто не страдает? Люди, не будьте дураками, не заставляйте покойников смеяться над вами!..

Похоронная процессия двинулась. Шуша занял свое место в строю "благородных". Пришли на кладбище. Покойника быстро упрятали в могилу. Вместе со всеми Шуша вернулся в кофейню, быстро переоделся, получил причитающееся и пошел домой с печально опущенной головой, красными глазами, опухшим носом. И второй раунд закончился его поражением.

* * * * *

Домой Шуша вернулся уже в сумерки. Его встретил сын, который бежал вприпрыжку по переулку. Еще издали он закричал:

— Муаллим Хишт спрашивал тебя несколько раз. Он велел мне тебя предупредить сразу, как придешь, — очень ты ему нужен.

Не успел Шуша ответить сыну, как тот, увидев на лице отца следы усталости, опередил его снова:

— Что с тобой, отец? Ты где был?

— Да так, прогулялся.

— А чего такой расстроенный?

Деланно засмеявшись, Шуша ответил:

— С чего ты взял? Совсем не расстроенный. Возьми пиастр, купи себе чего-нибудь вкусного.

Но Сейид без большой радости взял деньги. Он повертел монету между пальцев так, как будто это была ничего не стоящая пустяковина.

Мальчишка очень любил отца. Он всегда переживал, когда видел его усталым или расстроенным. Сейид захотел еще о чем-то спросить отца, но тот упредил его:

— Беги, сынок, скажи Хишту, что я вернулся. Пусть приходит, буду рад ему.

Сейид быстро взбежал по лестнице вверх передать Хишту приглашение. Шуша пошел к себе, помолился и сел в ожидании гостя.

Услышав неторопливые шаги соседа, он встал, чтобы его приветствовать у входа, пытаясь придать своему лицу максимально радостное выражение.

- Заходи, заходи!.. Добро пожаловать!..
- Как дела, муаллим Шуша? Как настроение?
- Грех жаловаться... Дела идут.

Муаллим Махмуд сел на край постели, которая под ним закрипела. Когда тот устроился поудобней, Шуша сел на низкий деревянный стул, продолжая сыпать приветствиями. Увидев сына, убегающего во двор, он окликнул его:

— Сейид! Пойди-ка принеси бутылочку прохладительного.

Хишт начал бормотать: "Незачем, лишнее... К чему парня утруждать". Но Сейид уже бежал выполнять распоряжение отца. Он тут же вернулся с бутылкой лимонада. Пошел на кухню, взял небольшой стакан, вылил туда не больше половины бутылки, а остальное выпил сам. Поставил стакан на поднос и предложил напиток гостю. Сейид ждал до тех пор, пока гость выпьет. Тот сделал добрый глоток и отставил от себя стакан, в котором еще немного оставалось. Парнишка взял стакан, ушел снова на кухню и допил оставшийся лимонад. "Вот повезло, — подумал Сейид. — Почти полбутылки выпил". И он радостный побежал на улицу.

Мужчины обменивались ничего не значащими вопросами, обыденными фразами. Хишт вдруг заерзал, широко заулыбался.

— Вот пришел узнать твое мнение по одному делу. Мы ведь не просто соседи, а в некотором роде почти родственники.

— Это уж точно, справедливо говоришь.

— Послушай тогда. Муаллим Ахмед аль-Фукахани приходил ко мне пару дней назад. Просил руки Закии для своего сына Ибрагима. Я ему говорю — дай поразмыслить. Подумал, взвесил все так и сяк и решил — парень неплохой... Работящий, заботливый... Ладно, думаю, соглашусь... Дай вам бог всего наилучшего!.. Спрашиваю потом жену. Она мне: как скажешь, так и будет. А что ты на это скажешь? Ведь один ум хорошо, а два лучше...

Шуша обстоятельно подумал и ответил:

— И то правда: отец — хороший человек, обеспеченный. И парень неплох, смысленый. На твоём месте я бы не задумывался.

— Ты так считаешь?

— Дело верное.

— Добро. Сегодня вечером он зайдет ко мне. Скажу ему — согласен, чего больше тянуть.

— Бог в помощь!

— Собираюсь хорошую свадьбу устроить. А то и сам давно как следует не веселился. Устрою вечер сидячий, с почестями.

— Аллах да увеличит твои радости!

Хишт рассмеялся. На лице его выразилось удовлетворение. Он поднялся, протянул руку для прощания. Стоял он как раз напротив уборной. Заметив длинную мокрую полосу, идущую по стене сверху вниз, Хишт раздосадованно произнес:

— Что за беспорядок? Очевидно, наверху водопроводная труба протекает. Надо посмотреть, нельзя ли исправить дело.

— Не беспокойся, сосед, — сказал с улыбкой Шуша. — Этому водяному следу на стене почитай лет десять. У него такая же история, как и у моего обиталища.

— Словом, надо позвать водопроводчика, пусть посмотрит. Если что не исправно — починит. Салам алейкум! Спокойной ночи тебе, муаллим Шуша! И тебе, тетушка Умм Амина!

— Почивай на здоровье, муаллим Махмуд, — ответила бабка.

— Храни тебя аллах!

Собравшись уходить, Хишт вдруг остановился, как будто что-то забыл.

— Кстати, на время свадьбы, может быть, понадобится твоя комната, может и две. Ты не будешь возражать?

— Что ты! Весь дом и его обитатели в твоём распоряжении!

— Ну, спасибо, уважил.

Весть быстро стала достоянием всех жителей дома. Встретив своего приятеля, Сейид спросил:

— Али, правда твоя сестра выходит замуж?
— Говорят.
— А свадьба будет?
— А как же!
— Должен быть свадебный плов.
— Это что за еда?
— Ну, знаешь, варят рис с вермишелью и анисом? Очень вкусно. Помнишь, прошлый год мы пробовали у муаллима Зейна?
— Помню этот вечер. Там еще была танцовщица. Почти голой танцевала.
— А у вас будет танцовщица с оркестром?
— Наверное, отец позовет.
Сейид сгорал от предвкушения удовольствия. Ему хотелось, чтобы день свадьбы пришел как можно скорее.
— Веселая будет свадьба? Когда?
— Один аллах знает! Вроде бы рано. Предстоит еще церемония передачи власти. Отец с матерью совещаются.

* * * * *

Но вопрос решился гораздо быстрее, чем ожидали ребяташки. На следующий день Хишт постучался к Шуше и сообщил, что уже договорились устраивать свадьбу в четверг. Будет официальная регистрация. Потирая от удовольствия руки, Хишт продолжал:

— Тебя, конечно, особо приглашать не надо. Моя дочь — твоя дочь. Моя радость — твоя радость.

— К чему лишние слова! Конечно!

— Во дворе я сделаю шатер для мужчин и ребяташек. Дом отдам в распоряжение женщин и подружек невесты... Да, как насчет комнаты, о которой я тебе говорил? Хотелось бы поместить там приглашенных мужчин.

— Все мое жилище в твоём распоряжении! Чего спрашивать!

— Дай тебе бог, добрый ты человек!

Этот разговор произошел в воскресенье. Значит, до праздника оставалось всего несколько дней. Все они прошли в бурной подготовке к важному событию.

Первым украшением были два зеленых флага, вывешенных на воротах дома, цветные стружки. В центре повесили расцвеченную корону. Это было первым осязаемым доказательством того, что и вправду свадьба состоится. Ждать оставалось совсем немного, и не за горами удовольствие поесть долгожданного свадебного плова с вермишелью и анисом.

Последующие дни летели для Сейида на крыльях ангелов. Все больше появлялось признаков приближающегося торжества. Двор покрыли циновками. На следующий день к воротам прибили еще два флага и цветной стеклянный шар. Еще через день стояки ворот обвили зеленью, переплели их зелеными и белыми лентами. И вот наступил четверг. Большой шатер был полностью готов к приему гостей. За ним расположился небольшой шатер, в котором была устроена кухня, заваленная всякими съестными припасами.

Целую неделю все обитатели переулка готовились к событию: одни — в качестве родственников, другие — приглашенных. Все они старались как можно лучше выполнить свой долг. Готовились все, кроме Шуши, который по уши погряз в похоронах и отпевании покойных. Аллах как бы открыл для "благородных" рог печального изобилия. Похороны были масса. Шуша, кажется, окончательно отдался новому занятию. С каждым похороном росла его сопротивляемость страху перед смертью, укреплялись нервы, с каждым разом он все легче переносил моральные тяготы участия в проводах рабов божьих к месту их вечного поселения. Ему уже казалось, что еще несколько похорон, и он окончательно избавится от всякого страха перед смертью, покойниками и могилами. Шуша уже привык каждый день появляться в

кофейне "Для благородных", участвовать вместе с ними в похоронных процессиях, извлекать из них двойную для себя выгоду — материальную и моральную.

В переулке уже говорили с удивлением о Шуше, видя его каждый день после обеда шагающим со свертком под мышкой. Удивлению обитателей Кошачьего переулка не было предела, когда они услышали рассказ очевидца, увидевшего Шушу, шагающим в колонне хоронивших, одетого в траур, с кадиллом в руках.

Люди толковали это событие по-разному. Одни говорили: Шушу одолела страсть к деньгам. Воспользовался смертью Шеххаты и наследовал его имущество и работу. Другие считали, что Шуша получает удовольствие от печальных зрелищ, третьи — с ума спятил водонос. Мало ли что говорят люди!..

Но все эти разговоры велись между собой. Никто не рисковал спросить Шушу прямо. Шли дни, и люди привыкли к причудам их соседа-водоноса. Разговоры стали утихать. Вскоре об этом вопросе и совсем забыли. Другое дело — Сейид. Он не переставал думать об изменениях, происшедших в поведении и характере отца. Он начал страдать от разговоров о его отце.

Вся эта история казалось ему отвратительной. От нее несло запахом той, которая забирает с собой навсегда живущих, не оставляя им никакого шанса на возвращение... Похоронный наряд отца напоминал ему о Шеххате, о невозвратности того, кто ушел навсегда. Он понимал, что утрата безвозвратна, что этой утрате нет никаких оправданий и объяснений. Потерял бы он шарик беле или что-нибудь подобное, то не очень бы расстраивался. Он знал бы, где потерял, у него всегда бы оставалась надежда на то, что найдет утерянное. А если нет, то всегда можно найти замену. Но эта его потеря не восполнима. Что может быть хуже?

Сейид тщательно скрывал свои думы и переживания от приятелей. Дело касалось лишь его самого и любимого отца, без которого он и не представлял себе белого света. Он не хотел его расстраивать и поэтому переживал про себя. А тут еще приготовления к свадьбе Закии. Парнишка постарался отрешиться от своих грустных раздумий и окунуться в реальный мир с его радостным гамом, флагами, устланным циновками двором.

Глава 10

Хозяин водяного трона

Наконец наступил вечер четверга. Все приготовления к большому празднику закончились. Шатер был настолько большим, что занял почти весь переулок. Над его входом развевались флаги. Всюду полыхали факелы, которые зажигал черный, как чертенок, мальчишка с лестницей. У входа в шатер сидел оркестр. Музыканты были одеты так же, как королевская гвардия. Но костюмы были явно не по размеру — одним они были настолько велики, что в них можно было завернуться, а другим настолько малы, что пуговицы едва сходились.

Оркестр почти не прекращал играть. Едва закончив, они снова брались за инструменты, чтобы сыграть туш новому гостю. Если появлялся богатый уважаемый человек, то оркестр играл медленно и полностью, если же простак, им подобный, — то быстро, сумбурно и лишь начало. Поток гостей прекращался, и оркестранты начинали играть популярную в квартале песню: "Господи! Я твой раб..." Но стоило появиться новому гостю — снова игрался туш.

Шатер все больше заполнялся приглашенными. Но среди них почти не было незнакомых лиц, все больше обитатели Кошачьего переулка. Вот сидят муаллим Матарейн, Заки Зейн, бакалейщик Шеха, парикмахер Ид. А вот в другом углу сидят Али аль-Хама, Гадд, сын паломницы Замзам, паломник Ибрагим аль-Муирги, привратник дворца Габбала. Еще в одном углу расселся шейх Абдель Расул со своими помощниками. В этой группе оказались незнакомцы.

В центре большого шатра было сооружено нечто подобное трону. Это было деревянное возвышение, составленное из высоких скамеек, покрытое коврами и цветными циновками.

В маленьком шатре-кухне работа кипела. На временно сложенной из камня печи жарилось и варилось множество блюд. Шеф-повар беспрерывно отдавал кому-то приказы.

Из-за кухни выглядывает маленькое лицо с длинным носом, который шумно втягивает воздух, улавливая вкусные запахи. Лицо поворачивается назад к невидимому:

— Ого, Али!

— Что ты этим хочешь сказать, Сейид?

— Когда есть-то начнут? А то у меня в животе урчит. Уже два дня как не ем, все готовлюсь к свадебному обжорству.

— Потерпи немного, пока все гости сойдутся.

— Послушай, мы одни будем есть или со взрослыми?

— Если бы я знал...

— Лучше, если мы одни. Пойди скажи отцу.

— Прямо сейчас?

— А то! Не после же ужина!

Али готов был уже бежать в главный шатер, где отец приветствовал гостей, но Сейид схватил его за руку:

— Постой! Не надо сейчас... А то дадут нам всякой бурды, И получится — ни то ни се... Лучше поедим со взрослыми. По крайней мере нас ничем не обнесут. Что скажешь?

— Правильные слова говоришь! Мы даже дважды поедим.

— Это как?

— Раз — с мужчинами, другой — с женщинами.

— Вот здорово придумал! Светлая у тебя голова! А я-то всегда тебя считал дурачком. На сей раз ты превзошел все мои ожидания. Молодец! Послушай!

— Что?

— Ты должен узнать, кому дадут еду в первую очередь — женщинам или мужчинам?

— Всего-то?

И Али помчался в большой шатер. Через минуту он вернулся и зашептал:

— По всему видно — женщины будут первыми.

— Тогда пошли наверх, а то опоздаем!

Ребятишки побежали в дом. Двор буквально кишел мальчишками и девчонками. Двери в комнату Шуши были распахнуты настежь. И там, и в прихожей стояло несколько скамеек и большой стол, уставленный пустыми тарелками и мисками. Умм Амина сидела у себя в своей привычной позе.

Оба парнишки протиснулись наверх. Оттуда неслись громкие восторженные восклицания. Все помещение было забито женщинами. В середине стояли две скамейки, на которых восседали подружки невесты. Ими командовали две солидные женщины. Одна — Ихсан, которая состояла из почти одинаковых по размеру шаров. Толстое белое круглое лицо было похоже на круглый противень, на котором жарят картошку. Тело состояло из больших кругов белого мяса, наложенных один на другой. Руки и ноги также были круглыми, толстыми и белыми. В общем, женщина была красивой. Она важно, ласково уговаривала толпившихся вокруг ее девушек — шумящих, поющих баловниц. Другая женщина была старой, сморщенной, одетой в черную накидку. Тут же был музыкант, который настраивал свой камуз¹⁶.

Сейид ловко прокладывал себе путь среди этого обилия живого белого мяса, проталкиваясь между огромных бедер и выдающихся бюстов. Тут его схватила мать Али:

— Где твоя бабушка? Почему не поднимается?

— Вроде бы внизу сидит...

¹⁶ Струнный инструмент.

— Внизу? О горе мое! Почему? Ей что — особое приглашение надо? Ну и женщина! Пойду вниз, приведу ее. Разве может быть свадьба без нее!..

Мать невесты пошла вниз и вскоре вернулась, ведя за руку старушку. Освободив место в одном из углов комнаты, она заботливо усадила ее на скамейку.

Сейид с приятелем вертелись всюду, выискивая себе место поудобнее. Но большой круглый стол оставался пустым. Сейид не выдержал:

— До сих пор — ни куска. Надо ждать здесь, тогда попадем в первую очередь. Поедим и полетим вниз, к мужчинам, там еще раз отведаем разной еды.

Из прихожей раздался призывный женский голос:

— Эй, бабоньки! Вы что, на похоронах? Чего молчите?

Вопросы адресовались к Ихсан. Та пыталась угомонить пчелиный гул девчонок.

— Помолчите же хоть немного! Пора начинать, а вы никак не успокоитесь! Тафида, ты готова?

— Да, начальница, готова, — отвечает Тафида. — Только никак не найду кастаньеты. Эй, дочка, Шарбат! Не тебе ли я их дала, когда мы шли сюда?

— Я не слуга твоего отца, чтобы нести сюда твоё барахло, — грубо крикнула Шарбат, — Сама бы взяла... Или руки отсохли?

Тут вмешалась начальница Ихсан, чтобы унять ссору:

— Хватит вам орать! Не время ругаться... Заткнитесь обе. Перед людьми должно быть стыдно. Наима, отдай ей свои кастаньеты. Пора начинать, гости собрались...

Она взяла бубен, ударила пару раз, начала подкидывать его и попросила одного из музыкантов:

— Сыграй-ка, пусть женщины потанцуют! Давай, Халиль!..

Музыкант и рта не раскрыл, а лишь быстрее начал перебирать струны своего камуза. Его корпус раскачивался в такт музыке.

Тафида встала, пошла в центр помоста, согнала всех гам рассеявшихся, подняла своей накидкой тучи пыли, очищая сцену для танцовщицы. Стройная девушка с кастаньетами, зажатými между пальцев, поднялась на помост. Она мерно покачивала роскошными бедрами, слабо прикрытыми бахромой из тюля и бисера. Ее полные ноги были обнажены. Живот у танцовщицы был круглый, нежный, как подходящее тесто для пирогов. Грудь туго затянута ярким куском материи.

Музыкант воодушевился. Его пальцы еще быстрее забегали по струнам. Танцовщица поплыла в такт музыке. Она отлично владела своим телом. Следуя такту, отбиваемому на бубне, девушка раскачивалась всем корпусом, крутила бедрами, животом, грудью.

Танец закончился. Сейид громко захлопал в ладоши, протиснувшись к самой сцене. Он крикнул на ухо Али:

— Какова?! Чудо, а не девка!

Тут же Ихсан обернулась к хору девушек, махнула рукой, и они запели величальную "Ах-ах! Чего злишься? Нет у тебя на то никакого права!" Песня зазвучала на весь переулок. Сейид начал было подпевать, но вдруг замолчал и схватил Али за руку.

— Видишь?

— Что — видишь?

— Видишь, что поднимается по лестнице?

— Ага! Несут!

— Давай поспешим. Хватит с нас этих танцев да песен. Пошли за стол. Умираю по рису с орехами и прочими приправами.

Оба быстро проникли в комнату, где был накрыт стол, и сели на лавку. Вскоре появился большой поднос с рисом, который Сейид увидел еще на лестнице. Человек, несший поднос, начал раскладывать рис по тарелкам и мискам. Мальчишка внимательно наблюдал за этой важной операцией и облизывался. Раздатчик, вдруг увидел Сейида и грозно крикнул:

— Ты здесь чего делаешь? А ну, брысь отсюда! И ты тоже! Бегите по своим делам, пока не заработали!

— Какие у нас дела? Еда — вот наше дело. А ты не отвлекайся, быстрее раздавай. А уж мы быстро все упрячем в живот!

Мальчишка заклекотал от смеха. Мужчине это совсем не понравилось. Он схватил Сейида за руку и сильно дернул, стараясь оттащить его от стола. Но не тут-то было. Мальчишка вырвался из рук и угрожающе заговорил:

— Но-но, полегче. Ты думаешь, мы кто?

— И кто же вы такие?

— Это вот сын хозяина дома... Брат невесты, значит.

— А сам ты кто будешь?

— Брат жениха.

Окружающие засмеялись. Их преследователь тоже заулыбался.

— Другое дело, уж извините, пожалуйста. Таким гостям почетное место. Добро пожаловать! Только не очень спешите. Подождите, когда гости начнут.

— Ладно, не к спеху, подождем.

Пока шли эти переговоры, принесли и другие угощения. Сейид начал хватать еду со всех тарелок, время от времени спрашивая Али: "Что это за еда, а что это?" Он ел не останавливаясь, пополняя свою миску всем, что попадалось ему на глаза. Насытившись, он взял приятеля за руку.

— Потопали вниз.

— Послушай, я настолько сыт, что и горошины не в состоянии больше проглотить.

— Не обязательно есть! Просто посидим, посмотрим на людей, послушаем, о чем говорят. А может, чего и съедим, орешков, кусочек мяса... На свадьбы-то нас приглашают раз в двадцать лет.

Они побежали вниз, присоединились к другому кругу людей, но он оказался для них не таким интересным, как первый. Сидевшие за столом лениво болтали о пустячных вещах. Отсюда приятели пошли в большой шатер.

Там музыканты и певцы уже занимали свои места. Раздавался нестройный хор настраиваемых инструментов, Певец — Абду Зияда — был одет в черную пару, точно такую же, как была у Шеххаты. Лицо у него было темным, морщинистым, изрытым оспой. Он то и дело облизывал губы, язык его двигался так, как будто он что-то сосал. Со всех сторон кричали, прося исполнить ту или иную песню. Певца дружно приветствовали, он отвечал, высоко подняв вверх обе руки. Он кивал головой на каждую просьбу.

— Спою... Обязательно... Услышишь и эту песню...

Оркестр настроил инструменты, и певец запел известную песню, обращаясь к одному из сидевших. Это был своеобразный гимн хорошим, добрым людям. Пел он так медленно, так растягивая слова, что они были совершенно непонятны слушателям. Певец давал им возможность домысливать содержание песни на свой вкус. Тем не менее певцу бурно захлопали, со всех сторон несло "браво!" Трудно объяснить, почему так шумели слушатели. Или песня им была по душе, или уж так заведено — не обижать певца холодным приемом. Во всяком случае на всех очень подействовала шумная атмосфера в шатре. На лицах появились улыбки — признаки большого довольства. Абду Зияда с еще большим воодушевлением распевал непонятные слова.

Между певцом и слушателями установился тесный контакт. Они подпевали ему кто как мог. Восторги лились через край. Но тут все услышали громкий хохот, раздавшийся у входа в шатер. Он заглушил и оркестр, и певца. Среди хохота слышался крик:

— Объясните нам — что за сборище?

Певец замолчал, присутствующие обернулись на голос. В шатре воцарилась напряженная тишина. Гости с удивлением узнали в кричавшем муаллима Али Дангалья. Лицо его выражало отвращение. Муаллим Изз беспокойно забормотал:

— Видно, двойную дозу гашиша выкурил и кочевряжится. Дай бог, чтобы вечер закончился нормально!

Дангаль снова заорал:

— Что уставились? Молчите, словно вас божья кара настигла. И "пожалуйста" сказать не в состоянии? Если нас не приглашают — сами зайдем. Пошли, мужики, посмотрим! Уступите дорогу! Пройти дайте!

Перед ним расступились. Дангаль вошел, за ним еще несколько человек. Лицо Хишта налилось кровью. Он вскочил, но Шуша его задержал:

— Сиди... Сам не лезь... Пусть себе сидит. Пусть праздник закончится по-хорошему.

Затем Шуша обратился с приветствиями к вошедшим:

— Проходите, пожалуйста, приятель! Добро пожаловать! И вы садитесь, отдохните, послушайте.

Дангаль не удостоил его ответом. Он взгромоздился на помост и замахнулся палкой, угрожая певцу. Хишт снова вскочил со своего места. Но и тут Шуша остановил его:

— Сядь ты наконец! Разве не знаешь этого болтуна и проходимца? Лучше всего его выпроводить по-хорошему, без шума. А то весь вечер испортит.

— Это кто болтун и проходимец? Я?! Да я тебе брюхо распорю и кишки выпущу! Настроение вам испорчу?! В куски искромсаю бездельников!

— Чего расхотелся? Успокойся. Совесть имей! — заговорили со всех сторон.

Подойдя к Дангалю, Шуша попробовал его успокоить:

— Садись, пожалуйста! И вы все, гостями будете!

Но Дангаль распырало от воинственности и желания поиздеваться над кем-нибудь.

— Эй, Абду! Это ты тут поешь? Ух, как вознесся! Бедный бубен, целую ночь сопровождал такой бездарности! А я чем не певец? Чем я хуже тебя? Пойди прочь, уступи мне место!

Певец вопросительно смотрел на сидевших: "Уходить или кто спасет меня от позора?!" Тут Хишт окончательно потерял терпение. Выхватив из кармана длинный нож, он бросился к обидчику.

— Пустите меня! Ах, собачий сын, я ж тебе кишки сейчас выпущу! Не знаешь, что ли, у кого радость?! Пустите меня!

На его пути снова встал Шуша, схватил Хишта за руки.

— Хоть ты не галди! Убери нож! Чего размахался? Пстой, я знаю, как научить его уму-разуму.

— Говорю тебе — пусти! Невмоготу!

— Это еще что за баба там раскудахталась? Кто...

Дангаль не успел договорить. Шуша схватил стул и с быстротой молнии швырнул его в лицо буяну. Затем как стрела метнулся и сильно ударил Дангаль в бровь. Брызнула кровь.

Удар был внезапный. Все ждали, что драка завяжется между Хиштом и Дангалем. Шуша выступал в роли миротворца. Никто не ожидал, что именно он начнет драку.

Дангаль не успел оправиться от удара. Он не чувствовал, как льется его кровь. А Шуша снова пошел в атаку. Он сильно ударил соперника в верхнюю часть живота, "под дыхало", как говорят в народе. Дангаль дико взвыл, схватился за живот и упал на землю. Шуша подхватил его и ударил головой в лицо. Противник был повержен, у него не оставалось сил для сопротивления. Но тут один из приятелей поверженного хватил Шушу палкой по спине. Другой схватил факел и стал громить стулья. В шатре началась потасовка. Шум стоял невообразимый. Женщины визжали от страха.

Раздались пронзительные свистки. Появилась полиция. С колокольным звоном подъехали кареты "скорой помощи". Сражение прекратилось. "Скорая помощь" увезла Дангаль и одного из его сторонников. Гости, музыканты, певцы быстро разошлись по домам. Уборщики начали собирать стулья и другую мебель. Всюду воцарилась тишина, все было как обычно. Вроде и не было ни свадьбы, ни драки, ни веселых песен.

Шуша сел на свою кровать, но не стал, как всегда, смотреть на звезды, а занялся лечением раны на спине. Удар палкой был ощутимым. Вдруг он услышал осторожные шаги и чьи-то руки обняли его за шею. Обернувшись, он увидел сына. Плачущим голосом тот заговорил:

— И напугался же я! Мне казалось, что палка опустилась на мою голову. Тут я схватил деревяшку и врезал этому задире.

Шуша засмеялся, поднял сына на руки, усадил рядом.

— Вроде неплохо я его?

— Неплохо! В порошок ты его! Никогда не думал, что ты такой смелый и сильный. Чувствую — между вами затевается... А стул-то!.. Как бомба полетел! И "русский" удар получился на славу!

Шуша хлопнул Сейида по спине.

— Иди спать. Поздно уже.

— Совсем еще рано!

— Хватит, иди, повеселились достаточно.

Мальчик пошел спать к бабушке. Отец немного посидел, но тоже быстро сморился.

Утром Шушу разбудил стук в дверь. В выходной он привык спать подольше, не вставать спозаранку. И вечер выдался тяжелый — эта бессмысленная драка. Очень хотелось отдохнуть как следует. Он открыл дверь, солнце залило комнату яркими лучами. Утро было в самом разгаре.

Открыв дверь, Шуша увидел на пороге мужчину, одетого в желтый мундир. Он сразу же спросил:

— Здесь живет старший водонос Шуша?

— Верно.

— Где он?

— А я самый. В чем дело?

— Доброе утро!

— Проходи пожалуйста, утро доброе!

— Я из компании... Компании по водоснабжению.

— Что-нибудь случилось?

— В контору тебя зовут, на улицу аль-Фаггалья.

— Не знаешь, зачем?

— Кажись, хотят тебе поручить начальствование над колонкой. Между нами говоря, этот Дангаль, сукин сын, не справляется. Жалоб на него много... Работать только к полудню начинает... И в казну руку запускает... Наверное, изловили его на воровстве, кто знает?! Всякое говорят. Не знаешь, чему верить. Сегодня совсем колонку не открыл. Есть слух — на "скорой помощи" его увезли... Вроде затеял драку и его отделали... Всякое болтают... Хочешь верь, хочешь нет.

— Не болтовня это, правда... Это я его так... в больницу.

— Дай поцелую! Воздай тебе аллах за такое благое дело! Ужас какой был заносчивый и грубый... Как-то раз приходит он в контору, я вежливо спрашиваю — что, зачем. А он начал позорить меня перед людьми, облаял. Грозился палкой... Если бы попробовал, как лягушку бы раздавил...

— Видел бы ты его вчера... Как труп распластался...

— Bravo тебе! Ну, пошли, а то время уже позднее.

— Сейчас, только пойду оденусь получше. А то заходи, отдохни, кофе тебе сделаю.

— Не-е, нет времени. Одевайся скорее!

Шуша поспешил к себе. Он не сомневался: этого пакостного человека выгоняют. Радость от предвкушения занять новое место была настолько велика, что он не мог ее сдерживать. Пост начальника колонки он считал по праву принадлежащим ему. Он еще прошлый раз должен был занять водяной трон в квартале аль-Хусейния. Но люди распорядились по-иному, посадив на него Дангалья. Шуша был уязвлен до глубины души, но сдержался, терпеливо снес удар. Он лишь усердно молился аллаху, чтобы тот восстановил справедливость. И тот внял мольбе, теперь он садится на трон, в его руках будут ключи от водяного богатства квартала.

Одевшись, Шуша пошел к матери. Та сидела и тихо молилась. Сейид еще спал.

— Доброе утро, мать! А Сейид не просыпался?

Сын повернулся в постели, открыл один глаз, мигнул и снова закрыл. Бабушка вступилась за него:

— Пусть поспит. В школу сегодня не идти.

— Ладно, пойду в компанию.

— В какую?

— По водоснабжению.

— Чего ради? Хранит тебя аллах!

— Не пугайся! Иду ключи от колонки получать.

— Какой колонки?

— Откуда воду берут. Все. Занимаю место Дангаля.

— Вот радость! Поздравляю тебя, сынок! Бог тебе послал! Теперь долой бурдюки.

Сейид раскрыл глаза и удивленно спросил:

— Как, бурдюки в сторону?

— Все, теперь я начальник! — весело сказал отец.

Мальчишка аж подскочил от радости.

— Правда? Вместо Дангаля будешь сидеть в будке?

— А то! И мы не лыком шиты!

Сын радостно захлопал в ладоши, запрыгал и запел. Повернувшись к отцу, спросил:

— А Дангаль где?

— В больнице. Вчерашняя драка ему дорого обошлась.

— Так ему и надо, — забормотала Умм Амина. — Не будет нападать на людей, омрачать им радость.

Шуша вместе с представителем компании пошел в контору. По дороге они познакомились. Шуша спросил:

— Прости, как величать прикажешь?

— Твой покорный слуга Халиль... Мухаммед Халиль аш-Шанавани.

— Покорный твой слуга Шуша ад-Донаб.

— Очень приятно. На страховку денег взял?

— Страховка? Эх-ма, совсем забыл об этой детали. Сколько потребуется?

— Думаю, в пределах ста пятидесяти пиастров.

— Так много?

— Примерно столько выйдет.

Шуша замедлил шаги и задумался. Этого обстоятельства он не учел. Сто пятьдесят пиастров разом. Откуда у него такие деньги? Всего капитала в кармане три гривенника. Пришли бы к нему вчера или позавчера — заплатил бы запросто. Заработал на похоронах около фунта. Но вчера он купил новый бурдюк, отдал починить тележку.

Подшли к лавке Хишта. Тот развешивал туши. Увидев подходивших, радостно закричал:

— Как дела, сосед? Куда направляешься? Разодетый...

Шуша понял: без участия Хишта ему не решить денежного вопроса. Человек он отзывчивый, добрый, для него не поскупится на сто пятьдесят пиастров... Если они у него, конечно, есть. Вроде неоткуда, вчера, наверное, все на свадьбу дочери ухлопал.

Да-а, задача. Откуда у Хишта утром такая сумма? Вот не везет! И почему его давнишняя мечта не могла осуществиться несколькими днями раньше? До свадьбы Закии? А как было тому случиться без этой свадьбы? Ведь из-за нее Дангаль попал в больницу.

Во всяком случае... Чего загадывать? Попробуюсь. А вдруг?.. Извинившись перед Халилем, Шуша пошел к лавке.

— Дело срочное, муаллим Шуша, — заметил посыльный.

— Я быстро, всего несколько слов. Дело очень важное.

Хишт встретил соседа кучей восклицаний:

— Что за радость? Зачем так разоделся?

— В контору иду.

— Чего тебе там?
— Позвали, чтобы поставить вместо Дангаля.
— Неужели! Вот здорово! Вот это работа! А то!.. Хлеб нужно отдавать тем, кто его печет. А то какого-то проходимца ставят на такое ответственное место. От души поздравляю!
— Спасибо. Но есть небольшая загвоздка.
— В чем дело?
— Подзанять у тебя нужно. В ножки кланяюсь.
— Какие слова говоришь? Позор! Мы же родственники, из одной семьи!.. Хоть голову руби!..

— Нужны полтора фунта для страховки. А у меня...
Шишт задумался, почесал у себя в затылке. Хлопнул по лбу и затараторил:
— Больше ни слова! Придумал... Дело поправимое. Бери!.. Вот тебе сто пятьдесят пиастров. Оставил их для поставщика... Но бери, пользуйся ими ты... Придет поставщик — аллах его утешит!.. Слава богу! Думал, и ломаного гроша у меня нет... А вот поди ж ты!.. Надо уважить соседа. Дорог ты мне, всегда готов выручить.

Шуша залился краской стыда.
— С поставщиком-то как разойдешься?
— Бери, бери, аллах поможет. Иди занимать заслуженный тобой пост. Я с таким удовольствием посмотрю на тебя, сидящего в будке у колонки! Есть еще справедливость на свете...

— Вот выручил! Дай тебе аллах сто лет жизни! Да поможет он мне отплатить за твою доброту!

Шуша заторопился к Халилю, и оба двинулись к зданию компании на улице аль-Фаггаля. Формальности были закончены без проволочек. Шуша немедленно пошел к колонке. Там шумела большая очередь, похожая на бурную демонстрацию. Все поносили начальство, свою жизнь, судьбу. Увидев Шушу в праздничном наряде, без тележки и бурдюков, стоявшие в очереди загалдели:

— Что-нибудь случилось? Заболел или что?
Кто-то крикнул ему:
— Видишь, этот кровопийца еще не сподобился прийти.
— Верно, в тюрьму угодил, — зашумел второй.
— Или в больницу попал!
— А может, где скрывается?
— Гашиш курит!

Шуша не отвечал. Решительно пошел к будке. Твердым голосом заявил собравшимся:
— Дайте пройти! Работать надо!

Кто-то спросил с сарказмом:
— Какая работа, приятель? Если начальство еще почивает. Иди сюда, присаживайся.
Но Шуша шел своей дорогой, взобрался по лесенке и занял место в будке. Открыл колонку и приказал:

— Встаньте по порядку! Женщины впереди, за ними мужики. Не толкайтесь и не шумите! Кто вылезет из очереди, тому дам воду последнему.

Очередь опешила. Через мгновение раздался радостный возглас:
— Ты навсегда сюда?
— Бог даст!

— Да здравствует муаллим Шуша! — зашумел народ.
Итак, Шуша восседает на заветном троне. Исполнилась его самая большая мечта. Теперь он повелитель воды во всем квартале аль-Хусейния. Теперь ему не нужно ходить по улицам и переулкам с тележкой, полной бурдюков. Он спокоен, удовлетворен знаками уважения, которые ему выражают жители квартала.

Шуша теперь свободен от дополнительных забот о хлебе насущном. Ему не обязательно уже участвовать в похоронах, таскаться с кадилом, заходить в могилы. Сейчас у него очень

приличный заработок, вполне хватит на сносную жизнь.

И вместе с тем, к большому удивлению окружающих, Шуша продолжал нести презренную службу. Закрыв колонку, он сразу спешил домой, брал свою похоронную униформу и направлялся в кофейню "Для благородных", откуда Сурур направлял его на очередные похороны.

Шуша уже начинал привыкать к профессии могильщика. Постепенно его покидали прежние страхи и отвращение. Он уже был почти согласен с Шеххатой в том, что смерть, покойники, могилы — все это дело обыденное, естественное, в смерти нет никаких чудес. Бывший водонос одерживал победу над страхом.

Теперь и он презирал смерть, а еще больше — саму жизнь. Он теперь участвовал в беззломном остроловии своих партнеров по похоронным процессиям над смертью, покойниками, над мишурным блеском процессией, плачем и причитаниями. Время и повторение ежедневных похоронных операций вытравило из памяти Шуши впечатления первых дней работы на этом неприятном поприще. Беспокоил его только Сейид, который никак не мог смириться с новым занятием отца. Мальчик ждал с нетерпением того дня, когда отец сядет в будке хозяина колонки. Этот день настал, а его родитель не бросал гнусного, по мнению сына, занятия. Однажды Сейид схватил сверток с похоронным одеянием, пнул его ногой и с ожесточением запрятал в сундук, засыпав всяким барахлом.

— Тут тебе место! Не видать тебе света божьего!

Но на следующий день отец, как обычно, взял сверток и направился на вторую работу, которую вместе с Сейидом осуждали его приятели, соседи. Они шептались за спиной Шуши, распускали всякие неприятные сплетни. Но сын знал твердость и решительность отца, его непреклонность в осуществлении своих намерений. Поэтому Сейид молчал, стиснув зубы, делая вид, что новое занятие отца его никак не волнует. Для него важнее обычные игры со сверстниками.

Шли дни, и колесо жизни завертелось по-старому. По утрам Шуша ходил на колонку, после обеда на похороны. Сейид после уроков в школе занимался важными мальчишескими делами, а Умм Амина хлопотала по дому или сидела неподвижно, думая о чем-то своем.

Как-то утром Сейид направлялся в школу, рядом с ним шел Али. Они болтали о всяких пустяках. Подошли к торговцу шариками беле. Али остановился.

— Сегодня твоя очередь покупать.

— Чего вдруг?

— Я вчера купил и дал тебе.

— А я тебе вчера же ссудил двадцать штук!

— Все проиграл... Тебе же...

— И я виноват? Все равно они числятся за тобой. Я что — должен отвечать за твои проигрыши? Тебе кто-нибудь говорил — играй и проигрывай?

— Значит, не дашь мне сегодня?

— Готов бы, да нет денег. Купи ты сегодня, а я завтра тебе выдам полностью.

— Вот что — ни ты мне, ни я тебе. Куплю только себе.

— Тогда одолжи полпиастра.

— Ничего не дам.

— Разошлись, значит?

— Разошлись.

Сейид схватил Али за грудки, тот ответил тем же. Затевалась потасовка. Но тут случился муаллим Али аль-Хама. Он вмешался и разнял ребят.

Войдя во двор школы, Али увидел Сейида стоящим под пальмой в окружении ребят. При виде Али они сразу начали перешептываться, многозначительно перемигиваться. Потом раздался дружный смех. Али с опаской подошел к ребятам. Он догадывался, что Сейид придумал какую-то пакость. Ребята окружили его и громко запели: "Али, Али размазня! Отцу Али вскочил черт на шею, мать Али по стене ходит, Али размазня".

Али покраснел от злости. И это называется друг? Только за то, что он ему отказал в

шариках, тот устроил такое позорище. Мальчишки с упоением продолжали петь оскорбительные слова до самого звонка. Али заплакал и пошел в класс.

Уроки шли своим чередом. Наступила большая перемена. Мальчишки высыпали во двор, и некоторые собрались вокруг Али. Они перешептывались. Сейид почувствовал: организуется ответный заговор. Али щедро раздавал всякие сладости и еду, потратив на это все свои деньги. Окружение Али все росло. Сейид остался в одиночестве. Он наблюдал за перешептывающимися и смеющимися ребятами и соображал — что же они могут предпринять? Надо встретить атаку во всеоружии, дать достойный отпор обидчикам.

Скоро заговорщики раскрыли карты. Мальчишки окружили Сейида плотным кольцом так же, как утром Али, и на разные голоса запели громко: "Твой отец водонос, ходит на похороны, носит мертвых, твой отец водонос умер!"

Сейид был поражен в самое сердце. Он взбешен, густая краска жгучего стыда залила лицо. Он не смог воспринять эти обидные слова как злую шутку, потому что они, к сожалению, похожи в чем-то на правду. Этого он вынести не в состоянии.

Сейид со слезами набросился на мальчишек, раздавая тумаки направо и налево. Но насмешки и издевательства над ним только усилились. Чем больше он злился и дрался, тем громче ребята пели свой гнусный гимн. Не добившись ничего для себя хорошего, Сейид вернулся в класс весь в слезах и сел один, не переставая плакать.

Страдания Сейида еще больше раззадорили мальчишек. Они не прекращали повторять на все лады обидные слова. Если бы Сейид не обратил на это внимания, сделал вид, что его это не касается, то у противников быстро отпала бы охота так зло забавляться.

Из школы домой Сейид возвращался мрачным и злым. По дороге, идя сзади всей компании, он бросал в ребят камнями и всем, что попадалось под руку. Целый день он просидел дома грустный и на улицу не пошел.

На следующий день все повторилось. Домой Сейид вернулся окончательно расстроенным и злым. Даже бабушка удивилась:

— Да что с тобой? Не заболел ли?

— Нет.

— Тогда что же? Покажись-ка мне, может, нужно что постирать для тебя?

— Ничего не надо мне.

— Почему второй день дома сидишь, на улицу играть не идешь?

— Молитву задали учить длинную.

— Аллах тебя вразумит! Нет ничего лучше корана!

Был четверг, отец отсутствовал. Сейид был уверен, что он снова кого-нибудь хоронит.

На закате Шуша вернулся. Предчувствия не обманули Сейида. Отец даже не переодевался, что совсем было ужасно. Сейид не вынес такой обиды, убежал к себе и горько заплакал. Он услышал голос отца:

— Где Сейид? Еще не пришел с улицы?

— Да он никуда и не уходил. Сидит дома.

— Случилось что?

— Сказал — молитву надо учить.

— Благое дело.

Шуша громко позвал сына. Глотая слезы, вытирая нос подолом галлябеи, мальчик ответил:

— Да, отец.

— Ты где? Иди сюда.

— Сейчас иду.

Сейид взял свою доску с текстом молитвы, постоял немного, чтобы унять рыдания, и пошел в комнату отца. Тот переодевался, и сын смотрел на это с явным неодобрением. Отец пошутил:

— А-а, шейх Сейид! Выучил молитву? Даст бог, и мы увидим тебя настоящим шейхом.

Мальчик с искренним жаром воскликнул:

— Сохранит тебя аллах, папа, да продлит он твои дни!

Шуша посмотрел на сына и заметил его красные глаза. Это его удивило, и он с беспокойством спросил:

— Никак, ты плакал?

— Нет, с чего ты взял. Просто в глаз пыль попала, а я растер докрасна.

Шуша надел свою обычную галлябею, сел на край постели и с довольным видом сказал сыну:

— Всю молитву выучил?

— Только до середины.

— Всего-то?

— До конца мы сегодня лишь написали.

— Тогда послушай. С началом молитвы ты разделался... Как думаешь — не пойти ли нам с тобой сегодня погулять?

С лица Сейида быстро слетел туман печали и всякие следы расстройства. Он аж засветился от радости.

— Серьезно говоришь?

— Шутить не собираюсь.

— Куда пойдем гулять?

— Посидим вместе в кофейне.

— Это называется погулять. Иди сам играй в нарды. Я не пойду. Такая прогулка меня не устраивает.

— А куда еще можно сходить?

— В театр. Он сейчас недалеко от тех деревянных ворот, знаешь? Говорят — отличное представление.

Отец на некоторое время задумался, как бы взвешивая слова сына. Но вдруг предложил:

— А что если в баню пойти? Давно мы там не были.

— Вот это да, папа! — завопил от радости Сейид. — Ура! Давно я тебе хотел сказать об этом, но боялся отказа. Все боишься, что утону в бассейне.

— А помнишь, как ты тонул, когда был маленьким?.. А сейчас чего бояться, вырос ты здорово. А ну-ка, покажись как ты вытянулся?

Сейид вскочил, выпрямился, подтянулся на цыпочках.

— Видишь?.. Скажи — не выше тебя?!

— Давно перегнал. Теперь ты не утонешь.

— Плавать научишь?

— Обязательно. Давай собираться.

— Пойду скажу бабушке — пусть белье приготовит.

Оба вышли из комнаты в отличном настроении. Сейид побежал к бабушке вприсядку. Он обнял ее и затараторил:

— Бабуля, милая, в баню идем! Поужинаем там! Тебя одну оставим.

— Сдалась вам сегодня баня. Холод наступил. Лучше я вам нагрею воды, помоемся дома, не простудитесь.

— Опять ты за старое! Дома помойтесь! В бассейне плавать будем. Где свежее белье?

— У тебя в сундуке. Возьми себе обязательно майку, новую галлябею, шерстяной жилет; старый отцовский пиджак наденешь, когда выходить будешь. И войлочный колпак возьми, а то голову простудишь. Скажи отцу — пусть пальто возьмет. На улице холодно. Вдолбили себе в голову — баня, баня!

Но Сейид не стал слушать бабкиной воркотни. Он полез в сундук, быстро достал все нужное и побежал торопить отца.

— У меня все готово. Как ты? Может, пойдем?!

— Иду! Мать, ты не беспокойся и не скучай без нас.

— Присмотри хорошенько за парнем. Одень потеплей. Заладили оба — в баню да в баню. Дома хорошо мыться.

Сейид схватил отца за руку и потащил на улицу. Чего слушать бабкины советы? По дороге в баню Шуша остановился у харчевни, купил немного жареного мяса, лепешки, маринованных овощей. Завернув еду в бумагу, он двинулся дальше; рядом, пританцовывая, шел Сейид.

Глава 11

Как умерла мама

А вот и баня аль-Хусейния. Улица полна народу. Тут и там стоят тележки торговцев всякой всячиной. Перед самой дверью бани расположился продавец батата. Товар был рассыпан по всей тележке. Его хозяин оперся ногой на рукоять тележки, в руке его был кальян, из которого он время от времени делал жадные затяжки. Главным в этом передвижном магазине была черная печь, внутри которой пекся сладкий батат нежного цвета, напоминавшего цвет хорошо поджаренной бараньей ноги. Из печной трубы шел светлый дым.

Окна бани были задраены железной решеткой и деревянными ставнями, покрытыми многолетней копотью и пылью. Над входной дверью висели два стеклянных фонаря. Шуша спустился по ступенькам вниз и толкнул стеклянную дверь. Миновав узкий проход, наши знакомцы попали в большой неправильной формы зал, заставленный шкафами из почерневшего дерева. На дверце каждого шкафа висели полотенца. Это была раздевалка. С правой стороны находилась широкая каменная скамья, по краям которой стояли мощные круглые колонны, поддерживавшие крышу с подобием стеклянного купола в середине. На скамье распростерлись несколько человек, завернутых в полотенца. Они были настолько неподвижны, что напоминали мертвецов. Рядом раздевались еще посетители. Они обматывали свои бедра полотенцами.

С левой стороны раздевалки располагалось застекленное помещение, куда можно было попасть, поднявшись на несколько ступенек. Здесь мылись наиболее уважавшие себя клиенты бани.

Муаллим Шуша считал себя таковым, особенно после того, как стал начальником водоразборной колонки. Он обменялся приветствиями с банщиками, некоторыми знакомыми завсегдатаями, взял сына за руку и направился в парилку. Вдоль стен там стояли деревянные лавки, покрытые простынями. На них в самых вольных позах лежали парящиеся. Около одного стоял банщик, усиленно растирая его мылом и массируя. Тот блаженно вздыхал.

Шуша и Сейид быстро разделись, обернулись полотенцами и полезли наверх. Грязное белье было тут же отдано в стирку, а чистое положено в шкаф.

Прежде чем попасть в парилку, отец и сын миновали промежуточное помещение, где температура была не намного выше, чем на улице. Здесь организм осваивался с банной жарой, отдыхал. Открыв дверь парилки, Сейид отшатнулся. В лицо ему ударил густой жаркий пар, сразу забивший все дыхательные пути. Он чуть не задохнулся. Духота стала невыносимой для мальчишки, и Он закричал отцу:

— А-а-а, не могу!

Отец рассмеялся и толкнул сына вперед.

— Входи, не бойся! Сейчас привыкнешь. Ведь в прошлый раз было то же самое, помнишь?

— Единственное, что мешает мне здесь, так это пар. А что — разве не бывает бань без пара?

— Что же, по-твоему, баня? Без пара никак нельзя.

Посреди бани был устроен круглый мраморный помост, из середины которого бил фонтанчик. На помосте лежал голый человек, рядом стоял массажист Абдалла, похожий на ночное привидение. На руки у этого здоровяка был надет кожаный мешок, напоминавший

рукавицу. Им он с ожесточением растирал тело лежащего.

Многочисленные двери вели в различные отделения бани. Первая — в горячую ванну, представлявшую собой маленькую комнату, куда надо было подниматься по ступенькам. Сама ванна была выдолблена в каменном полу. Вода поступала из специальной трубы, как из родника. Ее температура приближалась к точке кипения. Другая дверь шла в ванную с водой, температура которой была приемлема для всех. Несколько дверей вели в отдельные кабины с кранами и небольшими ваннами, где мылись непритязательные посетители бани.

Баня была полна народу, пара, мыльной пены. Тут наслаждались и толстяки с большими животами, и тощие, как пальмы. Всех их окутывал густой пар, в котором они безмолвно двигались, как джины или привидения.

Шуша с сыном пошли в ванну с водой нормальной температуры. Наш бывший водонос погрузил свое тело в воду, взял сына за руку и уложил подле себя. Приятная истома, тишина захватили Шушу. А потом ему вдруг стало весело. Он начал смеяться, барахтаться с Сейидом в воде.

— Пойду-ка я, сынок, к массажисту. А ты ступай как следует натришь мочалкой, — сказал отец.

— Здесь лучше...

— Но тут ты не вымоешься как следует.

— Надо больно! И так отмокну... И вообще — зачем оттираться? Разве грязное тело облагается налогом?

— Сын мой, видел ли ты хоть одного человека, который уходит из бани не отмытым? Чистота тела укрепляет веру!..

— А какое отношение имеет чистота к вере, отец? Оставь меня здесь и пусть тебя не беспокоит мысль — отмоюсь я или нет? Какая разница?

— Как хочешь, дело твое, а я пойду к массажисту. Разомнусь, отдохну телом.

Когда подошел Шуша, Абдалла уже достаточно ублажил предыдущего клиента. Шуша занял его место. Массажист шумно приветствовал своего старого знакомого:

— Располагайся, приятель!.. Что давно не видно?..

— Мирские заботы заели, Абдалла. А то была бы моя воля — никогда бы отсюда не уходил. Но где взять время?

Массажист начал священнодействовать над телом Шуши, полностью доверившимся его искусству. Он был вознагражден за свою покорность этому ловкому банщику. Завершив приятную процедуру, Шуша пошел в ванну забрать сына...

Оба направились в душевую. Как только парнишка заметил мочалку и мыло, настроение у него сразу упало почти до нуля. "Вот те на... Смерть твоя, о забросивший молитву". Вслух же он произнес:

— И к чему все эти мочалки, мыло, папа? Ты — как бабка. Неужели нельзя без мыла обойтись?

— Не бойся, к твоей рожице мыло и близко не подпущу. Быстро помою тело, а с лицом сам управисься.

Натеревшись мылом и обмывшись водой, оба снова пошли в ванну, поплескались там, отдохнули.

— Пожалуй, хватит, сынок. Не пойти ли нам?

— Пойдем, достаточно.

Оба тщательно вытерлись, завернулись в полотенца, чтобы не застудиться после горячей бани, пошли в раздевалку и растянулись на скамье. Шуша полностью отдался блаженству. Испустив умиротворенный вздох, он с облегчением сказал:

— О боже!.. Какое отдохновение для нервов и тела! После сегодняшней прогулки мне казалось, что и за целый год я не отдохну... И тяжелые же похороны были.

До этого момента Сейид полностью разделял удовольствие отца, но, как только до его уха дошли последние слова о похоронах, он тут же ощутил щемящую боль в сердце. В голове парнишки быстро всплыли воспоминания о насмешках приятелей, их треклятая песенка о

смерти отца, о мрачных могилах. Он почувствовал, как слезы навертываются на глаза. Увидев слезы, Шуша удивился. Он и не подумал, что сын плачет.

— У тебя еще не отошли глаза от бани?

Сын не ответил. Он прилагал отчаянные усилия, чтобы сдержаться. Отец снова спросил:

— Что с тобой? Почему молчишь?

И Сейид ответил. Но не словами. Он разрыдался. Шуша не на шутку встревожился. Поднявшись с лавки, он взял сына за локоть и с беспокойством заговорил:

— Что происходит?

— Ничего.

— Так не бывает. Что-то случилось! Рассказывай.

Сейиду не оставалось другого выхода, как излить отцу все, что у него накопилось на душе. Он заговорил:

— Боюсь я тех похорон, на которых ты бываешь. Раньше я думал, что мы нуждаемся. Сейчас-то тебе зачем все это?

— А чего бояться похорон?

— За тебя боюсь. Вот уже целую неделю ребята в школе изводят меня песенкой: "Твой отец водонос умер... Он ходит в похоронных процессиях, таскает покойников".

— Тебе стыдно?

— Стыдно? За что? За тебя мне никогда не стыдно! Но я боюсь за тебя. Вдруг их предсказания оправдаются? Могут накаркать!

— Не обращай внимания, — сказал со смехом Шуша. — Пусть себе болтают, что хотят. От насмешек никогда не было ни пользы, ни вреда.

— Если бы это были пустые слова да насмешки, то плевать я на них хотел. Но не пустые это насмешки. Сроду не боялся никаких слов. Но тут, видно, есть причины... Как вижу тебя со свертком, который носил Шеххата эфенди, или одетым в его костюм, так мне приходит на ум — а не случится с тобой то же, что и с Шеххатой? Не заснешь ли ты навсегда, как он?.. А потом без нашего согласия тебя упрячут в деревянный ящик, как Шеххату, и ты никогда к нам не вернешься... И останемся мы вдвоем с бабушкой.

Закрыв лицо руками, парнишка опять горько зарыдал. Его худое маленькое тело содрогалось от рыданий. На сей раз отец не смог засмеяться. Сыновья печаль передалась и ему. Шуша нежно обнял Сейида.

— Хватит, сынок, довольно... Я-то считал ведь тебя мужчиной. Стоит ли так расстраиваться от какой-то болтовни? Если даже так случится, нельзя же реветь, как женщина! Мужчина всегда должен оставаться мужчиной, ко всему в жизни относиться мужественно... Ты думаешь, зачем я хожу на похороны? Чтобы приучить себя к тому, что жизненному пути всегда бывает конец. Когда-то и я, вроде тебя, боялся смерти, считая ее чем-то ужасным. Но скоро понял, что все это пустые нестоящие слова и предрассудки. Не сегодня, так завтра, но смерть обязательно придет и к нам. Нам кажется, что эта участь еще за горами. Однако завтра или послезавтра приходит очень быстро. Чего смерти бояться? Она неизбежна. Бессмертных нет, все помрем. Все живое умирает. И я помру...

Сейид с осуждением посмотрел на отца. Он был поражен.

— Не говори так! Ты не помрешь! Не можешь ты так! И зачем умирать? Ничего дурного ты не делаешь. И не старый, и не больной. Ты нужен мне. Зачем тебе умирать?

Шуша молчал, задумавшись. Закрыв глаза рукой, как бы силился восстановить что-то в памяти. Видно было, что его одолевает странная тоска. Заговорил почти шепотом:

— Вот и она так, отродясь ничего плохого не сделала. Не старухой была, не болела. И тебе, и мне нужна была. Однако ж умерла. А зачем? Не знаю.

— Она — кто? — спросил удивленно Сейид.

— Мать твоя... По ночам я часто спрашиваю себя, небо, звезды, бога: почему умерла? Зачем? И не нахожу ответа. Никаких причин не было. Да смерть и не ищет причин... Как и жизнь, впрочем... Зачем люди рождаются? Зачем умирают? Кто знает?!

Его мать!! Отец впервые заговорил о ней. Никогда он даже о ней не вспоминал раньше.

Сейид ее ни разу не видел, никто ему не рассказывал о матери. А он сам не спрашивал. Чего ради? У него есть отец, бабушка... В матери он не нуждался. Разве у каждого человека должна быть мать? Ему казалось, что он появился на свет без участия матери. Мальчишка никогда не чувствовал себя в одиночестве, а посему не ощущал пустоты, которую необходимо заполнить. Ему достаточно было любви, заботы, нежности. Отец был для него всем в жизни. Сейид считал, что человек может прожить без матери. Но жизнь без отца? Невозможна...

Тут парнишка стал вспоминать отца, сидящего у окна с сигаретой в руке, рассматривающего небо и звезды с таким видом, будто спрашивал их о чем-то потерянном.

Сейид вспоминает бабушку, которая вечно сидит, подперев рукой подбородок, покачивает головой и бормочет про себя, как бы спрашивая о чем-то. Когда ее спрашиваешь — что нужно, она отвечает: ничего.

Так вот какая утрата у отца, вот почему он всегда грустит. Вот почему бабушка всегда задается безответным вопросом!

Тут мальчик понял — пришла и его пора разделить тяжесть утраты с отцом и бабушкой, их печаль и грусть из-за невозможности утерянного. У него была мать! Должен же он знать о ней все-все?

Сейид поднял голову, уставился на отца, а его губы помимо воли шептали слова, которые никогда ранее не приходили на ум: "Как умерла?"

В бане воцарилась полная тишина. Все, кроме Шуши и сына, уже ушли. Пар почти рассеялся. Через стеклянный купол крыши проникал уличный свет.

Отец прислонился спиной к стене, притянул к себе сына, крепко обнял его, понурил голову. Тяжело, продолжительно вздохнул. "Как умерла?" — повторил он вопрос сына. И начал рассказывать.

* * * * *

— Умерла, как все смертные. Прервалось дыхание, одеревенело тело, остыли конечности. Превратилась в ничто... А была всем. Кто мог поверить, что она умрет? Это сильное тело, цветущее лицо, озорные смеющиеся глаза... Кто мог поверить, что вся эта жемчужная красота может быть запрятана в узкую щель в земле? Можно ли было представить, что Амина, красотой своей соперничавшая с небом, будет попирается ногами?

Я хорошо помню тот день. Я наливал воду в бассейн, а она как с неба свалилась. Добрая улыбка озаряла ее лицо. Она попросила меня полить молодую тутовницу. И хоть не мое это было дело, не смог я ей тогда отказать. Тем более, что она сказала — сама посадила это деревцо, боится, забудет о нем садовник и погибнет оно. А деревцо это очень дорого ей, любит она его. Я засмеялся и пообещал, что каждый день буду поливать. Беру это дерево под свою полную ответственность, раз оно так ей дорого.

Я и раньше ее знал, видел среди служанок, которыми был полон дворец. Ее лицо я различал среди тысяч. Говорил же с ней впервые. Поручила она мне важное дело, которым дорожила. Воспринял я это дело как поручение своего большого друга.

С тех пор я почувствовал — что-то меня связывает с ней. Поливку ее дерева я стал считать своим главным долгом в жизни. Видел я ее каждое утро то на кухне, когда поднимался, чтобы заполнить там тазы и кувшины, то в парке, когда она спускалась мне навстречу, стараясь удостовериться — полито ли ее дерево?

С каждым днем я все больше проникался мыслью — не чужие мы друг другу, было между нами что-то и раньше. Была всегда она весела, улыбочива и радостна, как утро. Вижу ее улыбающейся, и сам улыбаюсь. Сердце так и прыгает от радости, дух захватывает.

Однажды она спросила: "Как поживает НАШЕ дерево?" И почувствовал я — есть у нас нечто общее, хоть и малая, но совместная цель, что ли. Связывает она нас невидимыми нитями. Скоро начали мы объясняться в чувствах с помощью... подарков. Я ей, она мне. Но вдалеке от посторонних глаз. На сэкономленные деньги покупал я ей то косынку, то дешевые серьги,

то незамысловатое колечко. Она в ответ угощала меня едой или покупала на утаенные от матери деньги платок, носки.

Я поливал дерево — оно росло, аллах благословлял нашу любовь — она расцветала. И вся жизнь для меня стала заключаться в том, чтобы носить воду во дворец, встречаться с Аминой, обмениваться с ней взглядами, приветствиями, несколькими словами, в которых скрывался большой смысл.

Однажды я почувствовал недомогание. Небольшое вечером, оно переросло ночью в нестерпимую боль. Спать совсем не мог. Ворочался с боку на бок. Голова пылала, рот пересыхал от жажды. Утром не смог встать. Жил я один в небольшой комнатушке. Почти до беспамьяства дошел. Как труп, распростерся на кровати. Не было даже сил позвать кого-нибудь, чтобы дали напиток или принести лекарство.

Но тут я услышал стук в дверь. Едва хватило сил сказать: "войди!" Каково же было мое удивление, когда я увидел Амину, которая осторожно открыла дверь. Испуганно меня окликнула. Собрав остатки сил, я ей ответил.

Кого угодно ожидал увидеть, только не Амину. Мог прийти сосед или приятель... Но чтобы она... Бросила работу и пришла ко мне домой! И представить себе не мог такого!

Она озабоченно склонилась надо мной, потрогала лоб, сказала несколько ласковых слов успокоения. Удалилась на короткое время и вернулась. Села рядом. В руках чистая тряпица. Окунула она ее в уксус и положила мне на лоб. Вскоре я почувствовал, что жар утихает. Тут навалилась на меня дремота. Она закутала меня в одеяло, попросила не сбрасывать его. Снова вышла, а вернулась с кувшином молока и апельсинами. Спросила — не съем ли?

Она ушла. Я почувствовал себя немного лучше. На следующее утро проснулся от ее осторожных шагов по лестнице, стука в дверь. Амина принесла с собой кое-какую еду и молоко. Села рядом со мной, потрогала лоб. Мне было гораздо легче, хотя жар прошел не совсем и все тело одолевала слабость. Мне во что бы то ни стало нужно было подняться. Работа не ждала, без воды люди могли потерпеть день, а на другой взять другого водоноса. Я потерял бы клиентуру.

Амина посмотрела на меня с удивлением и осуждением. Она сказала, что ни за что не позволит мне встать с постели. Может быть гораздо хуже. Я настаивал: "Пойми ты — люди не могут обойтись без моей воды, а я без их денег. Лучше жить больным, чем помереть с голоду". Она прервала меня: "Люди будут с водой, а ты с деньгами. Пока я жива, ты не умрешь с голоду". Слова ее удивили меня. Еще больше я был поражен ее поступками. Амина решила сама разносить воду до тех пор, пока я не поправлюсь. Надо было быть сумасшедшим, чтобы принять ее предложение, позволить женщине выполнять тяжелую работу. Но она пригрозила — если не соглашусь, то поступит по своему усмотрению.

Мне оставалось лишь смириться перед настойчивостью и решительностью Амины. Был бы я полностью здоров, сумел бы остановить ее. Но голова раскалывалась от боли, тело было бессильным, дышать трудно. Все повернулось против меня, и я сдался. Она взяла бурдюк, надела фартук и пошла к колонке.

В тот день квартал аль-Хусейния в первый и в последний раз видел девушку с бурдюком на спине, сгибавшуюся под его тяжестью. Она наполняла кувшины и бидоны, отвечая на вопросы клиентов, говорила, что Шуша болен, она будет работать вместо него до дня его выздоровления.

Чтобы опередить Амину, я поднялся на следующий день с рассветом, взял бурдюк и побежал к Большому дворцу. Вылив воду, я спросил об Амине. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что ее нет! Почему? Ее выгнали с работы за целый день отсутствия. Новость меня убила. Но тут же в голове мелькнула мысль, заставившая меня обрадоваться. Я поспешил к родительскому дому Амины. Адрес мне сказала одна из служанок.

Мать с дочерью сидели на кровати. Увидев меня, Амина радостно вскрикнула: "Что так рано? Почему встал с постели?" Я сказал, что чувствую себя гораздо лучше, сообщил о ее изгнании из Большого дворца. Не скрыл, что новость меня обрадовала, ибо решил ее взять в малый дворец — в свою скромную комнатку. Матери Амины эти слова понравились. Я

спросил, отдаст ли она свою дочь за меня замуж? Старушка не возражала.

На следующее утро все трое — я, Амина и ее мать — пошли в контору маазуна¹⁷, который выписал брачное свидетельство. Стали мы мужем и женой, поселились в одном доме, том самом, где и сейчас живем.

Началась новая, счастливая жизнь. Ее тяготы стали для меня не столь ощутимы. В доме поселилось светлое существо, ради которого стоило жить. Это божье творение заполнило пустоту моей прежней жизни. Дом стал радостным убежищем от забот и тягот, а ведь еще совсем недавно одиночество мое нарушали только мяуканье кошек и лай собак.

Амина была удивительным существом — ее сил хватило бы на сто женщин. Я еще никогда не видел людей с таким сильным чувством долга, самозабвением, многотерпением и стойкостью перед трудностями и невзгодами жизни. Она была образцом самопожертвования, верности, отсутствия эгоизма. Ей очень легко удавалось рассеять беспокойствие, прогнать тоску из сердца, облегчить жизнь. Всегда твоя мать была веселой, жизнерадостной.

Словом, аллах осчастливил меня так, как мне и в мыслях не удавалось представить. После пустоты и неюта холостяцкого существования наступил покой. Я уверенно шел по жизни. Но была у меня одна заветная мечта, страстное желание, не дававшее покоя. Этой мечтой, этим желанием был ты, сын мой. Жаждали мы тебя все. От такого желания невозможно было избавиться. Но я верил в аллаха, его добрую волю. Рано или поздно мечта моя должна была сбыться. Будет у меня сын! Будет!

Я боялся, что она проникнется чувством своей неполноценности и глубоко запрятал мечту, делая вид, что очень доволен жизнью, счастлив. Но твоя мать была слишком умна, чтобы поверить мне. Она остро чувствовала мои переживания, печаль и надежду. Амина и сама очень хотела ребенка, ждала его, надеялась. Она страшно волновалась, боялась, а поэтому часто ходила к знахаркам, пила какие-то настойки и лекарства, тщательно выполняла все советы и предписания.

Наконец аллах оправдал мои надежды, внял мольбам и дал первое предупреждение. Ты был зачат, начал расти и развиваться в животе матери.

Мы страшно обрадовались. В доме началась подготовка к счастливому событию. Мы надеялись, что родится мальчик. Тебе заранее было уготовано имя Сейид. Еще не родившись, ты уже был с нами, среди нас. Мы торопили время, ожидая часа твоего появления на свет. Не было счастливее человека, чем Амина, когда она ходила беременная тобой. Ей казалось, что она носит под сердцем дорогую мечту, великую надежду. Это помогало ей без большого труда переносить тяготы беременности.

И вот, после стольких волнений, надежд, ожидания ты появился на свет! Ты спустился на землю, а она поднялась на небо! Какая ужасная несправедливость! Она чувствовала, что не выживет, тебя рожая. Сейчас я просто говорю: "Поднялась на небо". Теперь легко так говорить. А когда она умирала, мне казалось, что небеса разверзлись, обрушились на землю. Все вокруг потемнело.

Все можно было представить, всего ожидать, но только не этого. Оставить нас одних — тебя, меня, свою мать?! Сердце не воспринимало такого горя, разум не хотел верить.

Твое появление на свет, а ее вознесение на небо заняло немного времени. Обмен между жизнью и смертью произошел почти во мгновение ока. Она была здесь, на земле, а ты в ином мире. В следующее мгновение ты оказался на земле, а она далеко за ее пределами. И не осталось никакой надежды на возвращение этого дорогого существа обратно, на землю.

Не помню — очень она мучилась, когда тебя рожала, или нет. Ее сила, удивительная способность переносить боль, не позволили ей даже показать вида, что она страдает... Лежала на кровати в той комнате, где стоит сундук... Вдруг почувствовала схватки. Ее мать заспешила на помощь. Но все было уже кончено. Ты появился, а она улетела.

Одному аллаху известно — вознеслась ли она на небо, или душа ее вместе с телом упала

¹⁷ Лицо, уполномоченное заключать браки.

в могилу...

Был я в тот день совершенно потерянным, полностью сраженным этой неожиданной смертью... Трудно было представить, что я потерял самое дорогое в жизни...

Мать Амины рыдала так, что казалось — воеет раненая собака. Я не мог... Как уже сказал тебе, я был потерян, ходил как в тумане, бессознательно что-то делал. Окружающие советовали — поплачь, легче будет, так ведь и с ума сойти недолго. Я признавал, что такое несчастье должно заставить рыдать. Но меня это несчастье лишило всякого разума.

Соседи обмыли покойницу, одели, отнесли на кладбище, похоронили. А я смотрел на них как на привидения. Мне представлялось все это чем-то ужасным, непонятым, неестественным.

Наш дом лишился главного источника жизни, опустел, темная ночь окутала нас троих. Мы напоминали войско, потерявшее своего командира, пассажиров корабля, лишившегося капитана, троих беспомощных путников, брошенных в пустыне без воды, пищи и надежды на спасение.

Бедная старушка должна была взять на себя все заботы о тебе. И слава аллаху, сделала она все это в лучшем виде. Все делала ради нас с тобой, жертвовала отдыхом, переносила почти непосильные тяготы. Однако печаль и непрерывные слезы длинными ночами сделали черное дело. Мать Амины стала слепнуть. Но не потеряла она мужества и терпения, продолжала по-прежнему заботиться о нас с тобой. В нас она видела продолжение жизни своей дочери.

Я тоже стремился набраться мужества и терпения, много молился, читал коран, выдержки из которого о многотерпении повесил в рамках на стену так, чтобы в минуты печали читать их. Но терпение и выдержка не приходили, сердце давила непроходящая тоска.

Честно говоря, сын мой, поначалу я тебя ненавидел, считая, что ты не заслужил уплаченной за тебя цены. Слишком дорого было за тебя заплачено, больше, чем стоит весь мир. Иногда мне на ум приходила мысль — если аллах справедлив, то он возьмет тебя к себе, а вернет мне Амину. Но тут же я чувствовал, что это идиотская, сумасшедшая мысль.

Мало-помалу я начинал тебя любить, находить в тебе утешение. Ты все больше становился тем существом, ради которого нужно было жить и переносить несчастья и невзгоды.

В минуты тоски я, вроде тебя сейчас, задавался вопросом: "Почему, не сделав никому зла, не будучи старухой или больной она умерла? И ведь она была нам так нужна!"

Этот вопрос оставался для меня безответным до тех пор, пока на горизонте не появился Шеххата эфенди. Он часто повторял свою знаменитую притчу, которую поначалу я воспринимал как издевательство. Он говорил: "Лицо земли постоянно меняется. Все живое и существующее на земле имеет вполне определенные сроки жизни и службы. Все имеет свои начало и конец. Сын Адама ничуть не больше или важнее любого земного существа. Ему тоже отпущен определенный срок жизни.

Но человек высокомерен, обижается, когда его сравнивают с каким-либо другим живым существом, сроки жизни которого ограничены. Человек отрицает смерть, не хочет смириться с ней, как с неизбежным концом, окутывает смерть всякими тайнами, сказками и притчами, отказывается привыкать к мысли о смерти. А ведь смерть — дело привычки, не больше не меньше".

Так считал этот добрый человек. Эти слова вызывали у меня ужас, я не мог смириться с такой философией. Но как только я поближе рассмотрел все, что связано со смертью, так понемногу начал избавляться от страха перед ней. Оказалось, что смерть человека мало чем отличается от смерти кошки или собаки. Результат тот же. В этом нет ничего сложного, загадочного, а тем более непонятного. Вот тут-то, на новой работе, я и нашел ответ на давний вопрос: "Зачем она умерла, не сделав никому зла, не будучи старухой или больной?"

Я сказал себе: "Э-э, приятель, она не первая в смерти, и ты не первый, кто терял жену, твой сын не первый, кто остался без матери. Такое в жизни часто случается. Не надо все это рассматривать как жизненную катастрофу. Такова жизнь, природа всего живого на земле. Не

нужно считать смерть неожиданностью. Воспринимай ее как следует, терпеливо, продолжая выполнять свой жизненный долг до тех пор, пока аллах не призовет тебя самого".

Эти мысли меня успокаивали, но не помогали забыть о случившемся. Забыть ее — выше моих сил и возможностей, хотя я уже знал все о смерти. Участвуя в каждой похоронной процессии я как бы хоронил мою Амину, вернее, становился ближе к ней, она снова возникала перед мысленным взором. Смерть уже не казалась мне чем-то ужасным. Я приучил себя к неизбежности смерти, а потому и перестал ее страшиться, как прежде.

Шуша замолчал. Сейид поднял голову, захлебываясь слезами, со страхом сказал:

— И несмотря на это... не уходи... Ты мне очень нужен. Если ты, отец, стал равнодушным к смерти, то я нет... Кроме тебя, нет для меня в жизни никого другого. Ты для меня и мать и отец... Вот рассказал о смерти мамы... Никогда больше не вспоминай о смерти, не приучай себя к мысли о ней. Ты не умрешь, не должен умереть!

Глава 12 Ты не умрешь

Нашему взрослому герою снова понадобились большие усилия, чтобы сдержать слезы, не показать парнишке виду, что весь разговор о матери и о смерти оказал на него такое большое воздействие. Он же сильный, стойкий мужчина! Взяв себя в руки, Шуша засмеялся, пытаясь опустить занавес на печальную историю. Шутливо заговорил:

— Быть по-твоему, господин Сейид. Хватит. Если не хочешь, чтобы я умирал, то и быть по сему!

— И на похороны ходить не будешь? — спросил сквозь слезы Сейид. — И этот костюм никогда не наденешь?

— Чего не сделаешь ради тебя! Обещаю, никогда не надену. Доволен?

— Еще как!

— Тогда почему не улыбаешься? А ну?

Парнишка изобразил на лице улыбку. Слезы все текли по щекам. Отец снова начал шутить:

— И это называется улыбкой? Хватит расстраиваться. Покажи-ка, как ты смеешься по-настоящему?

Сейид засмеялся. Довольный отец хлопнул его по спине.

— Так-то лучше, чего расстраиваться?! Пошли одеваться, а то в животе урчит. Как вспомню о кебабе — слюнки текут.

— Я тоже проголодался. Пошли! Завернувшись в полотенца, они пошли в раздевалку, не спеша оделись, отвечая на приветствия банщиков. Шуша блаженно растянулся на лавке. Подошел массажист. Сейид крикнул:

— Эй, Рукастый! Где обед?

— Сейчас принесу. Я отдал лепешки Абдулу из кочегарки, чтобы положил их в печку поджарить.

— Да он их давно съел, наверное.

— Не бойся, я сказал ему, чтобы до лепешек не дотрагивался. Он меня боится, не рискнет послушаться.

— Хватит тебе, отец! Сам же говорил, что голоден, — сказал Сейид. — Пошли!

— Все уже. А ты, Рукастый, иди принеси нам поесть. Вскоре массажист принес горячие лепешки, из которых торчала зелень и струился дразнящий запах мяса. Усевшись на скамейку, отец и сын начали молча жевать начиненные лепешки. Закончив трапезу, Шуша снова позвал массажиста.

— Возьми-ка деньги и принеси нам по стакану чая. Сдачу оставь...

— Дай тебе бог здоровья, муаллим Шуша!

С удовольствием напившись чая, они собрали вещи. Шуша завернул сына в старый жакет, и, довольные, они пошли домой, неся добрую долю кебаба Умм Амине.

* * * * *

Все трое — отец, сын и бабушка — блаженно спали. Спокойнее всех был Сейид. Теперь он полностью уверен, что отец не пойдет больше ни на какие похороны, не наденет позорного костюма. Особенно он был доволен обещанием отца не умирать.

Первой, как всегда спозаранку, проснулась бабушка. Она пошла заниматься обычными делами. Вскоре поднялся и Сейид, хоть была пятница. В этот день мальчишка спал дольше, отдыхая от недельных трудов и раннего вставания. А сегодня, вопреки обыкновению, ему захотелось проснуться как можно раньше.

Сейид начал перебирать свои беле, приготовил чулок для изготовления мяча и пошел звать Али, чтобы договориться насчет запуска змея. Вдруг по лестнице загремели шаги. Сам Али, его мать, сестра и отец спустились со свертками.

— Куда это всем табором?

— Приглашены к сестре муаллима Изза, что живет в Имбабе.

— И обедать там будете?

— Ага.

— Везет же!

— Пойдем с нами?

— С чего вдруг?

Спросись у отца — и потопали.

— А он спит еще.

Вся семья Хиштов пошла к калитке. Обернувшись, глава семьи попросил Сейида:

— Когда отец проснется, поприветствуй его от меня!

— От нас тоже, — добавили мать и дочь.

Все четверо ушли. Сейид остался один делать тряпичный мяч. Но тут ему послышалось, что кто-то его зовет. Отец!

— Пойди сюда, сынок!

Сейид побежал в комнату отца, который вроде и не собирался вставать.

— Послушай, сынок, возьми ключи и ступай на колонку. Побудь там до тех пор, пока водоносы и другие не запасутся водой. В пятницу работы немного. Но будь внимательным. Весь расход воды запиши в тетрадь, напротив отметь выручку. Деньги положи в кошелек. Понял?

Сейид был поражен.

— В чем дело, отец?

— Да так, что-то тело ломит. Наверное, простудился вчера после бани. Такие дела, сынок, старею. Теперь не очень попрыгаешь. А признаться в этом кому же хочется?

Отец попробовал засмеяться, но натужно закашлялся. Лицо покраснело, на глазах выступили слезы. Откашлявшись, Шуша снова шутливо заговорил:

— Давай, приятель, действуй! Покажи, на что способен. Хочется тебя видеть мужчиной...

— Ты, никак, заболел?

— Нет же, ничего подобного. Просто отдохнуть денек хочу. А ты боишься, что не справишься с работой?

— Это я-то не справлюсь? — вскричал Сейид. — Или я не твой сын? Давай ключи. Я сын муаллима Шуши, плоть от плоти его!..

Забрав ключи, тетрадь и кошелек, Сейид направился к выходу. Навстречу ему шла бабушка.

- Это куда еще? Что за новости?
- Колонку иду открыть.
- Почему ты? Отец где?
- Решил отдохнуть немного. Пусти меня, спешу.
- Да подожди ты немного, пойду узнаю, в чем дело.
- Бабуля, некогда мне, работа ждет!

И он быстро пошел к колонке. Пришел, важно занял место в будке, громко крикнул толпе:

— Не толпитесь. Установите очередь. Кто попытается схитрить, получит воду последним. Тому, кто заскандалит, вообще воды не дам! Кому не нравится — катись на все четыре стороны! Дело говорю?!

Народ так и покатился со смеху, но очередь выстроил. Посыпались вопросы:

- Отец-то где, Сейид?
- Устал немного, настроение неважное.

Со всех сторон понеслись восклицания: "Дай ему аллах!", "Отдали́ несчастье!", "Передавай ему привет!" и т. п.

Работа поглотила Сейида. Он был страшно горд своим высоким положением. Он даже забыл о болезни отца. Распределив воду, паренек закрыл на ключ колонку, взял кошелек, полный мелочи, и направился домой. На ходу он думал, как бы красочнее рассказать приятелям о сегодняшнем дне, о том, как он, сидя на водяном троне, командовал людьми.

Подходя к калитке дома, он вспомнил о больном отце и забеспокоился. Мысленно обратился к аллаху, моля его ниспослать отцу выздоровление. Он очень хотел бы надеяться, что, когда придет домой, отца уже не будет в постели — он в кофейне.

Войдя во двор, он не нашел бабушки на обычном месте и сразу забеспокоился. Мальчик побежал в комнату к отцу, но не нашел ни его, ни постели. Он был в комнате с сундуком. Старушка сидела подле отца. Его глаза были закрыты, на лбу лежала мокрая тряпка. Он тяжело и громко дышал.

Мальчишка почувствовал, что его сердце уходит в пятки. С нескрываемой тревогой он спросил бабуку:

- Вы почему здесь?
- В той комнате окно разбито, очень дует.
- Ему все еще плохо?
- Очень сильно простыл. Говорила вам, не ходите в эту проклятую баню, помылись бы дома! Нет, не послушались.

Отец открыл глаза и посмотрел на сына. Слабым голосом заговорил:

- Как дела, сынок?
- Все в порядке. Всех обеспечил водой, собрал деньги, пересчитал их.
- Колонку хорошо закрыл?
- Как надо.

Отец снова прикрыл глаза. Казалось, ему хотелось отдохнуть от тяжелых усилий, которые потребовались от него для этого короткого разговора. Заговорила Умм Амина:

- Послушай, внучек, поешь немного. Потом пойди купи английского пластыря, немного кислого молока, да на пять пиастров апельсинов и лимонов.
- А я не голоден. Пойду сразу, куплю, что нужно.
- Сначала поешь, ведь не завтракал.
- Ладно, поем.

Сейид пошел на кухню, запихнул в рот кусок сыру с хлебом и вернулся.

— По дороге дожую. Бабушка, давай деньги!

— Деньги?! — И старушка начала рыться в своих загашниках, приговаривая: — Деньги? Да у меня нет ни гроша! — На ухо Шуше: — У тебя есть деньги? — Тот отрицательно покачал головой.

Сейид задумался, посмотрел на кошелек с выручкой от воды.

— А вот и деньги! Возьмем реал — и порядок!

Шуша открыл глаза и с укоризной посмотрел на сына.

— До содержимого кошелька не дотрагивайтесь! Не наше!

— А что такого? Возьмем займы, а потом вернем.

— Я сказал — не трогать! Воровством это окажется.

— Но тебе же нужно купить лекарство, поесть?

— Не надо, так обойдусь.

Тут вмешалась старушка:

— Ты совсем плох! Тебе нужно лекарство и поесть! Целый день во рту крошки не держал!

В доме воцарилась тишина. Все молчали. Тут снова заговорил отец, напрягая остатки сил:

— Вот что: паломница Замзам давно мне должна реал. Забери эти деньги и покупай, что надо. Если не захочет отдать, скажи — отец болен, нужно лекарство купить.

— Хорошо, отец.

Жуя на ходу хлеб с сыром, Сейид добежал до харчевни Замзам. Та сидела на лавке, расплываясь по ней во всю ширь и длину. Парнишка быстро затараторил:

— Эй, паломница, гони реал, который ты должна отцу!

— Какой еще реал, постреленок? — возмущенно спросила толстуха, услышав слова Сейида.

— А тот, что ты должна давно уже заплатить за воду!

— Пустые слова говоришь, братец.

Вытянув раскрытую ладонь, Замзам крикнула мальчишке:

— Скажи отцу, пусть приходит и поест потрохов жареных.

— Он их никогда не ест, — закричал в ответ Сейид. — Нам нужны деньги.

Замзам не удостоила мальчишку ответом. Она продолжала отдавать распоряжения своему Гадду. Сейид со злостью заорал:

— Нам нужен реал! Давай его сюда!

Толстая баба угрожающе посмотрела на Сейида. Когда же она заметила, что посетители харчевни обращают внимание на происходящее, зашипела:

— Катись отсюда, щенок! Пошуми у меня!

— Не уйду без денег! — решительно сказал Сейид. — Давай реал, добром прошу! Деньги нужны нам, чтобы отцу лекарство купить. Болен он.

— Пусть хоть подойдет, мне какое дело!

Услышав эти гнусные слова, Сейид бросился к Замзам и слабыми ручонками вцепился ей в глотку, продолжая кричать со слезами в голосе:

— Деньги давай, сукина дочь! Чтоб ты сама сдохла!

Толстуха поначалу опешила. Но, оправившись от неожиданной атаки мальчишки, сильно ударила его в грудь. Он упал.

Сейид зарыдал, поднялся и попытался снова броситься на ненавистную бабу. Тут вмешался Гадд. Сильным ударом ноги он снова свалил Сейида на пол. Когда тот попытался встать, то получил удар ногой от Машта. На каждую попытку встать ему отвечали ударом. Мальчик корчился от боли, ревел от обиды. Тут вмешался один из посетителей, избавив нашего смельчака от озверевших палачей.

Пришлось Сейиду покинуть поле брани. Его душили рыдания, из губ текла кровь, сердце сжимала злость на людей, так жестоко расправившихся с ним. Как возвращаться домой без лекарства для отца? Он не знал — как отомстить за обиды проклятой Замзам и ее наемнику Гадду? Сил-то у него мало.

Вконец убитый неудачей, Сейид брел домой, смотрел на небо и вопрошал: "В самом ли деле там живет бог, всевидящий, всемогущий, справедливый, милосердный, милостивый? Видел ли он то, что со мной сделали? Если видел, то почему молчит? Нет, нет... Он непременно должен что-то сделать для меня!"

В голове мальчишки шла напряженная работа. Он придумывал кару своим обидчикам,

которую должен ниспослать аллах. Всемогущий и милостивый аллах не может стерпеть такой несправедливости. Он отомстит за него. Но как? Какими средствами?

Гадд разгневает паломницу Замзам, и та начнет его лупить палкой, которая всегда у нее в руках, разобьет ему голову. Гадд разозлится и бросится на Замзам с ножом, вонзит его в живот этой сукиной дочери, распотрошит его и превратит эту жирную пирамиду в безобразный труп. Не успеет он разделаться с этим чудовищем в образе женщины, как задрожит земля, закачаются стены харчевни, обвалится крыша и накроет злодея Гадда и безобразный труп этой бабы.

Придумав такую божью кару, Сейид почти успокоился. Неужели всемогущий аллах не сделает так, как он хочет?

* * * * *

Муаллим Шуша в это время выражал большое беспокойство в связи с длительным отсутствием сына. Он без конца спрашивал мать:

— Сейид еще не пришел?

— Пока нет.

— Чего так долго?

— Пойду посмотрю на улице. Может, найду кого из ребятишек, его приятелей, пошлю поторопить.

Старушка вышла за ворота дома и стала звать ребятишек:

— Эй, Мухаммед! Дукдук!.. Заки!.. Пойдите кто-нибудь посмотрите Сейида.

В ответ никто не откликнулся. Только гуси, напуганные непривычным голосом хозяйки, легли на землю и загоготали.

Шуша лежал в постели и слушал. Вдруг он заметил, как щель в стене комнаты, где был умывальник, стала быстро расширяться. Угол комнаты разваливался. Потолок, потеряв опору, грозил вот-вот обвалиться.

Шуша медленно поднялся и направился к двери, но услышал треск над головой. С потолка посыпалась штукатурка и камни. Он увидел, что стена закачалась, и в следующую секунду на него обвалился большой кусок потолка. Шуша закрыл голову руками и попытался сделать еще один шаг. Но штукатурка и камни градом посыпались ему на голову. Он упал.

Шуша закричал. Он тщетно пытался освободиться от заваливших его обломков. Из головы текла кровь, обливая одежду. Но его все продолжало заваливать. Пыль и грязь забивали ему горло, мешали дышать. Все его попытки высвободить хотя бы голову, оказались тщетными. Огромная тяжесть продолжала наваливаться на него. Он уже ничего не видел, потонул в обломках. И начал жалеть, что не погиб сразу. Обвал продолжался. Шуша прекратил всякое сопротивление, и очень скоро всем его страданиям пришел конец.

А во дворе старушка оглашала окрестности громкими криками: "О боже!" Она попыталась проникнуть внутрь, чтобы посмотреть — что стало с больным. Но не успела она подойти к двери, как лавина обломков стен и потолка обрушилась и загрозила ей дорогу. Быстро сбежался народ. Отовсюду неслись крики ужаса.

В это время Сейид был еще в пути. Он рисовал себе картину разрушения харчевни, которая обвалилась на головы Замзам и Гадда. Это было доказательство могущества и справедливости аллаха. Тут он увидел мчащуюся пожарную машину. Ее колокол гремел. "Где-то пожар", — подумал Сейид. Машина ехала в сторону их дома. Мальчик прибавил шагу, намереваясь посмотреть на пожар и на то, как его будут тушить.

Приблизившись к дому, он увидел толпу народа, зополонившую весь Кошачий переулок. Пожарная машина не смогла проехать в переулок и остановилась рядом. Не видя дыма, мальчишка начал кричать, спрашивая окружающих о случившемся:

— Что происходит? Где пожар? Я ничего не вижу!

Людям было не до мальчишки. Но тут его заметил муаллим Шеха и с тревогой крикнул:

— Давай сюда! Домой не ходи, он обвалился!

— Наш дом обвалился? А где отец?

Присутствующие обернулись к мальчику и узнали его. Среди них был муаллим Али аль-Хама. Он взял Сейида за руку.

— Иди сюда! Не бойся, иди! Мужики пошли в дом...

Сейид был поражен, потрясен. Он прижался к Али.

Они стояли неподалеку от бакалейной лавки муаллима Шеха.

Полицейские разгоняли народ, расчищая дорогу пожарникам. Те начали разбирать развалины, ища погребенного. Среди всеобщего гомона собравшихся Сейид услышал голос бабушки, которая рыдала и причитала.

Он тут же вырвался от Али аль-Хама и начал пробираться сквозь толпу ближе к дому. На фасаде не было никаких следов катастрофы. Лишь кое-где осыпалась краска. Вокруг дома и внутри его суетились пожарники.

Увидев около двери бабушку, Сейид бросился к ней. Она крепко обняла его, как бы не веря, что он вернулся, сказала срывающимся голосом:

— Твой отец, Сейид!

— Что с ним, где он?

— Там, внутри, внучек. Его завалило. Я вышла тебя поискать. Не успела вернуться, как услышала страшный грохот. Я закричала, призывая на помощь. Дверь была уже завалена.

Не успела старушка закончить свой печальный рассказ, как Сейид в безумном порыве бросился внутрь дома. Пожарники пытались его остановить, но мальчишка увернулся. Вбежав внутрь, он закричал:

— Папа, папа! Где ты?!

Не прекращая кричать, Сейид выбежал во двор и увидел пожарников, которые несли тело, завернутое в одеяло. Они прокладывали себе дорогу среди обломков дома. Мальчик снова закричал: "Папа, папа!". Ему на плечо ласково легла сильная мужская рука. Человек успокаивающе проговорил:

— Будет, сынок, не надо... На то божья воля. Что же делать? Все мы во власти аллаха!

Тут же Сейид вспомнил труп Шеххаты, завернутый в одеяло. Его положили в деревянный ящик, и он больше не возвращался. Он вспомнил также, как кричал, звал своего большого приятеля, но тот не отвечал. Мальчишку обуял страх. Он бросился к носилкам, на которых лежало тело отца.

— Папа, папа! Куда тебя несут? Я не хочу, чтобы тебя уносили. Ты не вернешься обратно!.. Я знаю!.. Ответь же мне, отец!.. Разве ты не помнишь своего обещания никогда не умирать. Это же было вчера, помнишь или нет? Не уходи, отец, заклиная тебя именем аллаха!

У пожарников, которые несли тело Шуши, защемило в глазах, скупые слезы покатались по щекам. А ведь они уже давно привыкли к зрелищу несчастий и трагедий! Один из них отстранил Сейида от носилок. Печальная процессия продолжила свой путь. Недалеко от дома стояла карета "скорой помощи". Переговорив с соседями, пожарники оставили труп и пошли к своей машине. Из толпы вышли Али аль-Хама и Шеха. Аль-Хама жил ближе всех от развалившегося дома. Он крикнул:

— Пойдемте ко мне!.. Посторонись-ка ты, постреленок! Дорогу, дорогу!..

Мужчины подняли носилки и внесли их в дом аль-Хама. Сейид бился в рыданиях на земле. Кто-то поднял его и передал бабушке. Соседи начали крепить досками и столбами оставшиеся от дома стены.

Толпа понемногу расходилась, когда подошли Хишты. Услышав страшную новость, жена и дочь Хишта бросились к Умм Амине и горько заплакали. Глава семьи затряс головой и причитал:

— Боже ж ты мой! Нет другой силы, кроме божьей!

Али смотрел на Сейида, сидящего на пороге дома аль-Хама. Он тоже заплакал, вспомнив, как вместе с ребятами пел эту гнусную песенку: "Твой отец водонос умер". Али сильно расстроился, потому что почувствовал себя главным виновником всего случившегося. Он стал

оправдываться перед самим собой. Ведь шутили они всего-навсего. Им и в голову не могло прийти, что водонос вправду помрет, оставив сиротой сына!..

Заливаясь слезами, снедаемый угрызениями совести, Али подошел к приятелю, заговорил:

— Ладно, Сейид, не расстраивайся так. Ей-ей, я не хотел этого! Если бы знал, то никогда бы так не говорил! Виноват я перед тобой, Сейид!

Вытирая слезы, жена Али аль-Хама пригласила всех в дом:

— Чего стоять на улице, заходите! Посидите у нас, пока не сделают все нужное.

Ночь прошла в плаче, поминании, в чтении корана. Обитатели полуразвалившегося дома побоялись там оставаться. Поэтому семья Хиштов ночевала у своего родственника Изза, Сейид и Умм Амина — в доме Али аль-Хама, там же, где находилось тело Шуши.

Сейид провел удивительную ночь. В ушах не переставали звучать крики и причитания, шедшие со всех сторон. В его сознании реальность перемешалась с фантазией. Ему представился пляшущий Шеххата, отец в бане, дающий обещание никогда не умирать и не надевать костюма для похорон. Но тут же Сейиду представился отец в ванне, другие, кто был в бане, одетые специально для похорон, с кадилами в руках и расппевающие: "Твой отец водонос умер"... Он начал бросать в них камнями.

Перед рассветом он все же погрузился в глубокий тяжелый сон. Проснулся от шума и суеты в доме. Увидел то же самое, что и в день смерти Шеххаты. Один шил белый саван, другой заканчивал сбивать деревянный ящик.

Удивителен этот мир! Неужели все эти ужасные приготовления и вправду предназначаются для его отца? Неужели правда, что дом обвалился на голову отцу? А Гадд, Замзам? На их головы ничего не обвалилось? И они продолжают оставаться на свободе, грабить и унижать людей?

И вправду аллах всемогущ! Однако кажется, что сила его была направлена не в ту сторону. Разум раба божьего не в состоянии воспринять случившегося. Может ли человек считать мудрым и справедливым то, что случилось с Шушей?

Гадд и Замзам жестоко обидели Сейида. Он просил аллаха показать свою силу и всемогущество, примерно наказать их, разрушить ненавистную харчевню, обвалить крышу на их головы. А что же аллах? Когда Сейид обращался к нему с молитвами, он разрушал его собственный дом и убивал отца. Преднамеренно или нет, но аллах ошибся. Он причинил ему такое зло, которое не должен был делать — отнял у него отца.

Куда он теперь его денет? Вознесет на небо? Если же упрячет в глубь земли, то какая богу от этого польза? Сейид тяжело вздохнул. Увидев, как мужчины вносят гроб в комнату, где лежит тело отца, мальчик горько заплакал. Вскоре тело дорогого ему человека вынесли во двор. Все пропало, все кончилось для него в жизни!..

Теперь ничего не поправишь! Его вынесли во двор, скоро понесут еще дальше и вернутся без него. Нужно ли ему самому идти вместе с ними, чтобы быть подле отца до последней минуты? Или не надо быть свидетелем этой ужасной церемонии, к которой привык в свое время отец?

Вдруг Сейид вскочил, собираясь что-то делать. Ему в голову пришла одна мысль. Он побежал к дому. Продравшись сквозь завалы обломков стены, груды штукатурки и камней, Сейид нашел сундук, порылся в нем и быстро нашел нужное. Мальчик вытащил знаменитый сверток, развернул его, достал оттуда брюки и пиджак, напялил их на себя. На голову надел феску, которая повисла на ушах, чуть не закрыв глаза.

Выйдя на улицу, Сейид увидел процессию, которая собиралась трогаться в путь. Собравшиеся изумились, увидев малыша в большом, не по росту пиджаке, фартуке и феске. Вид мальчишки в одеянии "благородных" заставил всех снова заплакать. Муаллим Хишт начал отговаривать Сейида идти на кладбище, предлагать ему остаться с мальчишками и дожидаться их возвращения. Он говорил мальчишке, чтобы тот не печалился, что все обитатели переулка заменят ему отца, не бросят в беде.

Сейид приподнял феску, спускавшуюся ему на глаза, посмотрел на Хишта. В его взгляде

были решимость и спокойствие. Он заговорил тихим проникновенным голосом, как бы повторяя заученное: "Я хочу отдать ему последний долг, как он когда-то отдавал последний долг другим... Я не удручаюсь случившимся. Он не первый отец, который умирает, а я не первый сын, остающийся сиротой".

Участники процессии были поражены. Они уже не в состоянии были запретить мальчику идти вместе с ними. Процессия двинулась, Сейид шел впереди. Если бы не две слезы, повисшие на ресницах, его можно было бы считать спокойным.

Процессия пришла на кладбище. Началось погребение. Сейид наблюдал за всем, чувствуя себя полностью потерянным и безучастным к происходящему. В ушах звучал голос отца: "Я не думал о смерти во время каждой процессии, в которой участвовал, видел ее воочию и испытывал от этого какое-то удовлетворение, вернее, утешение. Я уже приучил себя к мысли о неизбежности смерти".

Участники процессии спустились в подземелье и уже через несколько минут вышли обратно. Вход в подземелье быстро завалили камнем, засыпали землей, и как будто не было ни похорон, ни могилы. Одним покойником на кладбище стало больше, одним живущим — меньше.

Живущие! Какая несправедливость, какое лицемерие! А что, разве для живущих на земле теперь стало больше места? Они живы, а отца нет! Мешал он им? Сколько еще будет топтать землю — довольных, злых, горделивых, подлых!

Много на земле жило различных людей — добрых и злых, веселых и скучных. Но все они ушли в небытие. На смену им пришли другие. И так всегда — процесс обновления земли не прекращается.

Эпилог

На следующий день Сейид сидел перед колонкой на месте отца. На лице его были написаны серьезность и решимость. Перед ним стояла очередь, тихая и спокойная, без толкотни и обычного гомона. Иногда молчание нарушалось короткими репликами в адрес мальчика: "Живи и здравствуй!", "Благословит тебя аллах!" К нему обращались как к уважаемому шейху. Это были знаки сочувствия и почтения к мальчику, пережившему такое большое горе.

Вечером Сейид взял кошелек с деньгами и отнес их в контору компании. Кассир велел ему прийти завтра для беседы с директором.

Наутро начальник горячо приветствовал Сейида, сообщив ему, что тот может продолжать заведовать колонкой вместо отца.

С тех пор Сейид сидел на месте отца. Он и бабушка пользовались гостеприимством в доме Али аль-Хама до тех пор, пока не был отремонтирован их дом, где они снова поселились.

Шли дни. Мальчик шел по жизни, уверенно и терпеливо неся на своих хрупких плечах ее тяжесть, выполняя свой долг. И ни на один день он не забывал о дорогой вещи, напоминавшей ему об ушедших из мира сего... О тутовике. Поливал ее каждый день.

Умерла бабушка Умм Амина. Сейид стал уже взрослым, женился, у него родился сын. Каждое утро мальчик брал бурдюк с водой и шел поливать дорогое дерево, чтобы пышнее росла его крона, давая тень людям, напоминая о тех, кто его посадил и взлелеял.

Об авторе

Автор романа Юсеф эль-Сибай принадлежит к среднему поколению современных египетских писателей. Наиболее полно его писательское мастерство проявилось в последние пятнадцать лет, после победы в Египте прогрессивной июльской революции 1952 года. Юсеф эль-Сибай — плодовитый писатель. Его перу принадлежит более десяти романов, несколько повестей и сборников рассказов, ряд пьес, поставленных на сцене каирских национальных театров. Много работает на публицистическом поприще.

Главный герой большинства произведений Юсефа эль-Сибай — простой народ, мелкие служащие, представители рядовой интеллигенции, к которым автор проявляет большую симпатию. Это важно отметить потому, что время действия почти всех романов Юсефа эль-Сибай охватывает дореволюционную королевскую эпоху истории Египта... Зачастую автор обращается непосредственно к простому, не очень образованному читателю. Отсюда простота языка произведений.

Роман "Водонос умер" относится к числу наиболее удачных и популярных произведений Юсефа эль-Сибай. Два первых издания романа были быстро раскуплены. А это большой показатель даже в сегодняшнем Египте. В нем очень доходчиво и в простой форме показана жизнь рабочей семьи, обитающей в старом квартале Каира, со всеми ее горестями и малыми радостями.

Египетские литературные критики зачастую расходятся в оценке романа "Водонос умер" и других произведений Юсефа эль-Сибай. Многие из критиков считают его чересчур сентиментальным, упрощающим взаимоотношения между людьми, хотя бы и совсем маленькими по своему общественному положению. Вместе с тем признается, что в романе есть немало сильных мест и ярких страниц.

Роман "Водонос умер" — первое произведение Юсефа эль-Сибай, переведенное на русский язык. Для советского читателя представляет несомненный интерес прежде всего с познавательной точки зрения, особенно в смысле литературного знакомства с образом жизни простых египтян, с их жизненной философией.